

КОСТЁР

11 НОЯБРЬ 1977

60 ЛЕТ НАЗАД
НА ЭТОЙ ПЛОЩАДИ
В ПЕТРОГРАДЕ
ОТРЯДЫ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН
ШТУРМОМ ЗИМНЕГО ДВОРЦА
НАЧАЛИ НОВУЮ ЭРУ В ИСТОРИИ НАШЕЙ СТРАНЫ, В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Умолк пулемет,
Умолкнул
Горели,
как звезды,
бледнели
звезды небес
Угодил толков.
пуль
звонящий улей.
границы штыков,
в карауле.

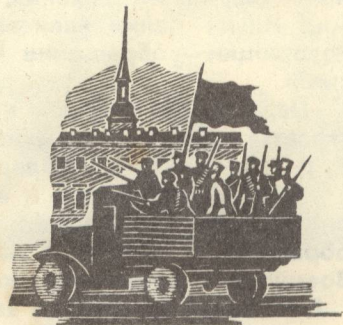
Дул,
как всегда,
октябрь
ветрами.
Рельсы
по мосту вызмеив,
гонку
свою
продолжали трамы
уже —
при социализме.

В. МАЯКОВСКИЙ

1917-1977

За 60 лет нашей страной прожито более 21 900 дней. И каждый из них был для нас главным, потому что каждый сегодняшний день готовит день завтрашний, а еще потому что наши прадеды, деды и отцы — большевики, создавшие советское государство, всегда жили так, что каждый день их жизни был главным.

Мы расскажем тебе лишь о некоторых из этих дней. В них, как и во всех остальных, отразился героический шестидесятилетний путь нашей Родины.

25 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Осенние серые ветры пронеслись над Россией. Всюду шли дожди. В окопах мокли солдаты, проклиная постылую жизнь, проклиная министров-капиталистов, которые не хотели кончать войну.

В городах бастовали рабочие, в деревнях крестьяне пытались силой отнять у помещиков землю.

Шли последние часы жизни старого мира. Буржуазные министры еще надеялись на победу. В театрах для богато разодетых людей давались спектакли, шикарная публика гуляла по Невскому. Но революционный крейсер «Аврора» уже вошел в Неву и встал у Николаевского моста, разогнав отряд юнкеров.

В этот день история нашей страны сверяла часы по революционному Петрограду.

Вечером 24 октября Ленин покинул конспиративную квартиру и пришел в Смольный. «Промедление смерти подобно, — сказал он. — Решать дело сегодня непременно вечером или ночью».

Смольный, прежде ничем не знаменитое здание, становится штабом революции, ее сердцем и мозгом. Сюда стекаются отряды рабочих-красногвардейцев, солдат и матросов. Отсюда по команде Военно-революционного комитета расходятся они, чтобы занять главные места города.

Ночью в комнате № 36 собрались на заседание члены ЦК ленинской партии. Временное правительство все еще надеется на победу, а Ленин уже говорит об организации новой, пролетарской власти.

«Посреди комнаты стол, вокруг несколько стульев, на полу брошено чье-то пальто, — вспоминает один из членов ЦК. — Время от

КОСТЁР

11
НОЯБРЬ
1977

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года

© «Костер», 1977 г.

времени стук в дверь: поступают сообщения о ходе событий».

В 1 час 35 минут ночи было занято здание Петроградского почтамта.

В 2 часа — занят Николаевский (Московский) вокзал, а на прилегающей площади выставлены караулы.

В 2 часа — занята главная городская электростанция.

В 6 утра — занят государственный банк.

В 7 утра — занята центральная телефонная станция и немедленно выключены все телефоны Зимнего дворца.

К 8—9 утра практически весь город был под контролем Военно-революционного комитета.

Наступивший день был первым днем нового мира.

Отдыхать было некогда, невозможно. После ночи, полной напряжения, рано утром Владимир Ильич Ленин написал первый документ Революции — обращение «К гражданам России!».

«Надо было написать кратко, сжато и все сказать в нем, — вспоминал соратник Ленина В. Д. Бонч-Бруевич, — Владимир Ильич быстро писал и перечеркивал и вновь писал. Вскоре он закончил и прочитал нам вслух это первое обращение к широким народным массам от Военно-революционного комитета».

В 14 часов 35 минут в актовом зале Смольного собрался на экстренное заседание Петроградский совет.

«Мы слышали гул голосов, — вспоминал рабочий Путиловского завода красногвардеец И. Ф. Еремеев. — Не зная, в чем дело, схватили винтовки и бросились в коридор. Но тревога была напрасной: это участники засе-

дания восторженно приветствовали появившегося на трибуне Владимира Ильича Ленина».

— Товарищи! Рабочая крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась... — начал Владимир Ильич.

И в это время вновь «нельзя сказать гром, а нечто большее — вихрь человеческих чувств пронесся по залу», — вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич.

В руках министров Временного правительства осталось лишь единственное здание — Зимний дворец.

В 21 час 45 минут после сигнального выстрела «Авроры» началось сражение на Дворцовой площади.

«Мы побежали, низко пригибаясь и прижимаясь друг к другу, — писал участник штурма Джон Рид. — В это время при ярком свете, падавшем из всех окон Зимнего дворца, я заметил, что передовые двести-триста человек были все красногвардейцы... Мы вскарабкались на баррикады, сложенные из дров, и, прыгнув вниз, разразились восторженными криками: под нашими ногами оказались груды винтовок, брошенных юнкерами. Двери подъездов по обе стороны главных ворот были распахнуты настежь».

В 2 часа 10 минут в ночь с 25 октября на 26-е Зимний дворец пал. Последняя территория буржуазного правительства в Петрограде.

А Ленин еще днем говорил о построении нового мира. Не зря свою речь в актовом зале Смольного он закончил такими словами:

«В России мы должны сейчас заняться постройкой пролетарского социалистического государства».

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

Вячеслав КУЗНЕЦОВ

Гневный и грозный,
он вышел в поход —
в знаменах и звездах
восемнадцатый год.

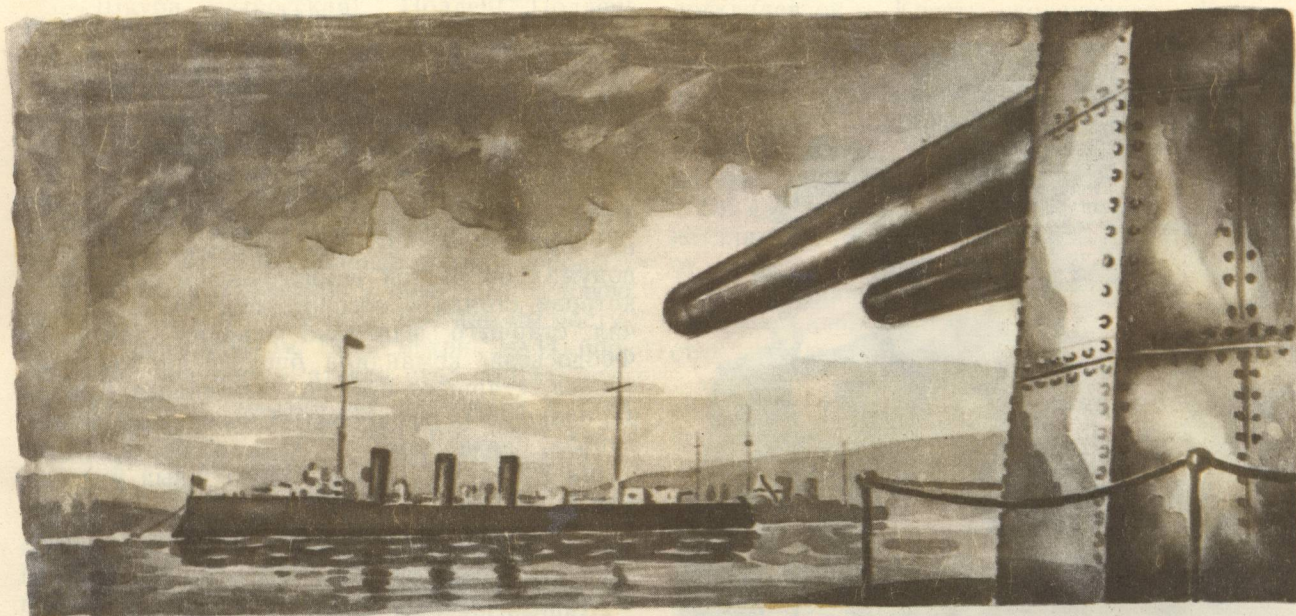
С гранатой у пояса
полз под огнем.
Стальным бронепоездом
шел напролом.

Бандиты грабили
Сибирь
и Восток.
И сабля в саблю
врубалась крестом.

А звезды всходили,
качались в седле.
Звезды не стили
на древней Земле!

СРОК УЛЬТИМАТУМА ДВА ЧАСА

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Геннадий ЧЕРКАШИН

Рисунки Р. Яхнина

Командую флотом

Стоя на барбете, Шмидт словно видел все со стороны: серебристо-серый нож, пронзая легкую дымку и вспарывая лезвием отглаженную голубую ткань, плавно скользит туда, где, выстроившись друг за другом, стоят огромные угольные утюги. И привычно под ногами подрагивала палуба. И ветер трепал волосы на непокрытой голове. И шипела, распадаясь, малахитовая вода под форштевнем...

Сейчас все было важно, и, воспользовавшись тем, что до «Ростислава» еще несколько минут ходу, Шмидт старался припомнить детали того дня, когда, покинув Одессу, «Потемкин» вышел навстречу эскадре адмирала Кригера. Пять броненосцев, два контр-миноносца, минный крейсер и четыре миноноски дымили июньское небо на горизонте, но броненосец под красным флагом шел напрямик к ним. Вот он приблизился на расстояние пушечного выстрела, еще ближе... На флагманском «Ростиславе» поднимают сигнал: «„Потемкину“ стать на якорь!». Не обращая внимания на приказ и на то, что на пути у него «Три святителя», революционный броненосец идет прежним курсом. Вы-

нужденный уступить ему дорогу, командир «Трех святителей» с помощью флажкового семафора оправдывается перед Кригером: «На „Потемкине“ имеются боевые мины Уайтхеда». На «Потемкине» успевают это прочитывать, и тогда на мачту взлетает сигнал: «Эскадре стать на якорь!»

Вот! Вот когда адмирал Кригер дрогнул! Следует его сигнал: «Повернуть всем на 16 румбов!», эскадра поворачивает и идет прочь. А «Потемкин», вместо того чтобы возвращаться в Одессу, продолжает преследовать кригеровскую эскадру и вторично перерезает ее строй! И тогда не выдерживает команда «Геorgia Победоносца». Несмотря на приказ следовать в Севастополь, «Георгий» стопорит машины. «Потемкин» становится рядом. Остальные корабли поспешно уходят курсом на зюйд-вест.

«Наступательная тактика, дерзость, готовность принять явно неравный бой — вот что принесло победу «Потемкину», — думал Шмидт, глядя, как, разрастаясь вверх и вширь, надвигается на него громадина «Ростислава».

Вчера, когда на военном совете он заявил депутатам, что после подъема флага пойдет освобождать потемкинцев, которые находились на плавучей тюрьме «Прут», кое-кто стал возражать, считая это невозможным.

Продолжение. См. «Костер» № 10, 1977 г.

«Смертельный номер, — сказали ему, — вам не позволят этого сделать. «Прут» находится под защитой всех кораблей, к тому же на нем усиленный караул». — «Мы не имеем права ждать, что предложит нам Чухнин, мы сами должны навязывать им свою тактику!» — он сказал это резко, потому что всегда сердился

на любителей произносить очевидные истины. Конечно, это было рискованное дело, как же иначе. Но меньше всех рискует тот, кто не покидает собственной постели. «Если я объявляю себя командующим флота, то мой долг обойти корабли. Будем надеяться, что матросы меня поддержат...»

Оркестр грянул марш. И «Свирепый» вошел в широкую тень «Ростислава». «Будем надеяться», — подумал Шмидт и, выпрямившись, взглянул наверх.

Шмидт взглянул наверх, ожидая увидеть сотни человеческих лиц, но палуба «Ростислава» была пуста. «В чем дело?» — с тревогой подумал он. В той немногочисленной группе, которая стояла у носового орудия, он различил старшего флагмана эскадры адмирала Феодосьева, командира броненосца Константина, старшего офицера лейтенанта Карказа, очаковских офицеров — Скаловского, Казаринова, Захарченко. У самого борта стоял Саша Ратьков — самый добродушный и ленивый в училище, а теперь на флоте. При виде его потешной физиономии захотелось улыбнуться, дружески кивнуть ему, но все это сейчас было не к месту.

«Свирепый» уже замер на месте, уже смолк оркестр, а Шмидт все еще не знал, что ему делать. И вдруг он их увидел — лица, расплющенные об иллюминаторы, перекошенные криками рты. «Загнали в кубрики, — понял он. — Отгородили броней от меня».

— Братья! Товарищи наши матросы, — крикнул он. — Сегодня мы на своих мачтах подняли флаг свободы! Пусть все знают, что нет больше среди нас рабов! С нами вся Рос-

сия! Весь русский народ!.. Разбейте люки, выйдите на палубы, да здравствует революция!

«Они должны это услышать, — думал он. — Должны! Обязаны! Нельзя иначе...»

— Шкура матросская!.. Подлец! Подлец! Подлец!

Шмидт поднял голову.

Это кричал маленький темнолицый Глизян. Другие кричали еще похлеще. Но, перекрывая всех, вдруг раздался голос Ратькова.

— Петя! — крикнул Ратьков с мостика и поднял над головой красный флаг. — Петя, ты был моим товарищем, отныне же я презираю тебя! Вот твоё хваленое знамя свободы... Смотри же, что я делаю с ним... Да, я плюю на него! Вот так... Вот так... Вот как мы поступаем с твоим флагом! Вот, смотри!.. — И, бросив флаг под ноги, Ратьков стал топтать его, выкрикивая: — Мы так же растопчем и всех вас! Смотри... вот так... вот так... вот так...

Шмидт почувствовал, что задыхается. Лучше бы этот негодяй выстрелил в него. Ей-богу, лучше умереть, чем видеть такое... И хуже всего было то, что этому никак нельзя было помешать, и оставалось только одно — сцепить покрепче зубы и сглатывать комок, который вдруг застрял в горле.

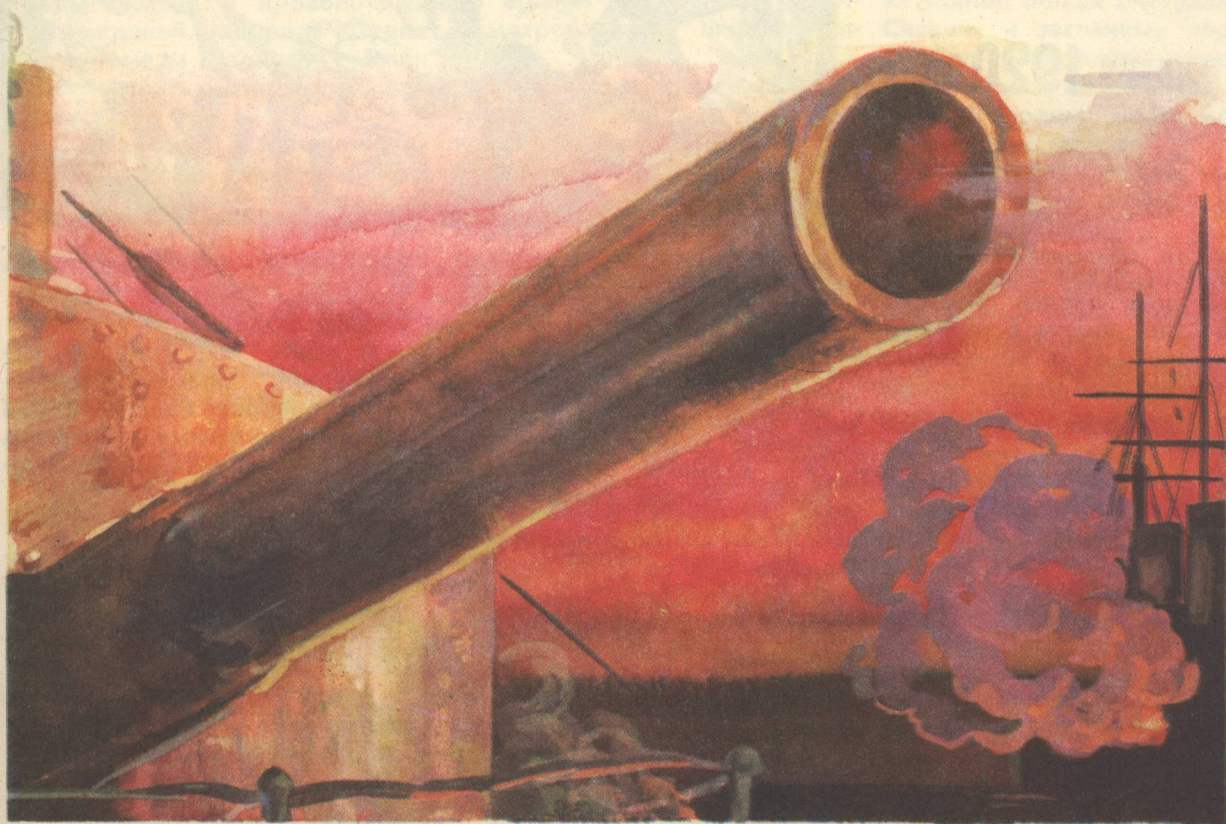
Наконец Шмидт опомнился и дал знак Мартыненко. Он слышал, как на мостике звякнула ручка телеграфа и как вскипела под винтом вода. И матросские лица в иллюминаторах поплыли влево, но теперь он плохо различал эти лица. Он словно вновь окунулся в туман. В такой же бело-розовый туман, в котором утром купался город. Белый город на серых холмах. Прекрасное зрелище, когда молочный кисель стекает по крутым склонам. Нет никаких склонов — все в тумане. Словно на шаре

ты попал в облако. Но почему исчезли вдруг все звуки? Все звуки, кроме одного, — короткие удары молотка. Словно где-то забивают гвозди. Где-то совсем близко. Это Голгофа — догадался он. — Кресты сколачивают... Кто-то всегда сколачивает кресты... Есть даже такая профессия — сколачивать кресты. Конечно, за деньги. И еще есть профессия — пригвоздить к крестам людей. Конечно, тоже за деньги. И есть такая потребность у людей — идти на крест. За убеждения...

Он вдруг увидел зеленую воду, которая клотала, бурлила и пенилась в двух сажнях от него, и понял, что на какое-то мгновение терял сознание. Вот и произошло то, о чем так настойчиво предупреждали врачи. «Пустяк, — подумал он, — обойдется».

«Почему они не убили меня?.. Растерялись?.. — продолжал думать он. В отяжелевшей вдруг голове мысли сталкивались, как бильярдные шары, и с треском отскакивали друг от друга. — Ведь по уставу они обязаны застрелить меня... Убить... убить... убить... На «Ростиславе» это не произошло, теперь на очереди «Три святителя»... Знакомый канатный ящик. Электрическая лампочка, которая горела день и ночь... Рези в глазах...

Боже, какая все-таки громадина эти «Святители» — 13318 тонн!.. Самый тяжелый броненосец на флоте. Четыре 12-дюймовки, двенадцать 6-дюймовок, пятьдесят скорострельных пушек, шесть минных аппаратов... Если на «Святителях» меня встретят так же, то всю эту огневую мощь следует приплюсовать к четырём 10-дюймовкам, восьми 6-дюймовкам, тридцати скорострельным и шести минным аппаратам «Ростислава»! Много! Но это еще не все.

Он переступил с ноги на ногу и взглядом окинул весь отряд броненосцев. «Екатерина» — это еще шесть 12-дюймовок, семь 6-дюймовок, четырнадцать скорострельных и семь минных аппаратов... Затем шесть 12-дюймовок, семь 6-дюймовок, четырнадцать скорострельных и семь минных аппаратов «Синопа». На «Георгий» все то же самое, но на восемь скорострельных больше... И замыкают строй «Двенадцать апостолов» — легкий броненосец... всего четыре 12-дюймовки, четыре 6-дюймовки, двадцать восемь скорострельных и шесть минных аппаратов.

«Еще рано подводить черту, — подумал Шмидт, вспоминая, что на «Очакове» в действующем состоянии всего шесть 6-дюймовок. — Нет, к черту арифметику, — рассердился он. — Все эти махины все равно разоружены, а «Очаков» нет!.. И у нас к тому же есть миноносцы... Но у них тоже есть... И у нас нет мин... Правда, это никому не известно... Пусть они лучше думают, что у нас есть мины... Мины на случай экстренного выхода эскадры в море всегда хранятся на «Буге»... Даже мины Уайтхеда... Если мне не изменяет память, то на случай выхода эскадры в море «Буг» должен нести на борту не менее 300 мин... И еще в погребах транспорта хранятся сотни пудов пироксилина. «Буг» стоит у стенки под стенами дивизии по соседству с контр-миноносцем «Заветный», который на нашей сто-

роне... Если «Буг»... Выпрямись, — скомандовал он сам себе, — уже грянул марш... Руку на место... так... Теперь взгляни наверх... Так и есть — портретная галерея офицеров доблестного Черноморского флота... А за иллюминаторами расплюснутые стеклом лица...»

РАПОРТ

«Главному командиру Черноморского флота и портов Черного моря вице-адмиралу ЧУХНИНУ

Секретно

...К вечеру 14-го почти со всех судов, кроме явно взбунтовавшихся, были свезены, согласно приказанию вашего превосходительства, ружья в минное адмиралтейство, охранявшееся в это время уже пехотной ротой, а потом получил приказание от вашего превосходительства отдать ружья, орудийные кольца и плитки обратно на все суда, за исключением «Пантелеймона», что было исполнено в течение ночи.

Капитан порта капитан 1-го ранга КОЛАНДС»

В то же время на берегу

Неистово и тревожно заголосил вдруг колокол со звонницы Покровской церкви и погнал в небо бесприютных уличных голубей.

Из ворот церкви, осеняя себя крестным знаменем, вышла вслед за хоругвями, портретом царя, певчими и священником в золотистой ризе небольшая процессия из офицеров и солдат, которые шли одной общей толпой, плечом к плечу и с непокрытыми головами. По Боль-

8 НОЯБРЯ 1920 ГОДА

Люди труда под руководством партии большевиков взяли власть в свои руки. Они мечтали о немедленном строительстве новой, невиданной в мире коммунистической жизни.

Они хотели одного — трудиться мирно и радостно.

Но империалисты ненавидели советский строй. Они объявили «крестовый поход» против большевистской России.

Английские солдаты высадились в Мурманске, вторглись в Среднюю Азию и Закавказье, японские и американские — вступили во Владиво-

сток. Украина, Белоруссия, белогвардейцев. Были разгромлены Деникин, Краснов, Колчак, Юденич.

Обрадованные поддержкой интервентов подняли головы бывшие хозяева бывшей России. Атаманы и генералы с разных концов страны тянули руки к Москве.

Во главе обороны нашей Родины стал Ленин. Профессиональные революционеры, коммунисты и комсомольцы шли впереди полков Красной Армии. Советская страна голодала, мерзла и, напрягая все силы, отражала бешеные атаки

К осени 1920 года остался последний опасный враг — армия барона Врангеля. Она окопалась в Крыму, и Врангель хвастал, что Крыма большевики не увидят.

С материком Крым соединяется узким Перекопским перешейком. В древности перешеек был перекопан рвом, поэтому его так и называли — Перекоп.

Вдоль старинного турецкого вала через весь перешеек белогвардейцы вырыли ров глу-

— Блокировать все выходы, заменить часового, — оборачиваясь к Чураеву, тихим голосом приказал Шмидт.

Со спардека какой-то офицер помахал рукой и, облачаясь на борт, крикнул:

— Подождите, лейтенант Викорст сию минуту явится — я уже послал за ним...

«Викорст, — вспоминал Шмидт, — Викорст...»

— Так вот кто нас побеспокоил, — услышал он и, оглянувшись, увидел Викорста.

— Именем революции вы арестованы! Попрошу выдать мне ключи от камер, — проговорил Шмидт, протягивая руку к Викорсту.

— Ах вот как, ключи от камер? — Викорст презрительно улыбнулся и, мелькнув в воздухе, ключи полетели за борт.

— О черт! — вырвалось у Шмидта, и в ту же секунду он увидел, что выскочивший откуда-то мичман с револьвером кинулся к нему. Все тело Шмидта напряглось в ожидании выстрела. Однако прошла секунда... вторая, а выстрела все не было. И тогда Шмидт, медленно повернув голову, взглянул в лицо тому, кто должен был его сейчас убить. Позеленевшее мальчишеское лицо, расширенные от страха зрачки, трясущиеся губы... «Он еще не готов убивать», — подумал Шмидт и, положив сверху руку на револьвер, потянул его к себе. Мичман расстался с ним без сопротивления. Вдруг, охватив голову руками, мичман громко зарыдал и бросился бежать. Попав в руки матросов, он судорожно дернулся, и его вырвало.

— Придется сбивать замки. Попробуйте вот этим, — проговорил Шмидт, кидая Чураеву револьвер мичмана. Тот на лету поймал его и засмеялся.

Они шумной толпой вывалили на палубу — бледные, небритые, ослепленные ярким солнечным светом. И, не разобравшись еще толком, что же случилось, они поняли главное, что им вернули свободу, и крики, радостные и нечленораздельные, вырвались из их глоток. И слезы на их грубых лицах были слезами радости — той безумной радости, которую так редко испытывают люди в повседневной жизни. И то, что их переполняло в эти первые минуты свободы, не могло не заразить всех свидетелей этой сцены, и высыпавшая наверх команда «Прута», все двести человек, бросились обнимать тех, кто полгода назад первыми подняли флаг свободы. И несмолкаемое «ура» доносилось со «Свиного», где оркестр играл что-то радостное и волнующее. И уже плыл на высокую грот-мачту, подбираясь к стеньге, красный флаг. И потрясенный всей этой невиданной картиной Шмидт думал: «Неужели же после всего того, что сейчас случилось здесь, на «Пруте», палубы броненосцев не огласятся матросскими криками?! Неужели они не вырвутся из трюмов наружу, чтобы быть с нами?!»

Незадолго до полудня те, кто стоял на берегу, и те, кто мог заметить это с кораблей, увидели, как на стеньгу грот-мачты «Потемкина», переименованного в «Пантелеймона», вытягиваясь по ветру, ползет большой красный флаг.

ТЕЛЕГРАММА

«Его императорскому величеству Николаю Второму
15 ноября 1905 г.

Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от вас, государь, немедленного созыва Учредительного собрания и перестает повиноваться вашим министрам.

Командующий флотом гражданин ШМИДТ»

Старый яличник

Не любил дед Матвей, когда пилила его старая за то, что выпивал он по вечерам с друзьями, но за долгие годы совместной жизни вошла ей в кровь такая потребность, и ничего он не мог с этим поделать. Промолчать бы, конечно, надо, пропустить мимо ушей весь ее никудышный разговор, а у него все наоборот — молчит-молчит, крепится-крепится, а потом по столу кулаком как грохнет: «Да уймешься же ты наконец?!» — и айда к своим друзьям на берег. Там, среди таких же стариков ветеранов, как и он сам, весело было.

Летом, когда праздновали пятидесятилетие славной обороны, понаграждали их всех памятными медалями и всякие почести им были оказаны. Вот когда старуха снова загордилась. Как же, сам великий князь генерал-адмирал Алексей Александрович награждал. Да только не надолго хватило старухи, и месяца не прошло, как снова ополчилась и против самого деда Матвея и против дружков его героев-ветеранов.

А другой раз, поругавшись с бабкой Анисьей, уходил дед в Истоминскую башню на Малахов курган, где он числился смотрителем и, прихватив в погребке по пути бутылку красного греческого вина, поднимался наверх, где, расставив парусиновое кресло, садился в него и любовался городом, морем, эскадрой. В прошлом году подарил ему один старый контр-адмирал подзорную трубу, с тех пор просиживать на башне стало привычкой.

Но и тут старая не успокоилась, и тут стала попрекать. «Ну чистая дитя, — говорила бабка, всплескивая руками. — Что же, заберешься на башню и будешь торчать там целый день?.. Внуки, вон, смеются». — «Не твое это бабье дело, — обрезал ее дед Матвей, — куда хочу, туды и иду, а ты не вмешивайся и внуков моих сюды не приплетай». Да и что объяснишь старой, все равно ведь не поймет того интереса, что возникал в нем каждый раз, когда он видел стальные громадины. Не любил он их, боялся и восхищался. Ему — матросу парусного флота — железные корабли казались слишком грубыми, слишком грязными и дымными, слишком неуклюжими.

«Ну куды, спрашивается, броненосцу до фрегата, — рассуждал он. — Небо задымит, море растревожит, летом на нем духотища, а уж кочегарам чистый ад... эх! — вздыхал он, вспоминая стройность и опрятность парусников, их плавное скольжение, головокружительную высоту мачт, которые по ночам царапали звезды, сладковатый запах дерева — так же в детстве пахли стены отцовской избы, отчего корабль становился только роднее, а какой же запах на этих железках. Однако любопытство все равно разбирало, и, заглядывая в трубу, он как бы сам переносился на палубу корабля, и временами, забывшись, он драил вместе с матросами палубу, натирал до блеска медяшку, авраилл вместе с командой и по вечерам отдыхал, наблюдая, как на юте перетягивают матросы канат. Возвращался в дом счастливым. Старая только головой качала — «дите и дите»...»

А тут совсем, видно, рехнулся старик — второй день как торчал он в своем куце бушлате на ветру со своей дурацкой трубой. «Не дай бог, грудь застудит, чахотку наживет», — думала бабка, и когда к обеду дед спустился с посиневшим лицом, лопнуло терпение бабки.

— Никудыть я тебя боле не пушу, — сказала она решительным тоном. — Ты занеможешь, а мне за тобой ухаживать. Поглядел и довольна.

— Что ты понимаешь? — проворчал дед, наливая себе для согреву водки. — Народ, вон, на эскадре супротив царя поднялся.

— Не пойдешь, и все! — повторила бабка. — Не пушу!

— Заладила одно — не пушу да не пушу... — не выдержав, повысил голос старик. — А того не понимаешь, что могут по ним начать палить!

— Господи! — вздохнула бабка. — Неужто дойдет?

— А кто его знает, дойдет чи не дойдет, — проговорил старик. — Силища-то за Чухниным стоит. И солдатиков на берег согнали. Ой, не нравится мне все это.

— Как же они посмели против самого батюшки-ампиратора подняться?! Он же как-никак помазанник божий...

Дед Матвей поднял удивленные глаза, даже головой покачал.

— Что-то ты шибко умной стала...

— А ты сам посуди, — возразила бабка, наливая в тарелку борща, но договорить она не успела — от залпов зазвенели на окнах стекла, и дед Матвей, так и не испробовав борща, схватил со стола свою трубу и побежал на башню. Сильная тревога вдруг охватила бабку, и, повернувшись к образам, она стала часто, неистово креститься.

Срок ультиматума два часа

Возвращаясь назад мимо все тех же пустынных палуб, мимо иллюминаторов с бледными лицами, он понял, что времени, которое им

нужно было для победы, у них не будет. Даже последние идиоты в такой ситуации, когда броненосцы держат правительственный гюйс, принялись бы за дело, а Меллер-Закомельский и Чухнин не идиоты. Это военные, имеющие к тому же опыт по усмирению бунтов.

«Скорее всего это произойдет сегодня, — подумал Шмидт. — Они не станут ждать прихода ночи, потому что ночью мы можем присоединить к себе еще ряд судов с ненадежной командой, которая сейчас заперта в кубриках. Стало быть, сегодня...»

На траверсе Павловского мыска катер «Смелый» с освобожденными потемкинцами пошел в дивизию, где их уже с нетерпением ждали. На то время, пока катер пришвартуется к портовой стенке — всякое ведь могло случиться, — Шмидт велел застопорить машины. Контр-миноносец застыл неподалеку от Графской. И сразу стало слышно, что на пристани поют гимн. Долетали даже слова: «Бо-же, царя храни... Сильный державный... царствуй на славу... на славу нам... царствуй на страх врагам... царь православный...» Шмидт прильнул к биноклю. Перед глазами замелькали ризы священников, лица матросов, солдат, каких-то офицеров. «Однако что-то явно затевается», — подумал он, и сердце болезненно сжалось.

— Товарищи!.. То-ва-рищи!.. Мы счастливы поздравить вас с освобождением!..

Высоко в поднебесье белым облачком носилась стая голубей.

— ...В вашем лице мы счастливы приветствовать первых борцов за свободу... Вы показали нам пример борьбы, и мы...

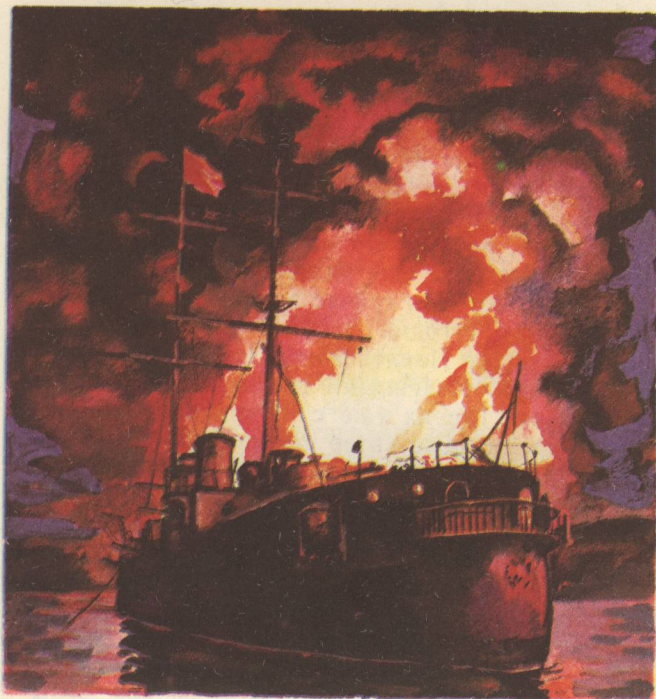
Где-то звонили в колокола.

— ...последовав вашему примеру, поднялись на борьбу с самодержавием...

Две тысячи глоток надрывались в едином «ура». От этого ликующего крика звенело в ушах, и председателю совета Вороницыну хотелось, чтобы крик этот пронесся над городом как гром. Победоносный крик свободных людей.

— ...Чухнины и Меллер-Закомельские мечтают нас запугать. Вон, даже батарею установили на Историческом бульваре. Но жерла орудий, направленных в нашу сторону, нам не страшны! Потому что мы верим — артиллеристы не станут в угоду генералам стрелять по своим братьям! И если сами генералы не поняли этого сегодня, то они поймут это завтра, и тогда, товарищи... мы станем первыми... кому удалось... выиграть неравную схватку с самодержавием!

Приказав готовить артиллерию к бою, Шмидт впервые вспомнил о «Пушкине» — пассажирском пароходе, который стоял на якоре в ста сажнях от крейсера. Утром они задержали его, предполагая, что на нем окажется очередное пополнение. Десанта не было, но не

было и гарантий, что в Ялте или в Феодосии местные военные власти не вынудят капитана принять на борт солдат. Поэтому они решили все коммерческие суда задерживать в Севастополе до лучших времен. Но теперь, когда с часу на час мог грянуть бой, держать в гавани пароход, на борту которого находились женщины и дети, было преступно, и Шмидт отдал распоряжение отпустить «Пушкин».

Одна только мысль теперь сверлила его мозг: как отсрочить час развязки. Хотя бы на сутки. Суток было вполне достаточно, чтобы подготовить к бою всю артиллерию крейсера — залить в компрессоры масло, собрать разобранные по приказу Чухнина механизмы. Все то же самое следовало проделать и на «Потемкине» — теперь броненосец все вновь называли по-старому. Там уже давно были готовы приступить к сборке орудий, но председатель совета Вороницын почему-то продолжал тянуть с доставкой найденных в порту орудийных плит и ударников. Все это находилось в дивизии, лежало без дела, и Шмидт подумал, что так дальше продолжаться не может. Очаковцы Гладков, Антоненко, Частник — любой из них был более достоин руководить советом.

«Или Сиротенко», — подумал Шмидт. Уже неделю назад уволенный в запас матрос Сиротенко мог покинуть Севастополь, но, избранный депутатом, он заявил, что останется до тех пор, пока в нем будет хоть малейшая нужда. А ведь дома Сиротенко дожидалась жена и двое детей!

«Все это настоящие люди», — думал Шмидт, глядя, как вползают в клюзы черные якорные цепи. Столпившиеся на палубе «Пушкина» пассажиры приветливо махали руками. Огласив гавань радостным гудком, пароход мед-

ленно пошел в открытое море. И тут Шмидта осенило.

«Буг!» — вспомнил он. Напичканный пироксилином транспорт представлял собой огромную плавающую мину. Стоило ей взорваться, как от детонации взорвались бы все запасы взрывчатки, какие только хранились в крепостных магазинах и в судовых скрыт-камерах — и город вместе с флотом и фортами взлетел бы на воздух. «Если, — подумал Шмидт, — «Буг» пришвартовать лагом к «Очакову», то мы спасены».

Часы показывали начало второго.

Ультиматум им предъявили в три. Его вручил флаг-офицер, подлетев к крейсеру на адмиральском катере. Меллер-Закомельский давал два часа на размышления.

«Итак, срок ультиматума два часа», — подумал Шмидт, глядя, как силовой катер «Удалец» приближается к «Бугу». Полчаса тому назад минный транспорт удалось захватить внезапной атакой с борта контр-миноносца «Заветный», пришвартованного рядом с «Бугом». Теперь все зависело от расторопности команды катера.

В бинокль хорошо было видно, как катер подошел кормой к «Бугу» и принял носовой конец. Еще минута ушла на то, чтобы закрепить его. Теперь катер медленно пошел вперед, выбирая слабинку. Вот трос натянулся, и, дрогнув, «Буг» медленно пошел за катером.

«Так... хорошо...» — мысленно приговаривал Шмидт. Он знал, что торопиться «Удалцу» сейчас ни в коем случае нельзя — мог оборваться конец. И на катере так и делали. Медленно, но плавно «Удалец» выводил белую машину на середину Южной бухты.

«На катере понимают, что судьба восстания теперь зависит только от них, — думал Шмидт, не отрываясь от бинокля. — Но они еще не знают, что нам уже предъявили ультиматум и что через два часа, если мы не опустим флага, по нам откроют огонь».

«Буг» уже развернулся, и теперь следовало набрать скорость. И точно, напрягаясь, катер отчаянно задымил. Шмидт вдруг вспомнил, что команда катера состоит из вольнонаемных. Уже вторая неделя пошла, как портовики забастовали, но со вчерашнего дня они днем и ночью делали все возможное, чтобы помочь матросам, — искали спрятанное в порту оружие и ударники, ремонтировали захваченные корабли, благодаря чему минный крейсер «Гридень» теперь стоял рядом с «Очаковым», снабжали корабли пресной водой и углем. И мысль, что эти люди, так самоотверженно бросившиеся помогать восставшим морякам, избрали его своим пожизненным депутатом, вызвала прилив нежности к севастопольцам.

Но вдруг серая хищная тень скользнула в круглое поле бинокля, и Шмидт увидел, что «Терец» перегораживает путь «Бугу».

— Сиротенко! — крикнул Шмидт, — Сиротенко, где ты?

— Здесь я, — отозвался матрос, появляясь перед Шмидтом.

— Давай на «Свирепом» выручай «Буг»!

— Неужели все так серьезно? — спросил Вороницын, который только что прибыл на крейсер.

Шмидт резко повернулся.

— Нет, в бирюльки с нами сейчас будет играть! — вскипая, бросил он, и в этот момент сверху раздался голос марсового матроса: «На лодке подняли сигнал: „Бугу“ освободить конец».

— Пугни их, Сиротенко, — крикнул Шмидт. — Знаю, знаю, что нет у тебя мин, а ты все равно сыграй минную атаку. Отвлеки на себя «Терец»!

— Офицер на «Терце» наводит на «Буг» носовое орудие! — предупредил марсовый.

Вскинув бинокль, Шмидт легко узнал офицера. Это был лейтенант Ставраки, его однокашник по училищу. Порывистый, вспыльчивый, бесконечно самолюбивый Ставраки бредил дуэлями, наградами, рассуждения Шмидта о справедливом переустройстве мира считал блажью, недостойной военного моряка. Чтобы доказать свое превосходство, он однажды бросился с Николаевского моста в Неву, за что отсидел положенное ему в карцере, но слава отчаянного кадета за ним осталась. А как, уже став офицером, он жаждал военной славы, как тосковал по крестам и именному оружию! Он и в Севастополь напросился потому, что на Братском кладбище рядом с Хрулевым и Тотлебенем был похоронен и его отец — генерал морской артиллерии, памятник которому сын заказал в виде мраморной пушки. Пожалуй, из всех офицеров он был единственным, кто мог сейчас сыграть ва-банк. И все-таки Шмидт вздрогнул, когда грохнуло носовое.

Шмидт взглянул на часы. Было 3 часа 15 минут. До окончания срока ультиматума оставалось более полутора часов, стало быть, подумал он, Ставраки все делает на свой страх и риск. Неужели этот идиот рискнет повторить стрельбу? И, словно отвечая на этот вопрос, грохнуло кормовое орудие «Терца», и, окутавшись паром, «Удалец» развалился пополам.

— К бою! — крикнул Шмидт.

Он слышал, как за спиной ударили колокола ближнего боя. «Свирепый» уже буравил воду у входа в Южную бухту.

«Ну, Сиротенко, давай же! — мысленно кричал он, глядя, как, стреляя скорострельными, Ставраки ставит огненный заслон на пути у движущегося по инерции «Буга». Перегородившие бухту фонтанчики взрывов ложились в одну линию, как бы образуя полосатый шлагбаум, миновать который не было никакой возможности. «Сволочь! — подумал Шмидт. — Азартная сволочь, ведь случайно попавший снаряд унесет десятки тысяч жизней!»

Он не сразу понял, что произошло. Накрепившись на борт, «Буг» вдруг стал тонуть.

«Кингстоны... Матросы открыли кингстоны!» — наконец осенило его, и мысль, что городу больше не грозит опасность взлететь на воздух, обрадовала его.

Через минуту только мачты «Буга» торчали из воды.

«Все, конец!» — подумал Шмидт, опуская ненужный более бинокль.

И в ту же секунду на «Ростиславе» сверкнули орудия главного калибра. Послышался нарастающий гул. И крейсер «Очаков» содрогнулся от страшного удара — снаряд угодил в камбуз...

— К орудиям! — крикнул Шмидт, заметив краем глаза, что «Свирепый» уже развернулся и пошел в атаку на корабли, стреляющие по крейсеру.

Носовое, где хозяйничал командир Антоненко, сделало первый ответный залп. И рядом с «Очаковым» уже вовсю огрызался из скорострельных пушек «Гридень».

Бабка Анисья

Предчувствие неожиданной беды-лихоманки гнало бабу Анисью по чистеньким корабельским улицам, гнало, несмотря на грохотание,

от которого со звоном вылетали стекла и падала с крыш черепица, несмотря на вонючий пороховой дым, который плыл навстречу ей едким стелющимся туманом. На Малахов курган не пустили солдаты бабу Анисью — оттуда бабахали пушки по морской дивизии.

— Нима там твоего дида, — говорил ей солдат с ружьем, — никого нимае там из посторонних.

«Куда ж он запропастился, пивка старая, — ругалась бабу Анисья и, спотыкаясь о булыжники, передвигала свои больные ноги по направлению к Аполлонке. — Нашел время шлендрать, — не унималась она. — Хоть бы на старости лет остановился, так нет же, все с друзьями своими закадычными, с непутевыми...»

В конце Малаховской перед спуском в Аполлонку стояли женщины с детишками, даже с грудными, и смотрели туда, где посреди черной бухты пылал крейсер.

— Здравствуйте вам, — поздоровалась бабу Анисья, в отсветах огня узнавая женщин. Прожив на Корабельной стороне уже не один десяток лет, она всех знала здесь, и все знали ее.

— Мой-то малахольный тама, — вместо приветствия сказала молодая матроска Катерина и положила руку на голову девочки, которая ручонками уцепилась за материнский подол. — Может, уже и сирота она.

— Не одна ты здесь такая, помолчи лучше, не травмируй душу, — кто-то прикрикнул на Катерину.

— Тише, бабы, тише... Кажись, все еще кличут, сердешные...

И правда, дважды донеслось: «Бра-тцы... Спа-сите...»

— Ой, не спасут вас, малахольных, — запричитала Катерина. — Ой, горюшко...

— Да уймешься же ты наконец! — снова прикрикнул все тот же голос.

Бабу Анисья, подволакивая правую ногу, зашкандыбала вниз — к черному зеву туннеля под высокой железнодорожной насыпью, за которой на прибрежных скалах, в каких-то двух-трех аршинах от воды приютились маленькие домишки жителей Аполлонки — Новацких, Папаниных, Ковальчуков, Тырысенко, семей многодетных, бедных, крикливых и добрых.

Кое-как спустившись, бабу Анисья оглянулась. Женщины в своих длинных юбках были похожи на изваяния.

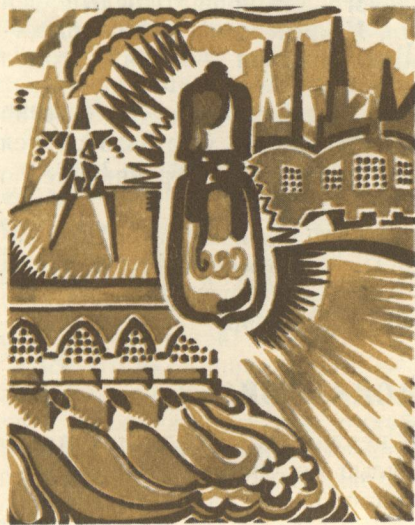
Вересов

Казалось, что чудовищный сон снится мичману Вересову. Но наяву он видел, как русская канонерка в своем родном порту расстреляла в упор катер и чуть не взорвала минный транспорт.

И были нелепы чавкающие звуки скорострелок, поставивших огненный заслон перед «Бугом», и страшен беглый огонь полевой артиллерии, с Исторического бульвара расстреливающей морскую дивизию и восставшие суда, и вторящий им стрекот пулеметов, поливающих головы плывущих матросов.

А потом вдруг он заметил, как на «Терец» устремилась серебристая четырехтрубная смерть — это шел в атаку контр-миновец «Свирипей». И, подумав, что это конец, Вересов закрыл глаза и стал вспоминать молитву, которую ему следовало произнести перед смер-

22 ДЕКАБРЯ 1920

Страна лежала разоренная, нищая, измученная годами войны.

В цехах росла трава, ржавели станки. Дряхлые паровозы едва тащили составы от города к городу, потому что не хватало топлива. На полях вокруг полутемных деревень ветер гнул одни сорняки, и некому было засеивать эти поля.

Не хватало всего:

дров,
гвоздей,
хлеба.

«От войны мы переходим к строительству хозяйственному», — сказал Ленин.

В Москве, в роскошном здании Большого театра было холодно.

Прежде на спектакли сюда

съезжалась знать, в богатых нарядах, в собственных колясках и автомобилях.

Теперь в театр пришли люди в валенках и полушубках. И от дыхания их шел густой белый пар. Электричества не хватало, поэтому в зале был полумрак.

В глубине сцены висела огромная карта Советской России. На ней были нарисованы разноцветные кружки — в этих местах планировались большие стройки.

На сцену вышел докладчик. Это был старый большевик, инженер Глеб Максимилианович Кржижановский.

Концом указки он дотрагивался до мест, где по плану должны были возникнуть новые электростанции. И сразу

Так он дошел до бака, где стояли какие-то люди. И кто-то говорил там:

— Ах, мичман, бросьте! — сердито оборвал Вересова Ставраки. — Еще со времен древних римлян на войне есть только один закон: «Vae victis!»*

**Vae victis!* — горе побежденным! (лат.).

[illegible]

И действительно, в зрительном зале сидели мечтатели. Эти мечтатели пришли в роскошный, но нетопленный театр

Каждому делегату была выдана специальная книга с таблицами и цифрами. Цифры говорили, когда, сколько и для какой электростанции потре-

Страна была разорена, люди голодали и мерзли, но каждый делегат думал ленинскими словами: «Наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии».

Шмидт Петр Петрович

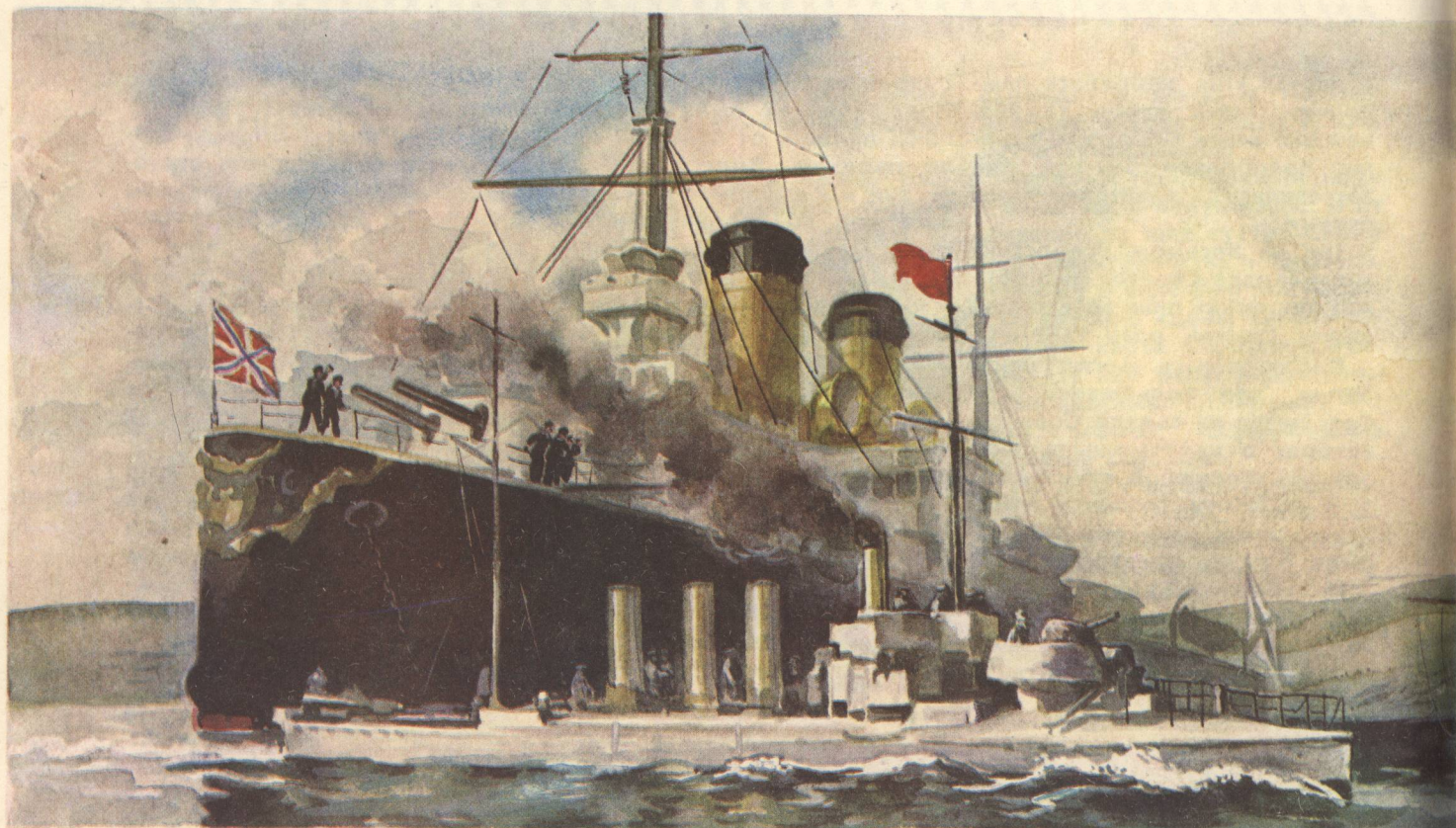
Они кричали, сгорая заживо. И вопли эти, человеческие, были громче выстрелов и пронзительнее воя снарядов. Пылающими головешками люди бросались в воду, в черном холоде ее искали облегчение, но находили все ту же смерть. И смерть, наверное, была желанной, потому что была мгновенной, и была облегчением и освобождением от мук. Если бы не сын Женя, которого он взял на «Очаков», чтобы каратели не выместили на мальчике всю свою злобу, если бы не это, не покинул бы он «Очаков», а принял бы смерть как единственно возможное продолжение той жизни, которой он жил в течение всего последнего месяца.

Он принял бы смерть добровольно, нашел бы ее, потому что пока орудия броненосцев и фортов в пух и в прах разбивали новенький крейсер, пока сизыми дымными хризантемами распускались над его желтыми высокими трубами разрывы шрапнели, смерть не находила его, хотя все это время он был у нее на виду — на баке возле носового орудия или на мостике. Жив ли сын, ранен ли или сгорел уже, корчась в судорогах, — не знал он этого, и если когда, невзирая на хаос, взрывы и крики, вонзалась, леденя кровь, вдруг в сердце мысль о сыне, тут же гнал он ее прочь, потому что командир не имеет права думать о сыне, когда вокруг гибнут люди. Все одинаково близко ему были в этот час, всех любил он и всем желал выжить, но попытка свезти раненых на берег закончилась трагично — снаряды с «Ростислава» разнесли шлюпки с ранеными в щепки, и сразу стало ясно — пощады не будет!

Пожар начался с кормы, где находился салон и офицерские каюты, обшитые ореховым деревом, но тушить его, когда ежеминутно новые снаряды прошивали необшитый броней корпус, было бессмысленно, и единственное, что позволял себе Частник, — это выносить из огня матросов и прятать их в нижних отсеках, куда пожар еще не проник и где холодные стенки остужали воздух.

Там же, в трюмах, ниже ватерлинии, среди раненых матросов нашли себе прибежище и офицеры-заложники. Однако как наивен он был, предполагая, что их присутствие хоть как-то повлияет на решения Чухнина и Меллер-Закомельского, какое там!.. Даже когда группа офицеров, выломав двери кают-компаний и тяжело ранив часового, ворвалась на задний мостик и, прикрепив к фалу прихваченную со стола белую скатерть, подняла ее к нижней рее грот-мачты, даже после этого прицельный огонь по крейсеру не ослаб ни на йоту. В пылу боя Петр Петрович не сразу заметил, что происходит на корме, а когда наконец заметил, там уже решительно действовал Частник, сорвавший скатерть и выбросивший ее за борт. С самого начала это был не бой, а избиение, и, войдя в раж, убийцы теперь никак не могли остановиться — так колят ножами уже давно бездыханное тело садисты. Ни один морской бой ни в какие времена еще не знал такой жестокости, и поэтому, когда вдруг разом наступила оглушительная тишина, Шмидт отдал свой последний приказ: всем, кто может, покинуть крейсер. Отдал, потому что не было в нем уверенности, что, ворвавшись на корабль, каратели не завершат своего кровавого дела. И мысль о сыне тут стала главной.

Из-за дыма, густые черные клубы которого

вздymались над крейсером и застилали небо над Севастополем, сумерки в этот день наступили ранее обычного. Вырываясь из иллюминатора, гудело пламя. С громким треском рвались, отлетая, головки заклепок, и, корежась, скрипела обшивка. По узкому трапу Петр Петрович сбегал с мостика, затем на полубак и нырнул в первую же дверь, ведущую на батарейную палубу. Ответвления коридоров, зевы трапов, ведущих на нижнюю жилую палубу... Куда бежать? Где искать сына?

— Женья! — крикнул он. — Же-ня-а...

Подхваченный эхом крик этот полетел по гулким коридорам к корме, откуда все время полз дым, разъедающий глаза.

Какой-то инстинкт подтолкнул его к ближайшему трапу, и, сбегав вниз, Петр Петрович оказался рядом с люком, ведущим в пост управления стрельбой.

— Женья! — снова крикнул он, склоняясь над темным люком. — Эй, есть там кто-нибудь? — Папа?!

Неужели ему показалось?

— Женья! — повторил он. — Женья, отзовись!

— Папа, я сейчас... сейчас...

Светлая стриженная голова сына уже маячила в черном квадрате люка. И радость, было вспыхнувшая, сменилась ужасом. Плыть в ледяной воде не одну версту, да еще ночью?!

— Ты доплывешь! — крикнул он, увлекая сына к трапу, ведущему наверх. — Надо доплыть, понимаешь. — Он остановился и заглянул Жене в глаза. — Это наш последний шанс, другого не будет.

— Мне страшно, — проговорил Женья. — Лучше останемся. Там, внизу, безопасно. И там еще есть люди.

Петр Петрович покачал головой.

— Пойми, нам с тобой так нельзя. Надо рискнуть, сынок... Я все время буду рядом, а теперь не отставай!

Он не помнил, закрыл ли он дверь, ведущую на полубак, или ее задраили уже после того, как он спустился вниз. Схватившись обеими руками за железные рукоятки, он тут же отпустил их — они обжигали.

— Напротив двери к борту пришвартована баржа с углем, — говорил он, сбрасывая куртку и накидывая ее на рукоятки. — Прыгай на уголь и сразу же раздевайся, иначе не доплывем.

Запоры отошли, и он толкнул дверь от себя. Оранжевый язык пламени качнулся навстречу и лизнул брючину.

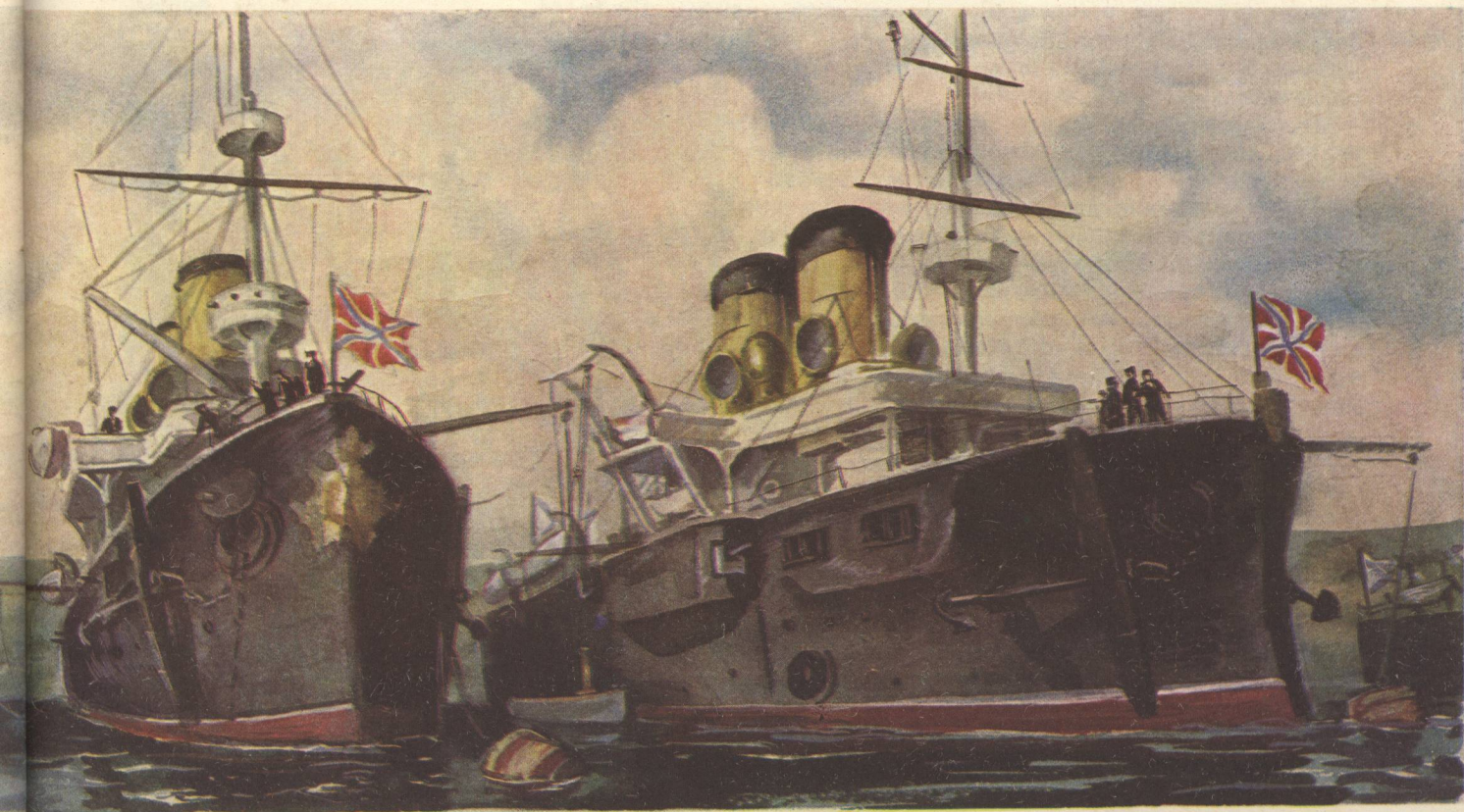
— Смелее! — крикнул он, устремляясь к борту.

Прыжок оказался неудачным, — он упал боком и, еще сползая вниз, понял, что вывихнул ногу. «Женья ничего не должен заметить», — подумал он и, присев, стал стаскивать ботинки.

Зарево пожара далеко освещало все кругом. На Приморском бульваре, куда плыть было ближе всего, за спинами солдат опять собиралась толпа. Туда, в надежде найти спасение, плыли матросы, головы которых темнели над водой, словно арбузы. Наверное, они хорошо были видны с берега — эти головы, беззащитные, круглые, матросские, если замигали вдруг на скалах кровавыми глазками «максимы» и резанул по нервам их звериный, не знающий жалости клекот.

Но и это еще было не все. В эту ночь убили милосердие. Он подумал об этом, когда взрыв нерасстрелянных снарядов на раскаленной палубе «Очакова» вызвал новую яростную бомбардировку пылающего крейсера.

Сыпал искрами и вздрагивал, умирая, тыся-

четонный военный корабль. И дым застилал звездное небо, гудящее и стонущее. И слезы оттого, что вода была такой холодной, казались обжигающими. И, выгребая стынущими руками, он думал о том, что зло, так щедро посеянное сегодня, еще заявит о себе, еще вспомнится этот день палачам, и тогда они заголосят о милосердии, но, убитое сегодня, оно уже не скоро возродится вновь.

Миноносец «270», которым командовал комендор Ненашев, подобрал их на траверсе Приморского бульвара, но прорваться в Артиллерийскую бухту, где комендор надеялся заполучить лошадей, «двести семидесятый» не успел — снаряд с «Ростислава» угодил ему в борт у трапа, и, дернувшись, как заарканенный конь, миноносец застыл, оседая на корму.

Лежа в командирской каюте возле иллюминатора, Петр Петрович видел, как снаряды продолжают месить воду вокруг подбитого миноносца, где плавали и умирали люди.

Кажется, так принято было еще в старину — приводить пленников в зал, где пировали победители.

И их — в том виде, в каком они попали на миноносец, — провели в кают-компанию «Ростислава» и, окружив конвоем, усадили на кожаный диван.

Слава еще богу, кто-то из матросов успел набросить на него шинель. Шинель была испачкана углем — черные потеки сползали по мокрому телу и засыхали. Лицо тоже было испачкано углем. Он кутался в шинель, но никак не мог согреться, зуб не попадал на зуб.

Женю тоже бил озноб. Хотелось поделиться с ним шинелью, но тогда вид у них, прижавшихся друг к другу под одной шинелью, был бы жалкий. Допустить это перед теми, кто привел их в кают-компанию, чтобы унижить, он не мог.

Наверное, они надеялись, что он отдаст шинель сыну.

Мальчик все понимал. Он сидел с безучастным видом, вперив взгляд в стену. И трясся.

Не все офицеры изъявили восторг, некоторые отворачивались. Старший офицер броненосца лейтенант Карказ кружил рядом, как надоедливая муха, сыпал оскорблениями и все порывался ударить Петра Петровича, но, помня, что перед ним потомственный дворянин, не решался пойти на это.

Шмидт смотрел на него презрительно.

Вдруг вошел адмирал Феодосьев.

— Что же вы наделали, лейтенант?

Превозмогая боль в ноге, он встал перед старым адмиралом. Он всегда уважал этого доброго старика.

— Одна только смертная казнь может обновить меня, ваше превосходительство!

— Господа, вы слышали, что несет этот

мерзавец?! — истерически взвизгнул лейтенант Карказ. — Ну, мерзавец! Ну, негодяй!

— Дайте арестованным чая! — вдруг распорядился адмирал и, круто повернувшись, покинул кают-компанию.

Петр Петрович видел, как Карказ опешил. Но послушаться приказа не посмел.

Тем временем с «Очакова» доставили заложников. Все оказались живы. Засуетились вестовые, открывая бутылки с шампанским. Стали произноситься тосты.

Нога опухла, и Шмидт думал о том, что ему, когда их поведут отсюда, придется опираться на Женю, а иначе он и шага ступить не сможет.

Потом была ночь в голой каюте. Узкий пробочный матрас лежал на полу. Одежд не дали, подушек тоже. У двери Карказ посадил толстого кондуктора, велел ему держать дверь полуоткрытой. В проеме было видно дымное небо, подсвеченное заревом пожара. Вернулся озноб, еще более страшный.

Под утро со стороны Корабельной послышалась частая ружейная и пулеметная стрельба. Забухали полевые орудия. Сомнения не было — начался штурм морской дивизии. Сопротивление матросов, оставшихся без руководителей, не могло быть долгим — к шести уже все было кончено.

★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

30 ДЕКАБРЯ 1922 ГОДА

Затем их перевели в маленькую темную каюту, где горела тусклая лампочка и стояла одна кровать. Он попросил для сына подушку и одеяло — Карказ в ответ залился мефистофельским смехом.

— Не нравится, ваше превосходительство? Слишком мало комфорта для такой важной персоны, как командующий флотом, не так ли?! А вот урыльничек, — проговорил Карказ, тыча пальцем в угол, — тоже вашему сынку придется вытащить, да-с. Или в таком случае вам захочется вспомнить о дворянских привилегиях, а?

— Женя, вынеси, пожалуйста?

— Хорошо, папа.

Стоящие в проходе караульные смотрели на все с сумрачным видом.

— Однако, забавно, — хихикнул Карказ, не замечая этих взглядов.

«Боже, как он глуп!» — подумал Шмидт и лег на голую сетку. Волной накатились видения. То он снова обходил на «Свирипом» эскадру, и пенилась под ногами малахитовая вода, то мелькали перед глазами взволнованные бледные лица освобожденных потемкинцев, то он снова видел, как тонет, накренившись, «Буг», то видел стол, уставленный яствами, и слышались ему хвастливые тосты пирующих «победителей», то снова он оказы-

вался там, где кричали люди, сгорающие живо. В минуты просветления он узнавал Женю и улыбался сыну воспаленными глазами, затем снова впадал в забытие. Так прошли еще сутки.

Но семнадцатого в каюту вошел усиленный конвой, и рыжий незнакомый лейтенант, который все время охотно подпевал Карказу, велел своим людям надеть на головы арестованных башлыки. В башлыках, замотанных по самые глаза, в каких-то обносках они стали неузнаваемы.

Катер долго плутал по бухте, затем вышел в море. Все это время над головой Шмидта стоял толстый кондуктор и держал наготове лазаретные бинты, намереваясь пустить их в дело при первой же попытке пленников заговорить.

Куда везут их и зачем, они не знали. По тому, как вдруг побледнел сын, Петр Петрович без труда понял, о чем подумал Женя, и, взяв его руку в свою, крепко стиснул, одновременно показывая взглядом, чтобы он не падал духом.

Уже смеркалось, когда они, наконец, пристали к берегу. Кругом лежала голая, безлюдная степь.

Окончание следует

Сражались в одном революционном полку рабочий-ткач из Иванова, дехканин из Средней Азии — он дома выращивал хлопок, шахтер-украинец с Донбасса и азербайджанец с нефтяных промыслов.

Носил их ураган гражданской войны по многим фронтам, много раз они выручали друг друга в бою и стали роднее, чем братья.

Наступил день, когда командир сказал им:

— Гражданская война кончилась. Разъезжайтесь по домам, теперь вы дома нужнее, чем здесь, в Красной Армии.

Посидели они в последний раз вечером у походного костра, съели кашу из общего котла, а утром разъехались в разные стороны.

Но едва лишь вернулись они домой, как поняли, что не могут прожить друг без друга.

Всем требовалась одежда. Ткань для одежды выпускал в Иванове ткач. Для ткацких

машин выращивал хлопок дехканин из Средней Азии. Чтобы перевезти из Средней Азии хлопок в Иваново или в Москву на ткацкие фабрики, паровозу требовалось топливо — донбасский уголь или азербайджанская нефть.

И так было во всем. Ни одну работу не могли они сделать друг без друга.

А главное — мечта у них была общая: построить новый, справедливый и братский мир.

А разве можно разделить одну мечту на несколько частей?

30 декабря 1922 года собрался в Москве Первый Всесоюзный съезд Советов и решил образовать единый общий союз, где все будут вместе работать и станут равны, как братья.

«Нефть, которой Азербайджан питает все советские республики, не является достоянием лишь пролетариата Азербайджана, а является достоянием пролетариата всех советских республик», — так говорил в тот день представи-

тель Азербайджана Газанфар Мусабеков.

И так же говорили о своем хлебе русские крестьяне, о своей продукции — рабочие Москвы и Петрограда, об угле — украинцы.

И решили они свою страну, свою общую Родину назвать Союзом Советских Социалистических Республик.

Империалисты не сумели победить советских людей в открытом бою.

«Ничего! — мечтали империалисты, потирая руки. — Разойдутся большевики по домам и перессорятся, передураются — не сумеют разделить они мирно огромную территорию».

Но большевики и не подумали ее делить.

Наоборот, они объединились еще теснее. У них теперь был общий герб и первая общая конституция.

С тех пор Советский Союз стал могучим государством социализма — страной, в которой у всего советского народа одна общая Родина.

СООБЩЕНИЕ ПРЕСС-ЦЕНТРА СЛЕДОПЫТСКОЙ ОПЕРАЦИИ «ФЛАГ „АВРОРЫ“»

В канун всенародного праздника — 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции редакция журнала «Костер» и научные сотрудники музея крейсера «Аврора» под-

вели итоги операции «Флаг „Авроры“».

При подведении итогов отмечено:

— участниками операции «Флаг „Авроры“» стали сотни пионерских отрядов страны, многие читатели журнала «Костер»,

— в ходе поисковой работы следопыты встретились с ветеранами революции, гражданской и Великой Отечественной

войн, ветеранами труда и героями десятой пятилетки,

— получены новые интересные материалы — воспоминания участников исторических событий, документы и фотографии, рассказывающие о героических свершениях нашего народа.

Ленинград,
борт Краснознаменного
ордена Октябрьской Революции
крейсера «Аврора»

ЗАОЧНЫЙ СБОР-ПОИСК «ФЛАГ „АВРОРЫ“» ЗАВЕРШАЕТСЯ

У НАС
В ГОСТЯХ

Делегат XXV съезда КПСС генерал-лейтенант в отставке

Василий Ефимович ВАСИЛЬЕВ,

в 1917 году — старший по охране членов ЦК партии большевиков и командир Второго сводного отряда Красной Гвардии, участник штурма Зимнего дворца

Профессор, доктор сельскохозяйственных наук

Владимир Иванович ТИУНОВ,

один из первых пионеров села Истобенское Кировской области, в 1928—1930 гг. — член пионерского колхоза «Внучата Крупской»

Бригадир бригады коммунистического труда

Георгий Алексеевич АРТЕМЕНКОВ,

в годы Великой Отечественной войны — сын полка 150-й Идрицкой стрелковой дивизии, участник штурма рейхстага

Юбилейную встречу ведут: наш корреспондент В. МИХАЙЛОВ и ленинградские пионеры — Оля КРУГЛОВА, Саша ЛЕОНТЬЕВ, Алла РУБИТЕЛЬ и Юра СТЕПАНОВ

В. МИХАЙЛОВ. — Мы знаем: первая в мире социалистическая революция свершилась под руководством партии большевиков. И каждый раз, когда встречаемся с участниками тех далеких и героических событий, мы спрашиваем: «А вы видели Ленина?» Наш сегодняшний гость Василий Ефимович Васильев не только видел Владимира Ильича, не только слушал его выступления, но и охранял вождя революции.

В. Е. ВАСИЛЬЕВ. — Чтобы читатели «Костра» — пионеры и октябрюта — хорошо поняли, почему в 1917 году довелось мне выполнять это самое главное во всей моей жизни пар-

Василий Ефимович Васильев

тийное поручение, я должен немного рассказать о себе.

Родился и вырос за Нарвской заставой, в рабочей семье. С тринадцати лет сам пошел работать на завод. Потом, во время первой мировой войны, меня забрали в армию, а с фронта после ранения перевели служить в Петроград, в Измайловский полк. Было это в 1917 году, когда сама жизнь заставила меня понять, что есть на свете только одна правда — правда Ленина, за которую надо бороться.

И сразу после возвращения Владимира Ильича Ленина в Петроград из эмиграции я подал заявление о вступлении

в Социалистический Союз рабочих молодежи. В Союз меня принимали в нашем, Нарвско-Петергофском райкоме, 10 апреля. А еще через три дня вызвали в райком и говорят: «Знаем тебя, товарищ Васильев, давно. Верим тебе. И поручение будет такое: назначаем старшим по охране членов ЦК партии большевиков». Я от волнения растерялся, переспрашиваю: «Меня?» — «Да, да, — отвечают, — тебя. Под командой будет пятьдесят шесть человек. Сила, конечно, не ахти какая, но все ребята надежные. Действуй!»

Разместились мы во внутреннем флигеле дворца Кшесинской, а в самом дворце, как вы знаете, находился штаб большевиков. Службу вокруг дворца старались нести так, чтобы никаких происшествий не было и быть не могло.

Но сложность нашего задания заключалась не только в этом. Ведь мы еще отвечали и за безопасность руководящих работников партии во время их выступлений на митингах и собраниях, которые проводились в различных районах города. А врагов тогда было много, и каждую секунду приходилось быть начеку.

Помню Первый Всероссийский съезд Советов. Народу собралось больше тысячи человек. Публика в президиуме — глаза не глядят — сплошные меньшевики и эсеры. А у нас для охраны большевистской делегации всего двадцать восемь ребят. Капля в море при такой ситуации. Да и тех я еле-еле провел по десяти пригласительным билетам.

Поначалу на съезде ничего особенного не происходило. Выступающие утверждали, что Временное правительство надо поддерживать, войну с Германией продолжать, и нет, мол, в России такой партии, которая могла бы предложить иное решение вопросов.

Но вот на трибуну поднимается Владимир Ильич и открыто заявляет, что такая партия есть, и это партия большевиков.

Меньшевики и эсеры — сразу шуметь, возмущаться. Ленин спокоен — стоит, улыбается.

В. Е. Васильев
в годы гражданской войны

А у меня мурашки по спине: двадцать восемь человек — ох, как мало! Но в ту же минуту в зале гром аплодисментов. Таких выступлений здесь еще не слышали! И сразу отлегло от сердца. И даже подумалось: «А может, не мы Ленина охраняем. Может, это он нас самих охраняет своим авторитетом и правдой, которую несет людям». Но я это только подумал и никому ничего не сказал.

В июле 1917 года Временное правительство сумело собрать свои силы и перейти в наступление против большевиков. Верные правительству войска окружили дворец Кшесинской. Но заставить нас врасплох им не удалось: члены ЦК партии успели уйти в подполье. Во дворце никого уже не было — охрана оставалась только для отвода глаз. И факт есть факт — ребята были молодые, горячие, и очень нам не терпелось вступить в сражение с этими войсками.

Но в последнюю минуту Яков Михайлович Свердлов каким-то чудом пробрался к нам через окружение и говорит: «Вы что? Их же несколько полков! Если вам ваша жизнь недорога, то она нужна будущей революции! Поняли?»

И пришел день, наступило время нашего большевистского наступления. В дни Октября я

командовал Вторым сводным отрядом Красной Гвардии, охранял Смольный, участвовал в штурме Зимнего дворца, сражался с войсками Керенского под Гатчиной. И такие это были великанские события, что даже сегодня, через шесть десятилетий, вспоминаешь — и дух захватывает!

Сережа ЛЕОНТЬЕВ. — Василий Ефимович, по заданию штаба операции «Флаг „Авроры“» я собирал материалы о балтийском матросе Семене Никандровиче Баранове. И точно знаю, он тогда приходил за мандатом во дворец Кшесинской.

В. Е. ВАСИЛЬЕВ. — Правильно, Сережа, в те дни в штаб большевиков приходили тысячи людей — солдаты, матросы, рабочие. И каждому человеку Владимир Ильич Ленин, Яков Михайлович Свердлов, Елена Дмитриевна Стасова и другие руководители партии давали не только задание, но и подробный совет, как лучше это задание выполнить.

В. МИХАЙЛОВ. — В летописи пионерской организации имени В. И. Ленина немало ярких и волнующих страниц. И одна из них — история пионерского колхоза «Внучата Крупской». Этот колхоз был организован ребятами села Истобенское в период коллективизации сельского хозяйства. К сожалению, долгое время о «Внучатах Крупской» было почти ничего не известно. И вот — первая ласточка! В штаб операции «Флаг „Авроры“» пришло сообщение: профессор Кировского сельскохозяйственного института Владимир Иванович Тиунов — один из тех, кого мы ищем.

В. И. ТИУНОВ. — Было это в 1928 году. В ту пору во всем нашем районе крестьяне начали объединяться в колхозы, а у нас в Истобенском взрослые об этом только говорили и ничто как не решались перейти от слов к делу.

И вот однажды встречает меня председатель пионерского отряда Клавя Савиных и спрашивает: «Как ты считаешь, правильно поступают наши

Встреча первых пионерских отрядов села Истобенское и города Халтурина

родители, которые боятся идти в колхоз?»

Я отвечаю: «Конечно, неправильно. Я бы на их месте сразу записался».

«Тогда, — говорит Клава, — завтра вечером обязательно приходи в школу на общее собрание. Будем сами колхоз организовывать».

Кому первому пришла идея создать пионерский колхоз? Скорей всего нашим замечательным учителям — Валериану Викторовичу и Анне Васильевне Крюгер. Но вполне возможно, что все это придумала

сама Клава. Не зря же на том собрании председателя отряда мы выбрали еще и председателем колхоза.

По ее просьбе сельский совет передал нам отобранное у кулаков имущество. Мы получили пять коров, четырех свиней, двух лошадей и весь необходимый инвентарь — жнейки, бороны, лопаты, плуги, телеги. И землю выделил сельсовет хорошую, мошкінскую — был до революции в Истобенском такой богатый Мошкин.

Сколько ребят вступило в колхоз? Вместе с учителями

нас было около двухсот человек. Двести человек — сила, конечно, немалая. Но и дело нам предстояло большое, показать крестьянам-единоличникам пример коллективного ведения хозяйства. На первых порах кое-кто над нами посмеивался: вот, мол, яйца курицу учить стали. А потом началось самое настоящее соревнование. С одной стороны, десятки единоличных хозяйств, а с другой — мы, «Внучата Крупской». И что получилось? В личных хозяйствах коровы давали в год две — две с половиной тысячи килограммов молока. У нас — намного больше. Помню, была у нас корова по кличке Аргентина, так мы от нее получали по четыре тысячи килограммов молока. А пшеница? Ее мы собирали по тридцать пять центнеров с гектара! О таких урожаях в Истобенском даже не слышали.

И все чаще и чаще приходили крестьяне на поля и на ферму пионерского колхоза, и наконец сами решили организовать колхоз.

Надо ли говорить, как мы тогда радовались и гордились? Ведь это были не просто крестьяне, не просто взрослые, а наши отцы и матери, которым мы помогли выйти на дорогу к светлой счастливой жизни.

И вот что интересно. Потом, через несколько лет выяснилось: многие «внучата» стали настоящими специалистами сельского хозяйства — зоотехниками, агрономами, ветеринарными врачами, экономистами.

И думаю, что не только я, но и Клавдия Александровна Савиных, и Анна Павловна Королева, и Алевтина Александровна Тупицына, и Алексей Иванович Зыков, и Александр Николаевич Савиных, и Владимир Иванович Тупицын и все остальные мои товарищи могут сегодня сказать:

«Наша трудовая биография началась в нашем пионерском колхозе. Большое ему спасибо за все, чему он нас научил, за то, что он был в нашем детстве».

Алла РУБИТЕЛЬ. — Владимир Иванович, а Надежда

Пионерский обоз

Снимки хранятся в фондах Кировского областного краеведческого музея

Константиновна Крупская знала о вашем пионерском колхозе?

В. И. ТИУНОВ. — Осенью 1929 года мы ей написали письмо, в котором сообщили о своих успехах на районной сельскохозяйственной выставке. Но получила ли Надежда Константиновна наше письмо, я точно сказать не могу.

В. МИХАЙЛОВ. — А теперь давайте посмотрим на этот снимок, сделанный в мае 1945 года. Закончилась Великая Отечественная война. На ступеньках рейхстага — бойцы и командиры 150-й Идрицкой стрелковой дивизии, те, кто штурмовал самое последнее логово фашистов. Видите, среди торжествующих победителей — мальчик, вот он, справа, на переднем плане. О боевом пути сына полка Жоры Артеменкова следопыты 247-й московской школы и школы № 4 города Гомеля могли бы нам рассказать много интересного. Но лучше всего, если об этом расскажет сам Георгий Алексеевич Артеменков.

Г. А. АРТЕМЕНКОВ. — В армию я попал в самом начале войны, когда мне было всего десять лет. Все это произошло так: вместе с братьями, с мамой и сестрами я ехал в поезде. И вдруг налетели фашистские самолеты, стали бомбить. Поезд остановился. Пассажиры прыгали из вагонов и бежали подальше от железной дороги. Я тоже побежал, но, оглушенный взрывом, свалился в какую-то воронку. А когда очнулся — ни поезда, ни мамы.

Что делать? Решил идти на фронт, искать своего папу и вместе с ним сражаться с фашистами. Все, кто меня встречал, говорили: «Мальчик, ты куда?», «Мальчик, тебя в детдом надо отправить». И отправляли. А я убежал, и все-таки добрался до фронта. Сперва служил в госпитале, за ранеными ухаживал. Медсестра Аня Фефелкина сшила мне шинель и гимнастерку, пилотку достала. Но госпиталь — это еще не совсем фронт, не передовая. И я переметнулся к разведчикам.

А здесь в первый же день

РАПОРТУЮТ УЧАСТНИКИ СБОРА-ПОИСКА

НОВОРОССИЙСКИЙ пионерский штаб объявил под названием «Красные маки — Малой земле!» операцию к 60-летию Октября и посвятил ее героям — защитникам Малой земли.

...Пионеры и комсомольцы из городского штаба разослали письма во многие города Советского Союза с просьбой выслать семена мака. Одно из писем пришло с большой посылкой семян мака из Ейского городского пионерского штаба «Орленок». Оттуда сообщали, что свято чтят память героев Малой земли, где героически сражались и их земляки из Ейска.

Теперь Малая земля, когда-то истерзанная фашистским металлом, покрылась ковром маков, словно это после победы выступила кровь тех, кто стоял здесь не на жизнь, а на смерть.

Герой Малой земли матрос Владимир Кайда

Патриотический клуб «Дорогой отцов» при Малоархангельском Доме пионеров:

Пионеры нашего города посадили яблони на старых фронтовых позициях и очень бережно ухаживают за ними.

А в нашем городском сквере, на братской могиле, где похоронено 262 человека, после войны сооружен памятный обелиск. Проект сделал учитель одной нашей малоархангельской школы Иван Алексеевич Семеновский, сам участник войны...

РАПОРТУЮТ УЧАСТНИКИ СБОРА-ПОИСКА

Отряд «Орленок» из пионерского лагеря «Молодая гвардия»:

— История одесского завода имени Октябрьской революции — страничка славной истории нашей страны.

В 1922 году рабочие написали Владимиру Ильичу Ленину взволнованное письмо: они приветствовали любимого вождя с выздоровлением, желали ему с новой энергией вести борьбу с мировым капиталом, опираясь на все трудовые силы Советской республики. И, в частности, на них, рабочих одесского завода.

Ветераны завода помнят, как посылали делегатов в Москву к Ленину. Их пригласили на заседание Совета Народных Комиссаров, а потом с ними разговаривал Ильич. Делегаты сказали Ленину, что хотят назвать завод его именем... Владимир Ильич поблагодарил, но предложил дать заводу имя Октябрьской революции.

Красные следопыты 152-й школы Ленинграда:

— Сейчас редко у кого можно найти такие документы, как у Михаила Петровича Синозерского — билет члена Союза молодежи 1917 года и пропуск на один из ленинградских заводов 1976 года.

Ребята-следопыты узнали, что в 1917 году Михаил Петрович был курьером штаба Красной Гвардии Выборгской стороны и держал связь со Смольным. В 1922 году комсомол направил его на «Аврору». Михаил Синозерский восстанавливал крейсер и совершил на нем заграничное путешествие.

Он подарил школьному музею самую дорогую реликвию — бескозырку матроса «Авроры».

Поисковый отряд 7 «г» класса 53-й школы города Рязани:

Участвуя в сборе-поиске «Флаг „Авроры“», пионеры нашего отряда собрали документы по истории первого пионерского отряда на Рязанщине. Он был создан в 1924 году, но за несколько лет до этого, еще в 1918 году, в селе Бусево возник отряд, похожий на будущие пионерские.

Мы предприняли поход в это далекое рязанское село, встретились там с жителями, которые рассказали нам об истории пионерской организации своего края.

Мы узнали о Василии Яковлевиче Коладанове — руководителе первой комсомольской ячейки этого села.

увидел меня командир полка Федор Матвеевич Зинченко и сразу велел отправить в тыл. Я говорю: «Не поеду». А он говорит: «Поедешь как миленький. Я здесь командир полка, а не ты!» И, конечно, он бы свое слово сдержал, если бы за меня не вступились мои новые друзья. Особенно заступался старший сержант Семен Кухтин. И тогда командир сказал: «Ну, Кухтин, смотри — головой за него отвечаешь!» Так я стал сыном полка. Разведчики мне сразу пистолет подарили. Потом, узнав, что я октябренек, в пионеры приняли и даже в разведку иногда брали. Помню, когда в первый раз шел с ними за языком, галстук пришлось сдать старшине. «Мы, — говорят, — тоже свои партийные и комсомольские билеты сдали. Так положено по Уставу».

Юра СТЕПАНОВ. — Интересно, как на фронте в пионеры принимали?

Г. А. АРТЕМЕНКОВ. — По-военному принимали. Выкроили из пробитого пулями штормового флага пионерский галстук. И перед строем бойцов комсорг взвода разведчиков Семен Кухтин повязал мне этот галстук на шею. Я, как положено, отдал ему пионерский салют и обещал никогда в жизни не бояться фашистов, а Семен Кухтин отдал мне честь.

Оля КРУГЛОВА. — Георгий Алексеевич, скажите, пожалуйста, у вас сохранился этот галстук?

Г. А. АРТЕМЕНКОВ. — Хранил я его всю войну. Хранил до самого последнего боя. А последний бой был особенным — штурм рейхстага, который окружила наша дивизия.

Фашисты сопротивлялись бешено. Но чем сильнее они сопротивлялись, тем смелее шли бойцы в атаку.

Как прорвались наверх и подняли над рейхстагом Знамя Победы разведчики нашего полка Герои Советского Союза Мелитон Кантария и Михаил Егоров, я не видел. Я в этот момент брал в плен одного фашиста. А когда отшел его в штаб и вернулся, бой уже закончился.

Смотрю, над крышей рейхстага развеваются штурмовые флаги, а выше всех, над самым куполом — Знамя Победы.

Думаю, что же получается, самое главное произошло без меня. А что должен сделать, сперва не догадался, и вдруг вспомнил: есть у меня маленький красный флаг. И через минуту над входом в рейхстаг поднял свой красный флаг, пионерский галстук.

Жалко, конечно, было мне с ним расставаться, но иначе поступить я не мог.

В. МИХАЙЛОВ. — Георгий Алексеевич, участников операции «Флаг „Авроры“» и всех читателей «Костра» интересует, как сложилась ваша дальнейшая судьба?

Г. А. АРТЕМЕНКОВ. — После войны я поступил в Калининское мореходное училище. Но, к сожалению, из училища пришлось уйти, подвело здоровье, сказалась фронтовая контузия. Тогда решил стать слесарем, окончил школу заводского обучения. Теперь такие школы называются ПТУ.

В 1954 году по комсомольской путевке отправился на освоение Севера, в Воркуту. Там я работал в паровозном депо, был секретарем комсомольской организации. И там же меня приняли в члены Коммунисти-

ческой партии. А в 1965 году приехал в Гомель и стал трудиться на заводе торгового оборудования.

Бригада, которую я возглав-

ляю, встретила 60-летие Октября новыми трудовыми успехами. Ведь у нас не просто бригада, а бригада коммунистического труда.

Сын полка Г. Артеменков на ступенях рейхстага

О НАГРАЖДЕНИИ УЧАСТНИКОВ СЛЕДОПЫТСКОЙ ОПЕРАЦИИ «ФЛАГ „АВРОРЫ“»

Редакция журнала «Костер» и научные сотрудники музея крейсера «Аврора» приняли решение о награждении победителей операции «Флаг „Авроры“».

Ценными подарками и почетными грамотами награждаются:

1. Совет дружины Лопухинской средней школы Ломоносовского района Ленинградской области;
2. Красные следопыты школы № 69 Ташкента;
3. Совет музея школы № 152 Ленинграда;
4. Клуб «Дорогой отцов» Дома пионеров Малоархангельска Орловской области;
5. Поисковый отряд школы № 53 Рязани;
6. Городской пионерский штаб Новороссийска.

Редакция журнала «Костер» и начальник

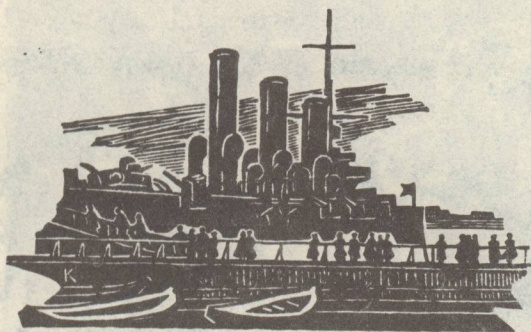
музея крейсера «Аврора» капитан 2-го ранга в отставке Б. В. Бурковский обратились к командиру Краснознаменного ордена Октябрьской Революции крейсера «Аврора» с просьбой о поощрении лучших следопытов — участников операции.

ПРИКАЗ

В ознаменование 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции и отмечая настойчивость и трудолюбие, проявленные во время поисковой работы, приказываю сфотографировать при развернутом знамени крейсера пионеров-следопытов:

Мишу Валиуллова из Лопухинской средней школы Ломоносовского района Ленинградской области и **Марину Шарыгину**, председателя совета дружины школы № 152 Ленинграда.

Командир крейсера «Аврора» капитан 1-го ранга **Ю. ФЕДОРОВ**

Александр ПРОКОФЬЕВ

МАТРОС В ОКТЯБРЕ

Плещет лента голубая —
Балтики холодной весть.
Он идет, как подобает,
Весь в патронах, в бомбах весь!

Молодой и новый. Нател!
Так до ленты молодой
Он идет, и на гранате
Гордая его ладонь.

Справа маузер и слева,
И, победу в мир неся,
Пальцев страшная система
Врезалась в железо вся!

Все готово к нападенью,
К бою насмерть...

И углом
Он вторгается в Литейный,
На Литейном ходит гром.

ДА БУДЕТ ВЕЧНО

И развернутою лавой
На отлогих берегах
Потрясенные, как слава,
Ходят молнии в венках!

Он вторгается, как мастер.
Лозунг выбран, словно щит:
«Именем Советской власти!» —
В этот грохот он кричит.

«Именем...»

И, прям и светел,
С бомбой падает в века.

Мир ломается. И ветер
Давят два броневика.

Николай ТИХОНОВ

БАЛЛАДА О ГВОЗДЯХ

Спокойно трубку докурил до конца,
Спокойно улыбку стер с лица.

«Команда, во фронт! Офицеры, вперед!»
Сухими шагами командир идет.

И слова равняются в полный рост:
«С якоря в восемь. Курс — ост.

У кого жена, дети, брат, —
Пишите, мы не придем назад.

1 МАЯ 1924 ГОДА

В есной 1919 года, когда мировая контрреволюция со всех сторон рвалась к сердцу Советской Родины, Ленин говорил о своей мечте делегатам VIII съезда партии. Ленин мечтал о ста тысячах тракторов. «Вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия», — добавил он тут же.

Но немедленно после разгрома белогвардейцев большевики принялись воплощать в жизнь свои самые, казалось бы, фантастические мечты.

В России тракторов не было вовсе.

Не было обученных специалистов, которые могли бы спроектировать, вычертить, изготовить детали трактора.

Но все понимали: трактор

необходим. Рабочие должны помочь крестьянам поднять истерзанную войной землю. Только с помощью трактора в деревне можно строить социализм.

В Петроград на знаменитый Краснопутитовский завод (теперь он называется Кировским) привезли трактор, купленный у мистера Генри Форда.

В то время это был лучший тип трактора. Форд согласился его продать, он был уверен, что русские не смогут на нем ездить — они сломают его точно сделанные детали, едва лишь начнут разбираться в нем.

На заводе почти не было инженеров — бывшие сбежали за границу, а новых, своих пока не успели выучить.

БЕССМЕРТНО ЗНАМЯ...

Зато будет знатный кегельбан».

И старший в ответ: «Есть, капитан!»

А самый дерзкий и молодой
Смотрел на солнце над водой.

«Не все ли равно, — сказал он, — где? Еще спокойней лежать в воде».

Адмиральским ушам простукал рассвет:
«Приказ исполнен. Спасенных нет».

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

Константин ВАНШЕНКИН

МОЕЙ ПАРТИИ

Велело сердце мне обратиться
С сыновьим словом простым — к тебе.
Вся жизнь моя —

лишь твоя частица,
Моя судьба —
лишь в твоей судьбе.

Всегда я был твоим верным сыном,
И даже в дни,
 когда был я мал,
Твои победы и годовщины
Как личный праздник воспринимал.

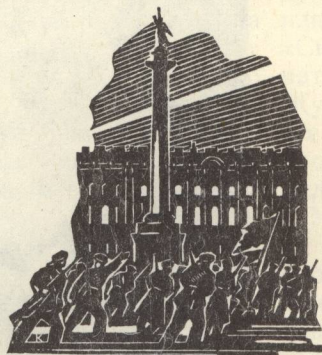
Лишь от тебя получил я силу
И по тебе лишь

равнял шаги,
И мне физически больно было,
Когда стреляли в тебя враги.

Я был на фронте с тобою вместе
И помню тех, кто погиб в огне,
Тех, в честь кого на партийном съезде
Печально встала ты в тишине.

И вот сегодня — слагаю строки
И вижу путь я широкий свой.
Я не песчинка в живом потоке,
Я капля крови твоей живой.

Ты учишь нас и гордишься нами,
Живешь, вникая во все дела.
Да будет вечно бессмертно зная,
С которым ты
к нашим дням пришла!

Гравюры
Н. Кузнецова

Самые опытные рабочие осторожно разобрали трактор на детали. Деталей у них получилось более восьмисот.

«Далеко шагнули американцы, пока Россия обливалась кровью в войне, — говорили рабочие, качая головами, — сложная техника».

В механической мастерской стояли древние станки, их давно полагалось бы заменить, но других пока не было.

На этих изношенных, уставших от работы станках рабочие принялись изготавливать детали нового трактора, точно такие, как у проданного мистером Фордом, — поршни, шатуны, коленчатый вал. Потом эти детали доводили вручную, шлифовали и полировали.

Зимой в Петроград поздно приходит рассвет. По утрам, когда в цехах еще было сумрачно, не всем верилось, что наступит такой день, когда детали, наполовину изготовленные вручную, удастся собрать воедино, что из них получится тот самый трактор, о котором столько думали, и что трактор этот оживет, превратится в умную работающую машину.

Но день настал.
Это было Первое мая 1924
года.

Из ворот Краснопутиловского завода вышли два крашеных обычной серой краской трактора. Вокруг них немедленно собралась толпа ленин-

градцев, потому что настоящего трактора из них не видел еще никто. На радиаторе первого было крупно написано «№1», на радиаторе второго — «№ 2».

Их вели мастера высшей квалификации Константин Яковлев и Петр Салакин.

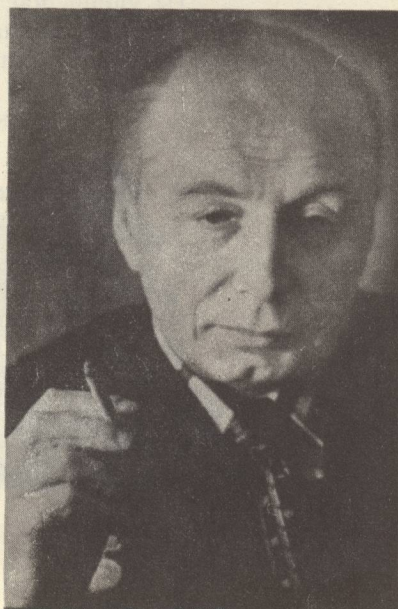
Это были два самых первых и пока единственных советских трактора.

Их назвали «ФП», что значило: «Фордзон-Путиловский». Рабочие немедленно переименовали их по-своему: «Федор Петровичами».

Тракторы встали во главе
первомайской колонны ленин-
градцев и повели ее от улицы
Стачек к Зимнему дворцу на
демонстрацию.

В ЧЕСТЬ РЕВОЛЮЦИИ, ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ, МИРА...

РАССКАЗ
О ТРЕХ
ПОКОЛЕНИЯХ
ОДНОЙ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ
СЕМЬИ

Много интересных документов увидел я в этой ленинградской квартире. Из разных свидетельств, дипломов, почетных грамот можно тут составить, пожалуй, целую библиотеку. Но все же прежде всего запомнились три.

Первый оформлен от руки. На большом листе цветным карандашом изображены колосья пшеницы, а ниже, под словом «Акт», значится:

«Мы, рядовые бойцы, командиры и политработники 20-го желбата, собравшись 26 марта 1924 года, настоящим отмечаем торжество нового быта и свидетельствуем рождение нового гражданина СССР,

Рэма Жукова, вступающего в нашу пролетарскую семью через революционные Октябрины. Давая тебе имя в честь Революции, Электрификации и Мира — этапов, через которые человечество должно приобщиться к светлому будущему — коммунистическому строю, мы приветствуем в тебе будущего труженика, поборника коммунистических идей и творца этого будущего».

Два других документа отпечатаны на машинке.

«Выписка из приказа по 20-му отдельному железнодорожному батальону от 26 марта 1924 года.

№ 89.

Сего числа в день революционных Октябрин новорожденного Рэма Жукова, сына военкома батальона тов. Жукова, весь состав батальона в торжественной обстановке принимает над ним шефство и зачисляет его питомцем во вверенный мне батальон. Объявляя вышеозначенное, Рэма Жукова зачислить в списки батальона молодым красноармейцем.

Комбат Генералов».

И третий листок:

«Наказ отцу новорожденного.

Комячейка 20-го отдельного железнодорожного батальона твердо убеждена, что вы, отец,

воспитаете вашего сына в духе коммунизма. Давая ему имя РЭМ — в честь заветов великого вождя и учителя товарища Ленина, мы уверены, что он будет высоко держать Красное знамя коммунизма. Пусть будет он одним из тех, кто твердо идет по пути к человеческому счастью, имя которому — коммунизм.

Отсекр. Воробьев».

Согласитесь: документы для современного читателя, прямо скажем, не вполне обычные. С тех пор прошло более полувека. И дабы подтвердить, что «рядовые бойцы, командиры и политработники 20-го желбата» в далеком двадцать четвертом году не зря составляли бумаги, я расскажу о людях, которых встретил в ленинградском доме, на Новочеркасском проспекте.

ОТЕЦ

В том двадцать четвертом военному батальона Федору Жукову было не многим более четверти века. Возраст вроде и не шибко солидный — это если считать по годам. А если по тому, что уже успел увидеть человек, узнать, пережить...

Многодетная крестьянская семья на Витебщине. Земли — всего один надел, с которым отец справлялся сам. Делать дома сыновьям было нечего, а старшему, Антону, приходилось уезжать в Грозный, на нефтяные промыслы. В девятьсот пятом за участие в революционном движении арестовали там его, сослали под надзор полиции на родину. И узнал Федор от старшего брата про такие события, каких в маленьком городишке вроде бы не наблюдалось. И стал мальчишка внимательней присматриваться к казакам, которые ехали по большой дороге с пиками наперевес — на Сиротино, на Шумилино, на Мешкевичи, где, поговаривали, кое-кто вздумал бунтовать. И еще узнал Федор от брата песню, начинающуюся словами: «Смело, товарищи, в ногу...»

В шестнадцатом отправился в Петроград и Федор. Там, на

маленьком механическом заводе рассказали молодому токарю о Ленине. Так что, когда парня вскоре призвали в армию, был он политически уже вполне подкован.

...Ночью 25 октября 1917 года наряд, в котором находился Федор Жуков, нес караул на станции Новый Петергоф. Их задача была не допустить из Ямбурга в Петроград войска, поддерживающие Временное правительство. А утром прибежал командир роты большевик Редько, обнял их: «Братцы, революция!» Вскоре Редько дал Жукову партийную рекомендацию. И стал молодой коммунист добровольцем-красногвардейцем.

Бой с войсками Юденича, потом курсы красных командиров, снова сражения и опять учеба... В общем, когда через несколько лет демобилизовался, узнать в комиссаре полка с тремя шпалами в петлицах прежнего Федю Жукова было трудно.

Но горячее время для коммуниста не закончилось. Партия приказала поднимать промышленность в городе на Неве. Предложили — по заданию ЦК поехал на Дальний Восток, где возглавил Ханкайскую районную организацию. А потребовалось — и стал парторгом Бакинского железнодорожного узла. Он не думал тогда, что жизнь его отныне с железной дорогой будет связана крепко-накрепко, но вышло именно так — и боролся Федор за повышение скоростей, за тяжеловесные составы.

А когда в его жизнь ворвалась война, организовал Федор Устинович железнодорожный истребительный батальон, который много хлопот причинил гитлеровцам...

Ему скоро восемьдесят, но глаза все такие же голубые, все так же по утрам разминается с гантелями, все так же начинает каждый день с газет...

СЫН

Что помнит сын из своего детства, самого-самого раннего?

Помнит ту самую Ханкай-

скую землю, куда отец был направлен партией. Городок назывался Камень-Рыболов, потому что был там на озере большущий камень с дуплом, и, когда вода уходила, в том дупле оставалась рыба. Помнит высокую скалу над озером, на которой, по рассказам отца, белые расстреливали партизан. Помнит, как рядом с домом дважды встретил волка...

Потом они вернулись в Ленинград. И Рэм считал, что ему здорово повезло, потому что в школу попал «самую лучшую»: в 1-ю образцовую Петроградского района!

Да, их школа, построенная, кстати, еще городской управой к столетию со дня рождения Пушкина, прочно занимала в РСФСР первое место. И педагоги были тут удивительные, и комсомольская организация крепкая. И чтобы тебя приняли, например, в спорткружок «Спартак», требовалось сдавать специальные экзамены. Жуков-то сдал: сложение могучее, по стрельбе, по гребле, баскетболу, гимнастике — разряды.

Утром все собирались в зале на физзарядку. Затем директор проводил политинформацию. «Под Гвадалахарой бои», — повторяли шепотом ребята, и потом эти чувства выливались в спектакле школьного драмкружка «Салют, Испания!».

Осенью сорокового года Жуков поступил в военно-морскую спецшколу. Поступил, хотя конкурс был четыре человека на место. Через год аттестат получил с золотой каймой. Было это на третий день войны...

Спустя неделю они стали курсантами Высшего военно-морского инженерного училища имени Дзержинского. Жили курсанты на острове Вольном. Ровно в пять — бегом из палаток. Кросс три километра, потом с вышки в воду, потом пятьдесят метров вплавь... «Выходи! Зарядка окончена!» Эта «зарядка» здорово пригодились осенью, когда шагнули мальчишки в бой. И среди них Рэм Жуков, который, помните, еще в двадцать четвертом был зачислен молодым красноармейцем в списки 20-го желбата,

а в сорок первом стал морским пехотинцем.

...Печатая шаг на брусчатке Красной площади на Параде Победы, Рэм Жуков в составе знаменосцев военно-морского полка крепко сжимал в руках древко, над которым развевался гордый стяг Балтийского флота. Увидев тогда сына на киноэкране, отец заплакал. Может быть, в первый раз за всю войну.

Сегодня Рэм Федорович — инженер-капитан второго ранга запаса, доктор технических наук, профессор. К 20-летию Победы он создал в «своей» школе совет ветеранов, потом этот совет возглавил. Рэм Федорович и его друзья предложили, чтобы пионерской дружине их школы присвоили имя Михаила Малиева, Героя Советского Союза, погибшего при форсировании Днепра. Миша учился в параллельном классе... Далеко не каждый из мальчишек и девочек смог стать малиевцем: спрашивали ветераны с ребят строго. Особенно строго — если перед советом стояли их собственные дети. Но Лена Жукова красную книжечку «Юный малиевец» получила все-таки одной из первых.

ВНУЧКА

Только было собрался я встретиться с представительницей третьего поколения Жуковых, комсомолкой, как узнал: Лена только что сдала экзаменационную сессию и через два часа улетает в Тбилиси. И тогда пришла идея: пусть Лена расскажет о себе в письме...

Письмо пришло быстро:

«Вашу просьбу восприняла как пионерское поручение, а так как я два с половиной года была старшей пионервожатой в школе, то к поручениям отношусь весьма серьезно.

Как я стала вожатой? Мой отец хотел, чтобы я закончила кораблестроительный институт и пошла по его стопам. В институт я поступила, но уже через полгода поняла, что ошиблась, что инженера из меня не выйдет. Заглянула как-то в родную 533-ю, и мне предложили работать вожатой.

Я, естественно, согласилась. Естественно — потому, что давно хотела стать учителем. Очень люблю детей, да и они, по-моему, отвечают мне взаимностью. Поступила в школу, а летом подала документы в педагогический на заочное отделение на факультет русского языка и литературы.

Дома этот мой «разворот от физики к лирике» приняли сначала в штыки. Все решили, что я испугалась трудностей институтской жизни и, как говорит папа, «пошла по пути наименьшего сопротивления». Тем не менее особенно на меня не нажимали, дали возможность показать, что решение мое правильное, что я смогу сама добиться того, чего захочу. Не все, конечно, было гладко. Порой не хватало времени, сил и, чего греха таить, силы воли. Но в этом отношении у меня всегда перед глазами дедушка и папа — образцы грудолубия.

Дедушке столько лет, но он очень много работает. Всю душу свою, все сердце коммуниста он всегда отдавал Родине... Папа, как почти все его одноклассники, был на фронте. Многие из них погибли, но те, кто остался, каждый год 9 Мая собираются у своей, бывшей 1-й образцовой, школы, ныне 80-й.

Приходят теперь не только выпускники 41-го года, приходят люди, которые учились в этой школе в другое время, приходят их бывшие учителя, приходят дети и даже внуки бывших учеников. Я не пропустила почти ни одной такой встречи. Меня никогда не приглашали особо, никогда не напоминали. Я всегда в День Победы шла к школе на улице Мира, и мне казалось, что в этот день я прикасаюсь к чему-то святому...»

Такие вот три судьбы... Нет, не ошиблась комячейка 20-го отдельного железнодорожного батальона — ни в отце не ошиблась, ни в сыне. Ну, а у внучки — а у внучки вся жизнь еще впереди. Жизнь, которая началась совсем неплохо...

Л. СИДОРОВСКИЙ
Фото А. Маркина

Ш ли годы радостного труда. По ленинскому плану советские люди строили в своей стране социалистическое общество.

Жизнь становилась новой, неузнаваемой.

Глубоко под землей московские рабочие проложили метро. Бывшие крестьянские парни строили новые города, огромные заводы с самой передовой техникой. Высоко над облаками летали новые советские самолеты, в поля выходили первые советские комбайны.

Наша страна, победив мировую контрреволюцию в войне, побеждала ее теперь в мирном труде.

В эти годы советские люди ставили рекорды повсюду.

Наши самолеты летали без посадок из Европы в Америку,

наши мартеновские печи строились втрое быстрее, чем обычно, а потом давали столько металла, что иностранные специалисты лишь разводили руками от удивления, наши альпинисты поднимались на самый высокий пик на Памире, хлопкоробы, шахтеры, ткачи — рапортовали Родине о своих рекордах.

6 июня 1937 года в 2 часа ночи под лучами яркого полярного солнца среди ледяного поля выстроилась небольшая группа советских людей.

Высокий человек с большой седеющей бородой, знаменитый путешественник и математик, «ледовый комиссар» Отто Юльевич Шмидт объявил дрейфующую научную станцию «Северный полюс» открытой.

Это была первая в мире научная станция на Северном полюсе.

Знаменитые исследователи один за другим уходили в ледяные поля, чтобы хоть день, хоть час побыть на этой географической точке земного шара. Исследователи строили всевозможные проекты, как достигнуть полюса, замерзали, гибли, а полюс оставался недоступным.

И вот советские летчики посадили самолеты, сделанные в Советском Союзе, на ледяное поле, выгрузили оборудование, продукты, построили палатки, и четыре советских полярника — Папанин, Федоров, Кренкель, Ширшов — поселились на Северном полюсе, чтобы прожить здесь, на льдине лето, осень, зиму, весну.

Взлетели через несколько часов самолеты полярной авиации, взяли курс на Москву, а на льдине в центре великого Северного Ледовитого океана развеялся и пламенел советский флаг.

Когда набирался этот номер, пришло сообщение ТАСС:

«17 августа в 04 часа 00 минут по московскому времени атомный ледокол «Арктика» достиг географической точки Северного полюса... Исполнена вековая мечта многих поколений моряков и полярных исследователей!»

К ПОЛЮСУ

Владимир СТРУГАЦКИЙ

1. ПОД НАМИ ЛЬДЫ

Все было буднично. Все было обычно. На электрической плитке попыхивал чайник. Самолет был забит до отказа. Океанологи сидели на ящиках с приборами, с неприкосновенным запасом продуктов (на случай вынужденной посадки) и аквалангами. Геннадий Кадачигов примостился на баке с горючим и дремал, пытаясь отдохнуть хоть самую малость. Николай Шестаков облокотился на гидрологическую лебедку, руку положил на висящий всегда на нем фотоаппарат и спал. Только Вадим Углев — человек совершенно неугожимый — возился у плиты, собираясь угостить нас сардельками.

В 00 часов 22 минуты вылетели мы с «СП-22», а в 3 часа 20 минут Илья Павлович Романов вышел из кабины и сказал:

— Под нами полюс. Только вот пелена кругом. Трудно делать подбор.

Это самое сложное: подобрать площадку для посадки. Можно и тридцать минут, и час, и полтора кружить над льдинами, и ни одна не годится для посадки на нее. Каждая выставит навстречу торосы — угловатые, острые. А трещины дышат, то расширяясь, то вовсе исчезая, и не дай нам бог их не заметить. Да, не везет. Всю дорогу было солнце, а над полюсом пелена. А в пелене садиться хуже не бывает. Солнце высвечивает любые неровности на льдине — бугры, торосы, а пелена все подстригает, словно садовник в английском парке — ровненько-ровненько. Она все сглаживает, и может получиться так, что с высоты покажется гладким самое торосистое, бугристое поле.

Словно в молоке пловем. Да не в молоке даже, а в киселе каком-то густом. За стеклами ничего не видно.

— Ты хоть бы дверцу открыл, шваброй кругом помахал, — улыбнулся командир бортмеханику.

Да, единственное, что остается в нашем положении, — туман разгонять.

Да нет, вроде рассеивается туман, вроде мы выныриваем на солнышко.

Но за солнечной полосой снова шла полоса невезения.

Словно какую-то стену мы пробили: все вдруг померкло, потускнело. Опять в туман угодили. А потом минут тридцать так и кувыркались у полюса: солнце — туман, солнце — туман.

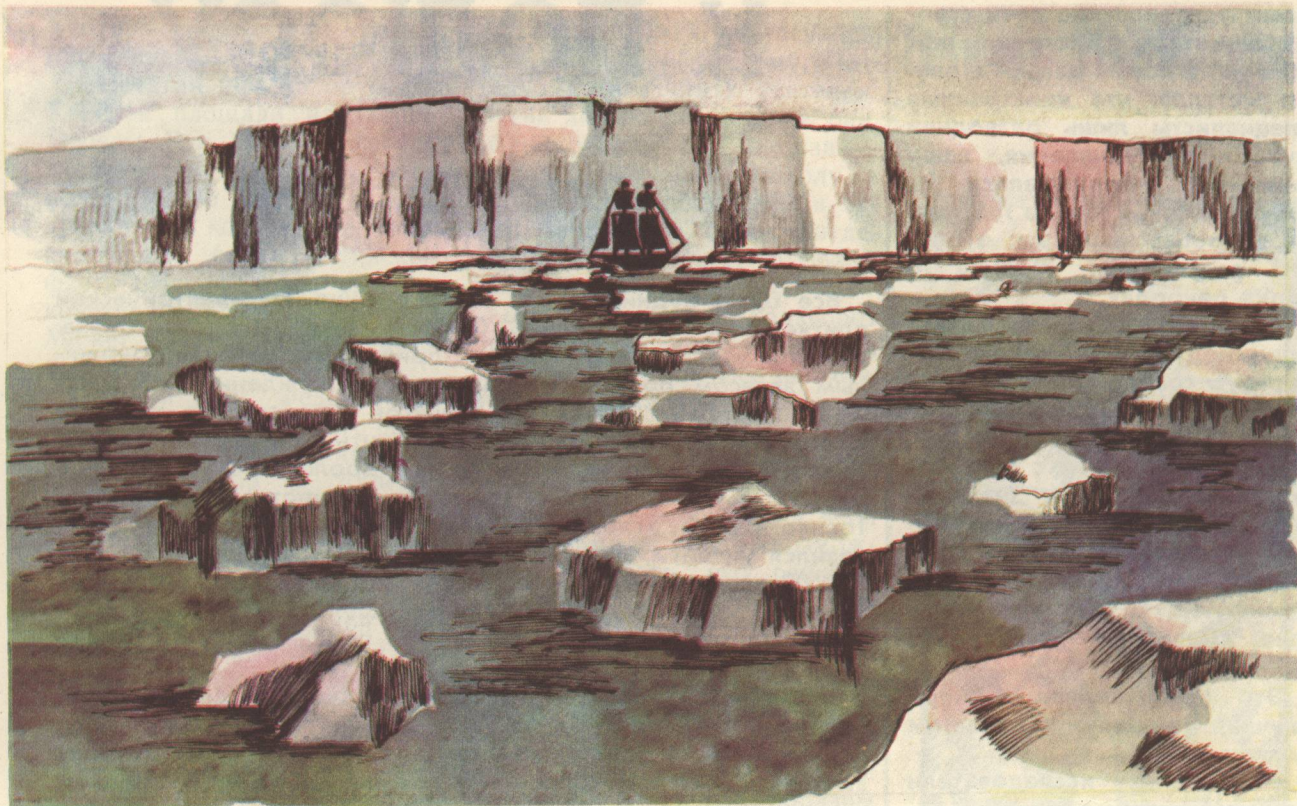
Однажды вынырнули и даже льдину нашли подходящую. Уже бортмеханик шашку дымовую кинул, чтобы направление ветра узнать — садиться надо против ветра, меньше будет пробег, — и вдруг льдину, пока мы разворачивались, накрыл туман.

Самолет болтает. Кружки с крючков над столом вот-вот попадают.

Выскочили из тумана — нет льдины, удобной для посадки, все перечерчено трещинами.

Я смотрю на плывущие под самолетом льды, на гряды торосов. Кое-где происходит сжатие — скрежета льдов нам не слышно, но видно, как крошатся громадные ледяные поля, трутся друг о друга, раскалываются. Эти льды были жестоки всегда, всегда шла борьба между человеком и стихией. Для человека это была борьба за достижение полюса.

Полюс и сегодня одно из самых негостеприимных мест на нашей планете. Каким он был, таким он и остался.

2. НАЧАЛО ПУТИ

К полюсу стремились десятки экспедиций. Порой совсем неподготовленных, но желающих выиграть «скачки», прославить свое имя, прославить рекордом. Азарт иногда заслонял благородную цель. Какие только проекты достижения полюса не предлагали!

В царстве торосов лейтенант германского военного флота Бауендаль в 1907 году решил построить подвесную дорогу от Шпицбергена до... Северного полюса. Идея казалась самому автору великолепной: надо установить на льду сваи, между ними протянуть канат и по нему пустить небольшой вагон. Бауендаль вкладывал в свое предприятие деньги, силы, нанимал рабочих... Он соорудил несколько километров дороги. И, наверное, так бы и не отказался от своей нелепой затеи, да разбежались рабочие.

«Северный полюс недостижим», — телеграфировал, отчаявшись до него добраться, английский капитан Джордж Нэрс. Недостижим? «Говорят, что непоборимы торосы Ледовитого океана», — писал адмирал Макаров. — Это ошибка: торосы поборимы — непоборимо лишь людское суеверие».

Американец Роберт Пири поборол и суеверие, и торосы. Он достиг полюса первым — 6 апреля 1909 года.

На дороге к полюсу Роберт Пири оставил 23 года своей жизни. Во время одной из экспедиций он отморозил ноги. Пришлось ампутировать семь пальцев. И все же он продолжал двигаться вперед, к полюсу. И так и не добрался до него на этот раз. А в сле-

дующую экспедицию Пири отправился на костылях. «Не раз я возвращался из великой замерзшей пустыни побежденный, измученный и обессиленный, иногда изуверенный, убежденный, что это моя последняя попытка, — писал Пири. — Но не проходило и года, как меня снова обуревало хорошо знакомое мне ощущение беспокойства. Меня невыразимо тянуло туда, к безграничным ледяным просторам: я жаждал борьбы с застывшей стихией. И я опять устремлял туда свои шаги, все снова и снова, пока, наконец, мечта моей жизни не претворилась в действительность».

Русский лейтенант Георгий Седов... Человек, погибший в ледяной пустыне. Убеждавший, умолявший, настаивавший на необходимости русской экспедиции к полюсу. «Русский народ должен принести на это национальное свое дело небольшие деньги, а я приношу свою жизнь». Но царское правительство его не поддержало. И так и не набрав нужной суммы, а значит, всего необходимого для такой экспедиции — «Разве с таким снаряжением нужно идти к полюсу?», — он все же отправился в путь. Уже на седьмой день пути Седов выбился из сил — он покинул «Св. Фоку» больным. Он не мог двигаться. Его уговаривали вернуться. Но он упрямо требовал от своих спутников усадить его на нарты и двигаться к полюсу. И пока сознание не покидало его, смотрел на стрелку компаса. Он был спокоен — стрелка показывала на север.

Он умер на пути к полюсу — 5 марта 1914 года.

Это была последняя попытка достичь полюс на собачьих упряжках.

И вот 1937 год. Уже всем ясно — только с помощью авиации возможно освоение Арктики. И все же... «В то время Север слыл каким-то пугалом даже среди выдавших виды опытных летчиков, — вспоминал Водопьянов, — О полетах на Севере рассказывали такие ужасы, что волосы становились дыбом».

Но способен ли самолет не только лететь до полюса, но и высадить на дрейфующие льдины среди торосов, полыней и трещин экспедиции для планомерного изучения Центральной Арктики, для разгадки множества ее тайн?

Идея многим казалась нереальной. Идеей мог скорее воспользоваться писатель-фантаст, а не путешественник. Но, видимо, у людей этих двух профессий во все времена были в чем-то родственные души.

Но возможность посадки самолета на Северном полюсе надо было доказать. Знаменитый советский летчик Михаил Васильевич Водопьянов и его экипаж это доказали ровно сорок лет назад.

21 мая 1937 года. «...Смотрю вниз, — вспоминает Водопьянов, — хоть бы одно окошко в облаках! Мучительно преследует мысль, не спускается ли облачность до самого льда?..

На самолете все знали, что мы приближаемся к цели.

— Под нами полюс!

Мне захотелось запеть во весь голос, да так, чтобы услышала вся родная страна! Не-

передаваемо прекрасное чувство захватило в этот момент...

Перед глазами раскрылась панорама вершины мира.

Бесконечные ослепительные поля с голубыми прожилками разводов. Беспредельная поверхность океана, как бы вымощенная множеством плит, самых разнообразных очертаний и размеров, они напоминают геометрические фигуры неправильной формы, вычерченные неуверенной детской рукой.

«Кто окажется прав, — промелькнуло в мыслях, — мои оппоненты, уверявшие, что на полюсе сесть невозможно, или я?»

Еще несколько мгновений — и этот вопрос будет решен.

Я делаю круг, выбираю подходящую льдину. Самолет продолжает снижаться. Моторы работают на малых оборотах.

...Пробежав двести метров, самолет останавливается.

21 мая, 11 часов 35 минут...

Мы и не заметили, что оказались в объятиях друг у друга.

А еще через несколько минут мы вступили на полюс.

Северный полюс наш.

Так была высажена на самой северной точке земного шара четверка папанинцев, первая дрейфующая станция «Северный полюс».

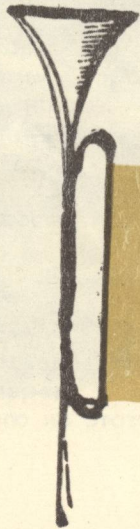
Окончание следует

БАРАБАН

ЖУРНАЛ ЮНКРОВ

Оформление Л. Каминского

СЛУШАЙТЕ
ВСЕ!

Вместе со всей страной пионеры и комсомольцы отмечают большой всенародный праздник — День рождения Великой Октябрьской социалистической революции, ее славное 60-летие.

Журнал юнкоров «Барaban» представляет страницы ноябрьского выпуска красным следопытам Ленинграда и области. Читайте главы из рукописной книги ленинградских пионеров, посвященной юбилею Октября.

Из
рукописной
книжки
ленинградских
пионеров

ПРАЗДНИК

Таня Жукова, 8 лет

Мне нужен друг

Я знаю — он мне нужен!

Задачи ли забуду номер вдруг

Или свалюсь ангиною простужен —

Мне нужен друг!

Мы будем вместе с ним гонять в футбол.
Купаться побегу я с новым другом.

А может быть, сыграем в баскетбол.

Ух, будет он веселым и здоровым!

Мне говорили часто: «Что ж друзья,

К хорошему они не приводили...»

Эх вы! Не идеал и я! —

Отвечу, раз уж так заговорили.

Не для подсказки в школе нужен друг,

Не для того, чтобы в кинотеатр бегать.

Когда он есть, светлее все вокруг,

А сколько вместе можно поразведать!

Мы вместе с ним готовили 6 уроки.

На секцию? Опять вдвоем пойдем.

А там — нам только дайте сроки —

Мы вместе в Антарктиду поплывем!

Вадим Гачурин,

7-й класс,
Архангельск

"Аврора."

ИЗ ГЛАВЫ ПЕРВОЙ

....Каждое утро на верхней палубе «Авроры» выстраивается весь личный состав и звучит команда «На флаг и гюйс спокойно!». Затем раздаются слова команды: «Флаг и гюйс поднимать!» И поднимается военноморской флаг и взвивается гюйс с пятиконечной звездой в центре.

Утром двадцать пятого октября 1917 года связной доставил на «Аврору» из Смольного пакет с ленинским воззванием «К гражданам России». Сразу же текст этого воззвания был передан корабельной радиостанцией в эфир: «Всем! Всем! Всем!» И в 21 час 45 минут с мачты Петропавловской крепости был дан условный световой сигнал для «Авроры». Комиссар крейсера А. Бельшев подает команду... Яркая вспышка озаряет Неву. Со всех сторон двинулись к Зимнему красногвардейцы. В 2 часа 10 минут Зимний был взят. Временное правительство арестовано. Революция в Петрограде победила.

Легендарная история «Авроры» на этом не кончилась. Была еще гражданская война, Великая Отечественная... Славные страницы жизни корабля.

Живет «Аврора». И будет жить вечно!

Следопыты пионерской дружины школы № 152

"Революционный шаг!"

ИЗ ГЛАВЫ ВТОРОЙ

Мы изучаем биографию Васи Алексеева — одного из основателей петроградского комсомола, рабочего Нарвской заставы.

...Уже в двенадцать лет Вася выполнял поручения своих старших товарищей — большевиков.

Собираются рабочие на собрание — надо понаблюдать, не появится ли поблизости шпиик. Вася умело водил за нос шпиика, прекрасно понимая, что растеряться нельзя, растеряется — навредит рабочим, сорвет встречу. Или — распространение листовок. Сколько раз Вася Алексеев занимался этим рискованным делом. Знал, что попадет в тюрьма, арест грозит. И видя, как жадно

(Окончание на следующей странице)

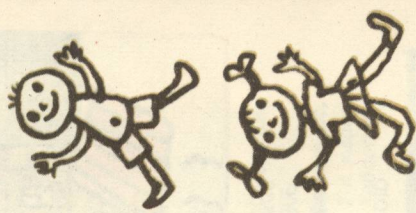
Жило-было солнышко
В домике своем,
Не любило солнышко
Дождь, грозу и гром.

А любило солнышко
По небу гулять,
И любило солнышко
Землю согревать.

Улыбалось солнышко
Любям на земле,
Только на ночь пряталось
В непроглядной мгле.

Завтра утром солнышко
В небо вновь взойдет,
Любям снова солнышко
Радость принесет.

Андрюша Рыбкин,
3-й класс, Горький

МАТРОС
с "АВРОРЫ"

Андрюша Турбин,
8 лет

читают рабочие большевистское правдивое слово, радовался.

Невольно спрашиваешь себя, слушая рассказы сестры Василия Марии Петровны Алексеевой: «А у тебя есть такое мужество, Мужество, чтобы быть честным, правдивым, принципиальным всегда?»

На Херсонской улице, в клубе «Третий Интернационал», часто можно было встретить Васю Алексеева в кругу друзей. Вместе с Лизой Пылаевой, Эдуардом Леске и другими ребятами обсуждался здесь план создания общепетроградской социалистической организации молодежи.

Лизе Пылаевой было тогда семнадцать лет. Она работала в редакции газеты «Правда».

18 августа на Первой общегородской конференции в Петрограде был оформлен Со-

„Пионерские пятилетки“

«Верны традициям отцов» — так называется наш музей.

Готовясь отметить 60-летие Великого Октября, мы старались как можно больше узнать о том, как жили и помогали старшим первые пионеры Выборгской стороны, как участвовали в свершениях первых пятилеток.

...Сейчас трудно представить себе человека, который не умеет читать и писать. А ведь в годы первых пятилеток таких людей было немало. Были неграмотные и на «Красной Заре», телефонном заводе, где была создана первая пионерская база.

Современные модели телефонных аппаратов зачастую собирали работницы, которые и расписаться-то толком не умели, подписывали крестиком. Конечно, работала на заводе грамотная, знающая молодежь, но «учителей было меньше», чем «учеников»: не хватало комсомольцев, готовых поделиться своими знаниями, опытом. И тогда на помощь пришли пионеры.

Среди пионеров нашлось много терпеливых и упрямых ребят, которые стали настоящими борцами с неграмотностью.

циалистический Союз рабочей молодежи. Утверждены Устав и Программа. Сбылась мечта Васи Алексеева и о журнале: был основан «Юный пролетарий». Его редакторами стали Эдуард Леске и Лиза Пылаева.

Все эти события происходили в месяцы подготовки вооруженного восстания. Хроника того времени позволяет понять, какую большую и самоотверженную работу вели Вася Алексеев и его друзья — молодые петроградские рабочие. За этими простыми фразами «Собралась конференция...», «Создали журнал...» скрыт огромный труд. Образ Васи Алексеева с каждым новым фактом его биографии становится нам все дороже. Его жизнь учит нас любить свою Родину, страну, рожденную Октябрем.

*Следопыты поискового штаба
Кировского района*

ИЗ ГЛАВЫ ТРЕТЬЕЙ

У нашего школьного музея есть друзья. Бывшие пионеры передали нам ценные фотографии, документы, письма тех лет. Их воспоминания записаны на магнитофон. Например, история о том, как на пионерской базе завода «Красная Заря» работали пионерские почтальоны.

В те годы пионеры всего Советского Союза за включились в борьбу за четкую, бесперебойную почтовую связь. Специальные отряды «легкой кавалерии» проверяли, есть ли освещение на лестницах, на дверях всех ли квартир укреплены почтовые ящики. Тем маленьким почтальонам, которые особенно отличились в наведении порядка, доверяли самое сокровенное: на машине объезжать уличные почтовые ящики, вынимать корреспонденцию, проверять, своевременно ли она доставляется.

Рассказала нам эти факты Татьяна Петровна Уткина (теперь ее фамилия — Павлова), она была председателем совета пионерской базы.

*Следопыты
78-й школы*

Река

Средь тихого, темного леса,
Где ели растут до небес,
Река пробегает бурливо —
Веселый звенящий оркестр!

Не любит певунья покоя —
Несется в манящую даль!
И песней морского прибоя
Свою разгоняет печаль.

И станет вдруг грустно порою,
В лесу среди тихого сна —
К ней звезды придут с темнотою
И спустится с неба луна.

*Марина Калинина,
7-й класс,
Москва*

ЛЕДОХОД ИДЕТ

Фирая Хакимуллина, 6-й класс

„Красная звезда“

Письма с фронта. Их много в музее боевой славы нашей школы. Они обычно начинаются словами «Привет с фронта». У них одинаковый адрес — «Полевая почта».

Эти письма читали дети солдат, читают внуки, будут, наверное, читать дети внуков и, читая, еще больше узнают историю своей Родины, с благодарностью вспоминают тех, кто отдал жизнь за ее свободу и независимость.

С Марцеллой Степановной Голянской мы познакомились совсем недавно. Она рассказала нам о трудных дорогах войны, которые вместе со своей 72-й Павловской Краснознаменной ордена Суворова дивизией она про-

ИЗ ГЛАВЫ ЧЕТВЕРТОЙ

шла в качестве фронтового почтальона. Мы полюбили эти фронтовые рассказы и поняли, какая важная должность — почтальон на войне. Многие письма эта женщина — ветеран войны — помнит до сих пор, потому что когда-то помогала писать их раненым. Мы держали в руках письмо на фронт — наказ матери сержанту Хоботову: «Из твоего письма, сынок, узнала, что ты охраняешь подступы к Ленинграду. Гордись этим! Защищать город Ленина — великая честь. Будь стойким в бою».

Мы поняли, что письма в бою тоже были оружием, придавали бойцам силы.

Следопыты школы № 441

Мой город

Еще не встал рассвет багряный
И не растаял мрак ночной.
Туман клубится над лугами,
И ветерок шуршит листвою.

И город спит. Мой старый город!..
Молчат в раздумье тополя.
Здесь каждый камень сердцу дорог.
Здесь дом родной, моя земля.

Здесь годы птицей пролетели,
Оставив в памяти свой след.
Здесь над моею колыбелью
Мой самый первый встал рассвет.

Вот солнце, словно шар огромный,
Опять над городом встает.
И человеческой любовью
Живет мой город и цветет.

*Леся Далекая,
7-й класс, Глухов*

ПЕРВОЕ МАЯ В ЛЕНИНГРАДЕ. Ольга Ботвинник

Хорошо за Камой знойным летом
Загребать, копнить и стоговать!
А потом стихи писать об этом
В школьную обычную тетрадь.
Холоду назло и выюгам жгучим
Пусть белеет речка под луной
И несут стремительные тучи
Молнии и грозы надо мной.

Пусть цветет черемуха и липа,
Золотится лютиком весна.
И поет простуженно, со скрипом
Дряхлая столетняя сосна.

Сбросив наземь белую рубашку,
Заяц совершит весенний круг.
В каждом слове пусть цветут ромашки,
В каждой строчке — зеленеет луг.

*Тимофей Лопатик,
7-й класс,
Хабаровск*

ТАНЕЦ

Люда Лаврухина, 12 лет, Сенгелей Ульяновской области

9 АВГУСТА 1942 ГОДА

Фашистские дивизии топтали и жгли советскую землю.

Они подошли вплотную к Ленинграду, и композитор Шостакович, ленинградский житель, требовал, чтобы его, как и многих ленинградцев, послали на фронт.

«Возьмите хоть в кашевары!» — умолял он, но ему отвечали, что в тылу, сочиняя музыку, он принесет больше пользы.

На любимые, знакомые с детства улицы падали бомбы. По восемнадцать часов подряд враг осыпал артиллерийскими снарядами город.

Как раз в эти дни, в эти часы Шостакович писал середину Седьмой симфонии.

Уже была написана первая часть, где музыка рассказывала о страшном фашистском нашествии, о страданиях и гибели советских людей.

Утром 17 сентября композитор закончил вторую часть, и через два часа его привезли в радиостудию для выступления.

— Слушай нас, родная страна! Говорит город Ленина. Говорит Ленинград! — объявил диктор, и Шостакович прямо в микрофон, волнуясь, стал рассказывать:

— Я говорю с вами из Ленинграда в то время, как у самых ворот его идут жестокие бои с врагом, рвущимся в город, и до площадей доносятся орудийные раскаты... Два часа назад я закончил две первые части симфонического произведения... Советские музыканты, мои дорогие и многочисленные соратники по оружию, мои друзья! Помните, что нашему искусству грозит великая опасность!..

27 декабря 1941 года Шостакович закончил Седьмую симфонию.

Он жил уже месяц в Куйбышеве, куда его почти силой увезли из Ленинграда.

2 июля 1942 года, когда вражеские дивизии по-прежнему стояли у ворот города, «Ленинградская правда» сообщила, что в город доставлена на военном самолете Седьмая симфония Дмитрия Шостаковича. Публичное исполнение ее состоится в Большом зале филармонии.

Зимой ослабевшего от голода дирижера Карла Ильича Элиасберга на саночках свезли в стационар. Теперь, хотя и с большим трудом, он передвигался сам.

Для исполнения симфонии требовался большой оркестр. Двадцать семь оркестрантов радиокомитета погибли во время блокадной зимы от голода и бомбежек. Многие были на фронте.

На стенах города появилось объявление:

«Просьба ко всем музыкантам Ленинграда явиться в радиокомитет».

И музыканты являлись. Искудавшие за зиму, они доставали свои скрипки, виолончели, надевали концертные фраки. Все-таки их не хватало, и тогда из воинских частей по приказу командования фронтом были откомандированы те, кто прежде играл в оркестрах.

На 9 августа гитлеровцы назначили день падения города.

Они отпечатали заранее пригласительные билеты на банкет в ресторан «Астория» и раздали их господам высшим офицерам.

На 9 августа ленинградцы назначили премьеру Седьмой симфонии.

Командующий фронтом приказал подавить все огневые точки врага. Эта операция готовилась заранее и называлась «Шквал».

В 7 часов вечера, когда дирижер поднял палочку, на Пулковских высотах раздались могучие залпы, их подхватили тяжелые дальнобойные орудия и орудия главного калибра морской артиллерии.

У каждого музыканта на пюпитре лежали расписанные из партитуры ноты. У каждого орудия тоже была своя партия — свои огневые таблицы.

Фашистские батареи, штабы, наблюдательные пункты были подавлены, ослеплены. Ни один вражеский снаряд не помешал исполнению Ленинградской симфонии в Ленинграде.

Перед началом трансляции этого концерта по радио диктор сказал: «Дмитрий Шостакович написал симфонию, которая зовет на борьбу и утверждает веру в победу. Само исполнение Седьмой симфонии в осажденном Ленинграде — свидетельство неистребимого духа ленинградцев, их стойкости, их веры в победу, их готовности до последней капли крови бороться и завоевать победу над врагом».

Слушайте, товарищи! Сейчас будет включен зал, откуда будет исполнена Седьмая симфония Шостаковича».

В зале сидели моряки с кораблей и вооруженные пехотинцы. Сидели мужчины и женщины в ватниках, с противогозовыми сумками на боку. Все они в этот год перенесли страдания. Они разучились плакать от горя, а сейчас плакали от радости.

В этот день, 9 августа 1942 года, весь мир узнал, что изможденные, пережившие голод и мороз блокадной зимы ленинградцы все-таки сильнее наглых и сытых гитлеровцев.

Мальчик Йоо и его друзья

РАССКАЗЫ О ЧУКОТКЕ

Юрий РЫТХЭУ

Рисунки И. Дяткиной

ГРУСТЬ

Йоо стоял на берегу моря, еще покрытого толстым льдом, и ему было грустно... Когда еще придет пароход! А хорошо быть моряком. Они как вольные птицы: сегодня — здесь, а завтра — там...

Каждое лето приходит пароход.

Об этом знают заранее — по радио сообщают. Сначала на горизонте появляется дым, потом труба, белый дом, а под конец и сам черный корпус. Пароход гудит, и береговые скалы отзываются эхом.

Пароход разгружают несколько дней. Он стоит на рейде — черный, строгий и красивый. От него к берегу бежит юркий катерок с баржой на буксире. На берегу вырастают большие

горы угля, ящиков и мешков. Все это на долгую и трудную зиму. В пургу будет гореть в печках каменный уголь, в горячем чае таять сахар, а в пекарне будут печь из муки вкусный белый хлеб...

На берег сойдут моряки. Воротники у них широко распахнуты, чтобы все видели тельняшки. Они будут фотографировать сопки, горы и собак.

Когда Йоо вырастет, он будет моряком. Будет носить полосатую тельняшку и черные морские брюки. И плавать по теплым морям, где никогда не бывает льда. Ему там интереснее. Что такое холод и ледяные горы, Йоо хорошо знает, а вот в жарких странах не бывал. Он хочет посмотреть на живых обезьян и увидеть настоящий живой лес. Чтобы листья шумели над головой и пахло цветами.

Пароходы обычно уходят ночью. Когда выбежишь рано утром из дому — на море уже пусто. Пусто от берега до того места, где небо касается воды... Дойти бы туда и загладить — что там, за водяным обрывом. Говорят, что земля круглая, как мяч.

И еще есть дальние страны, и так сильно хочется их увидеть, что становится грустно.

Йоо вспоминает, как в прошлом году он часами сидел на берегу моря — не покажется ли дымок на горизонте.

Охотники уходили на вельботах в море.

Они на целый день скрывались за той полосой, где небо смыкалось с водой, будто скатывались на другую сторону земного шара.

Йоо знал, что вельботы вернутся.

Вельботы приходили с добычей. Иногда с китом, иногда с моржами. Китов на берег вытаскивали тракторами. Морских великанов до позднего вечера разделявали. С моржами дело проще. Но все же, когда их было много, работа затягивалась за полночь.

Вельботы всегда возвращались.

А пароходы не возвращались. Они уходили навсегда или очень надолго, до следующего лета...

Вот почему Йоо было грустно.

Однажды в село прилетел большой серебристый самолет. Он привез из Якутии голубых песцов.

Йоо вместе со всеми побежал к самолету. Подкатил на своем вездеходе отец. К вездеходу были прицеплены большие сани.

Летчики открыли широкие грузовые люки.

Внутри самолета стояли клетки. В клетках сидели испуганные зверьки и жмурились от яркого света. Они совсем не были голубыми. Серые, грязные, маленькие...

— О, голубые песцы! — радовался директор совхоза.

Йоо не понимал его: чему радоваться?

Вечером он спросил у отца:

— Почему такие грязнухи называются голубыми песцами?

Отец улыбнулся и ответил:

— Они еще станут голубыми. Просто песцы долго ехали, устали.

«Голубые песцы прилетели из Якутии. Это, говорят, от Чукотки не очень далеко. Но если песцы устали, видно, дорога порядочная... Хорошо бы слетать в Якутию!»

Йоо стал ходить на ледовый аэродром, но большой серебристый самолет больше не прилетал. Вместо него садился маленький, двухкрылый, который ласково называли «Аннушкой». Он прилетал каждую неделю. Летчиком на нем Петренко. Певец Нонно даже сочинял о нем песню и пел в клубе. Петренко ничего не понимал по-чукотски, но внимательно слушал и улыбался.

Пока Йоо был на аэродроме, из-за дальних гор пришли геологи. Они были усталые и бородастые. На плечах у них лежали огромные молотки. Геологические. Они пожили в селении три дня и отправились дальше, за синие горы, искать полезные ископаемые.

Йоо провожал их.

Вместе с геологами уходил Паля. Проводником. Он вернется обратно, а геологи — нет. Каждый день у них — новая дорога.

Как хочется скорее вырасти и все узнать, все увидеть!

Вот только кем стать?

Когда приходил пароход, Йоо хотелось стать моряком.

Когда прилетел серебристый самолет, ему хотелось стать летчиком.

Когда он сидел рядом с отцом в вездеходе, он хотел стать водителем этой машины.

Когда он провожал геологов, ему хотелось отправиться вместе с ними в дальнюю дорогу, чтобы открывать полезные ископаемые.

И каждый раз Йоо вздыхал.

Однажды мама спросила:

— Что ты, Йоо, все вздыхаешь?

— Я грущу, мама, — с серьезным видом ответил Йоо.

— Почему?

И Йоо рассказал ей.

Мама внимательно выслушала сына и сказала.

— Это ты растешь, Йоо.

ПОЛИГЛОТ

Игорь Михайлов прилетел на «Аннушке». Еще самолет называют воздушным вездеходом, потому что «Аннушка» может садиться на маленький аэродром, прямо в тундре, на снег и даже на воду, если вместо лыж или колес на нее надеть специальные поплавки. «Аннушка» по-настоящему называется «АН-2».

Кое-где уже начал таять снег, и в небе появились первые стаи уток.

Когда самолет подрулил к берегу, Йоо увидел в колесе от лыж проступившую сквозь снег воду.

Вместе с другими пассажирами из самолета вышел русский мальчик примерно одного возраста с Йоо. Он был одет в очень яркую красную куртку и меховую шапку.

За ним выпрыгнули его родители. Кто-то сказал, что прилетел новый синоптик. Слово «синоптик» Йоо хорошо знал. Синоптик полярной станции все знает о погоде. Хранитель огня, школьный истопник Танат, говорит, что синоптик предсказывает погоду лучше шамана. Шаманов Йоо не знал, а синоптиков знал.

Прежний синоптик уехал, и вот прибыл новый. С женой и сыном.

Мальчик подошел к стоявшим поодаль ребятам — Йоо и Пины — и сказал:

— Это что — Чукотка?

— Нымным, — ответил Пины. — Село наше называется Нымным.

— Ням-ням? — переспросил мальчик.

— Сам ты ням-ням! — обиделся Пины. — Нымным!

— А меня зовут Игорь, — сказал мальчик, — а фамилия моя Михайлов.

— Я уже закончил первый класс, — небрежно, но хвастливо заявил Пины и кивнул в сторону Йоо: — Он тоже идет в школу в этом году. Вместе с тобой будет учиться.

Подошли родители Игоря. Они прислушались к разговору, и мужчина сказал:

— Как они хорошо говорят по-русски! Настоящие полиглоты!.. Ну, Игорек, нам пора.

Они погрузили вещи в вездеход и поехали на полярную станцию.

Пины и Йоо переглянулись между собой, и Йоо спросил:

— Ты знаешь, что такое полиглот!

— Нет, — мотнул головой Пины. — Такого слова мы не учили.

Вечером Йоо спросил отца:

— Что такое полиглот?

— Откуда ты взял это слово? — удивился папа.

— Так нас обозвал папа Игоря Михайлова, новый синоптик, — ответил Йоо.

Папа засмеялся, а мама с любопытством спросила:

— А что это такое?

— Это слово значит — много языков знающий, — объяснил отец. — Вот ты знаешь русский и чукотский языки, поэтому тебя Михайлов и назвал полиглотом. Он тебя не обозвал, а похвалил.

— Не одного меня, — напомнил Йоо, — и Пины тоже.

Обида сразу прошла. Йоо даже подумал, что полиглот звучит несколько не хуже, чем синоптик. Ему сразу же захотелось пойти на улицу и рассказать об этом первому встречному. Но уже было поздно, хотя еще вовсю светило солнце. На Севере, у Полярного круга,

весенние дни растягиваются до полуночи, потому что солнце светит долго, не то что зимой, когда оно показывается лишь на два-три часа над горизонтом.

На следующее утро Йоо проснулся раньше всех. Он торопливо умылся, позавтракал и вышел на улицу.

Высоко в небе показалась журавлиная стая. Журавли летели строгим строем, как военные самолеты.

На улице еще никого не было. Йоо вернулся в дом и вынес самодельный деревянный кораблик. От дома по пробитому в снегу каналу текла вода. Поток пересекал улицу и уходил в сторону лагуны. Йоо пустил кораблик и побежал за ним.

Возле угольной кучи он увидел школьного истопника Таната. Танат лопатой набирал уголь в большие черные ведра.

— Здравствуйте, дедушка Танат! — вежливо поздоровался Йоо. — А вы знаете, кто я такой?

— Кто же ты? — с любопытством спросил Танат.

— Я — полиглот! — важно сказал Йоо.

— Ты смотри! — удивился Танат. — Когда же ты таким стал?

— А всегда был, — немного подумав, отве-

тил Йоо. И вправду, сколько он помнит себя, он всегда одинаково свободно говорил и по-русски и по-чукотски.

— Это что же — болезнь такая? — сочувственно спросил Танат.

— Что вы? — улыбнулся Йоо. — Полиглот — значит, знающий много языков! Так меня называл товарищ Михайлов, новый синоптик.

— Какие же такие языки ты знаешь? — спросил Танат.

— Русский и чукотский, — важно ответил Йоо и поспешно выловил из воды кораблик: вдали показался дедушка Куки. Он шел в косторезную мастерскую. Йоо поспешил к нему навстречу и еще издали начал здороваться с ним:

— Здравствуйте, дедушка Куки!

— А, это ты, Йоо! — Куки остановился. — Что так рано встал?

— Вы знаете, дедушка, кто я? — спросил Йоо.

— Да вроде знаю, — ответил старик-косторез.

— А вот и не знаете, — улыбнулся Йоо. — Я — полиглот!

— Это что за зверь такой? — Куки тоже улыбнулся.

— Какой зверь? — обиженно протянул Йоо. — Это значит — знающий много языков... Вот это что такое!

— Какие же языки ты знаешь? — спросил Куки.

— Русский и чукотский! — победно сказал Йоо. — Так меня называл синоптик.

— Выходит, я трижды этот самый глот, — улыбнулся дедушка Куки. — Потому что я знаю русский, чукотский и эскимосский... А, Йоо?

УЧИТЕЛЯ

Йоо, Пины и Игорь Михайлов осторожно шли следом за синоптиком Михайловым, отцом Игоря, и слушали его.

— Вот этот прибор измеряет солнечную радиацию, — Михайлов остановился, подумал и сказал понятными словами: — Измеряет силу солнечного света.

Прибор представлял собой круглый, красивый стеклянный шар, внутри которого светилась радуга. Солнечный зайчик прожигал бумажную ленту, оставляя на ней свой след. На ленте были нанесены цифры.

Михайлов показал разные термометры — для измерения температуры земли, снега и воздуха.

И еще были какие-то совсем непонятные приборы.

— А когда будете пускать воздушный шар? — вежливо спросил Йоо.

Он собственно для этого и пришел. Ему только издали доводилось видеть, как в небо взлетает резиновый воздушный шар, а внизу, на

длинной веревке болтается маленький серебристый ящик.

— Полетел! Полетел! — кричали ребята, и Йоо смотрел за улетающим шариком, пока он не исчезал в синеве неба.

— В два часа, — сказал Михайлов и взглянул на ручные часы.

Ровно в два часа ребята подошли к павильону, где стояли баллоны с газом. Помощник Михайлова уже надул шар, и он покачивался в загородке. На столике стоял серебристый ящик.

— Этот ящик по радио нам расскажет, что там наверху — какая температура, влажность и какой ветер, — сказал Михайлов.

Помощник взял одной рукой ящик, другой шар.

Синоптик Михайлов надел наушники.

Помощник вышел из загородки и побежал вслед за ветром к лагуне.

Вот шар вырвался из его рук, потянул за собой серебристый ящик и взмыл в небо, быстро уменьшаясь в размерах. Он летел над лагуной, уносимый северным ветром, забирался все выше и выше.

Михайлов сидел, сосредоточенный, глаза его смотрели как-то внутрь себя. Он слушал слабый писк серебристого ящика и быстро записывал в блокнот цифры.

Ребята не мешали ему. Они только наблюдали за ним, и Йоо понимал, что синоптик словно сам летит на стремительно поднимающемся воздушном шаре. Вот почему его глаза как бы отсутствовали здесь, в павильоне.

Вот Михайлов снял наушники и улыбнулся ребятам.

— Ну что, полиглоты?

— Как ты их назвал, папа? — спросил Игорь.

— Полиглоты, — повторил Михайлов. — Так называют людей, которые знают несколько языков. Твои друзья говорят и по-русски, и по-чукотски, поэтому они и полиглоты.

Игорь с завистью посмотрел на Йоо и Пины.

— Поучили бы меня, — попросил он.

— А что, ребята? — весело сказал Михайлов. — Почему бы вам Игоря не научить чукотскому языку?

— А разве мы можем? — с сомнением сказал Пины.

— Раз вы говорите по-чукотски, значит, можете, — уверенно ответил Михайлов.

Пины посмотрел на Йоо и сказал:

— И Йоо тоже грамотный.

— Ну вот видите! — обрадованно сказал Михайлов. — За дело, ребята!

Однако первый урок Йоо и Пины дали Игорю только на следующий день.

Сначала долго спорили: как начинать. Пины говорил — надо с грамоты. А Йоо возражал:

— Ты начал учиться грамоте, уже говоря по-чукотски и по-русски, а Игорь чукотского не знает. Как же неговорящего можно учить? Оттого и в школу идут не сразу, как родятся, а тогда, когда научатся говорить.

Пины для вида немного поупрямился, а потом согласился.

Еще издали завидя Игоря, ребята начали кричать ему:

— Етти! Етти!

— Что эти? Кто эти? — удивленно спросил Игорь.

— «Етти» — это по-чукотски «здравствуй», — пояснил Йоо. — Мы тебя начали учить.

— А-а, — сказал Игорь. — Тогда «етти».

Потом ребята показали ему море и сказали: «Анкы». Указали на лагуну — «кынманкы». Пины пальцем тыкал в Игоря и громко произносил:

— Леут — голова! Лылет — глаза! Йыкыргын — рот!

Игорь едва поспевал за ним, пока не взмолился:

— Подожди, Пины, я запутался! Я даже забыл, как надо здороваться!

— Етти! — подсказал Йоо.

На следующий день Игорь мог вспомнить только «етти» — «здравствуй» и «леут» — «голова».

Все остальное он начисто позабыл.

— Стараться надо, — наставительно сказал Пины.

— А я старался, — возразил Игорь. — Весь вечер бормотал, даже долго не мог заснуть.

Пины снова поставил перед собой Игоря и начал учить.

Бедный Игорь качался от каждого тычка учителя и громко повторял за ним слова.

— Плукыт — торбаза!

— А у него не торбаза — ботинки, — заметил Йоо.

Пины остановился, поглядел на ноги Игоря и пробормотал:

— А верно — не торбаза...

А потом вдруг крикнул:

— Патинкат!

— Ботинки! — повторил Игорь.

— Не ботинки, а патинкат! — строго повторил Пины. — Говори за мной — патинкат!

— Так это то же самое, что ботинки, — попытался вмешаться Йоо, но Пины сердито оглянулся на него и сказал: — Не мешай.

Прошла неделя, а Игорь все не говорил по-чукотски. Вот только научился здороваться.

— Может быть, мы не так его учим? — с сомнением сказал Йоо.

Пины поморгал. Он всегда часто-часто моргал, когда задумывался.

— Давайте просто играть, — предложил он. — Будем говорить по-чукотски, а Игорь пусть старается нас понимать.

— Давай лучше сделаем каникулы, — сказал Йоо, почему-то уставший больше всех от уроков чукотского языка.

А в душе он был уверен, что они не так, как надо, учат Игоря.

Правда, скоро ему приснилось, как он учил всех русских, живущих в Нымныме. Он стоял у доски, у которой обычно стояла учительница Людмила Ивановна Айнана, и громко, почему-то голосом Пины выкрикивал:

— Леут — голова! Итын — шея! Патинкат — ботинки!

— Ботинки! — упрямо повторял за ним синоптик Михайлов.

За завтраком, вспоминая сон, Йоо задумчиво сказал:

— А знаешь, мама, наверное, очень трудно быть учителем...

МУЗЫКА

Вельботы уходили в море. Вдали от берега они поднимали паруса, словно белые огромные крылья.

Охотники сидели в непромокаемых плащах и смотрели вперед.

Йоо тоже смотрел вдаль. На белые вельботы.

В груди было прохладно и пусто. Как ему хотелось оказаться там, на чисто вымытых сидениях в вельботе, слушать музыку ветра в тугом парусе!

Почему это так: на берегу моря всегда хочется уехать далеко-далеко? Вот за те скалистые мысы. Услышать вблизи шум птичьего базара, песни волны, глубокое дыхание моря...

Отец давно обещал его взять с собой на морскую охоту. Раз обещал — обязательно возьмет. Но когда?

Вот вельботы уже стали такими маленькими, как чайки. Они были на той самой линии, где небо сходилась с морем. Эта линия звала и пугала одновременно. Что там? Может, это то самое место, где можно рукой дотронуться до неба, увидеть вблизи звезду и оказаться рядом с огненным диском солнца, когда оно погружается в прохладные морские волны, чтобы отдохнуть от долгого дневного пути по высокому небу?

Все впереди. И морская охота, и путешествие в Москву, и познание всего, что пока так непонятно...

Йоо медленно поднимался к селению. Он шел в сторону от домов, чтобы сохранить подольше в памяти далекую музыку наполненного ветром паруса.

За высоким берегом вырастали радиомачты полярной станции, дома, научные лаборатории.

Йоо шел мимо метеорологической площадки. Синоптик Михайлов стоял на лесенке и заглядывал в будку — смотрел на приборы.

Возле радиостанции Йоо остановился.

Из раскрытой форточки слышалась музыка. Йоо узнал эти звуки. Они шли из инструмента, который назывался пианино. Такое пианино стояло в сельском клубе на сцене и запиралось на маленький ключик, который сторож держал в кисете с табаком.

Когда открывали крышку пианино, Йоо каждый раз казалось, что огромный неведомый зверь разевает чудную пасть с черными и белыми зубами.

Но звуки были красивые, густые, сочные. Они казались Йоо разноцветными каплями цветной жидкости, падающими на что-то упругое.

Из всех жителей селения только один Акан, художественный руководитель клуба, умел играть на пианино. Но он больше любил играть на баяне.

Все услышанные звуки Йоо запоминал. И потом вдруг, неожиданно, в памяти возникала музыка. Особенно это часто случалось в тишине тундры или на берегу моря. Будто музыка до поры до времени хранилась в каком-то особом сосуде внутри Йоо. И тогда было сладко-радостно, глаза видели далеко, а сам Йоо в эти минуты словно вырастал.

Йоо мог вот так долго стоять на месте и слушать музыку: возле радиостанции, у какого-нибудь дома, под окнами сельского клуба, когда там шли репетиции. Что-то теплое возникало в самой глубине тела, поднималось к голове, опускалось к ногам. И словно приближалось пока еще неясное, но непременно прекрасное.

Дома Йоо крутил ручки маленького приемника «Спидола» и ловил музыкальные передачи. Иногда удавалось поймать звуки знакомого инструмента, и тогда мальчик замирал, охваченный непонятным для себя волнением.

«Любит музыку», — говорила мама, и отец молча соглашался с ней.

К вечернему часу Йоо спускался к берегу и ждал, когда вдали, на стыке воды и неба, который назывался по-русски красивым, звучным словом — горизонт, покажутся возвращающиеся вельботы.

Он пристально всматривался в море и иногда принимал за паруса чаек: вельботы часто возвращались под парусами, под музыку ветра и волн. Йоо еще издали видел отца. Он знал его место на вельботе — у мотора.

На этот раз Йоо вместо парусов увидел вдали большой пароход. Это было удачей — первому увидеть пароход.

— Пароход! — закричал Йоо. — Пароход!

У магазина на высоком крыльце стоял старик-косторез Куки и смотрел в большой бинокль на приближающийся пароход.

— Я первым увидел его! — гордо сказал Йоо.

— Раз ты первым увидел пароход — тогда смотри!

Куки протянул бинокль. Это было неслыханно — редко кому старик доверял свой бинокль.

Пароход сразу оказался так близко, что Йоо даже испугался: вдруг он вылезет на берег? Он отнял от глаз бинокль, но пароход по-прежнему был далеко от берега и ему ничего не грозило.

На улице сразу же стало оживленно.

Все ждали пароход.

И вот он уже ближе, можно различить белые надстройки — многоэтажный дом на палубе.

Пароход медленно приблизился к берегу, и уже без бинокля Йоо увидел, как в воду ушел большой якорь. И еще заметил он на носу маленьких человечков.

Начинало темнеть. На пароходе зажглись огни, и вдруг до слуха Йоо донеслась музыка. Кто-то играл на пианино, и ясные, чистые звуки доносились до берега, смешиваясь со звонким плеском морских волн.

Глаза уже слипались, а Йоо все не уходил с берега, слушая чудную музыку корабля.

Его поднял отец и понес домой, и Йоо казалось, что он сам стал большим пароходом или парусным вельботом — это на своих крыльях несли его музыка.

Пароход стоял три дня и три ночи.

И каждый раз, когда на море опускался короткий летний сумрак, на корабле зажигались огни и оттуда звучала музыка.

Йоо уединялся на берегу, чуть в стороне от угольной кучи, и слушал.

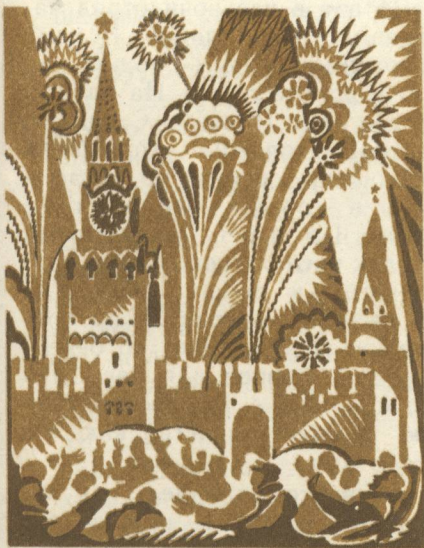
Слушал и мечтал о том времени, когда отец возьмет его на морскую охоту, о том, как он сядет вот на такой сверкающий огнями большой пароход и отправится к стыку неба и моря, и рукой дотронется до горячей звезды... А потом поедет в далекую Москву. Он пойдет на Красную площадь, к Мавзолею Ленина, который он видел на картинках в учебниках.

И только отсюда он пойдет дальше, туда, где знающие люди научат его всему тому, что знают сами.

Однажды утром, спустившись на берег, Йоо не увидел парохода. Он ушел ночью, и от этого море казалось ужасно пустынным. Охотники снаряжали вельботы, торопились на промысел.

Подняв белые паруса, похожие на крылья огромных чаек, вельботы уходили к стыку моря и неба, и, глядя на них, Йоо слышал чудесную музыку, которую оставил ему на память сверкающий огнями пароход.

9 мая 1945 года

Уже развевалось над рейхстагом Знамя Победы.

Уже сдались на милость победителям остатки фашистских войск в Берлине.

Все знали, что этот день близок, совсем рядом.

Весна была солнечная, яркая. Пробилась молодая травка, распустились первые цветы.

В минуты затишья советские солдаты брали в руки мягкую теплую землю и вспоминались им родные деревни, пашни, леса, дети да жены.

Только не у всех были теперь дети и жены, родные дома.

Фашистские орды страшным огненным смерчем прошли по нашей земле. Погибли миллионы мужчин, женщин, детей.

Где-нибудь за Уралом, в глубоким советском тылу, куда не долетали вражеские самолеты, учительница просила класс:

— Встаньте те, у кого отцы воюют на фронте.

И вставала половина класса.

— А теперь, — просила учительница, — у кого отцы на фронте героически погибли.

И, опустив головы, вставала другая половина класса.

— Скоро, очень скоро мы победим, — говорила учительница.

В победе были уверены все.

В самые страшные, черные дни, когда фашистские солдаты разрушали наши города, грабили нашу землю, советские люди говорили о победе.

Фашистские офицеры вешали в подмосковной деревне истерзанную девушку-партизанку, но она, растянув руками

петлю, говорила о победе.

В концентрационном лагере погибал советский воин, поэт, но перед смертью он писал стихи о победе.

Мальчишки стояли у станков по 12 часов и писали на снарядах, которые они делали: «Мы победим».

И наступила весна. В эту весну фашистские танки уже не терзали советскую землю.

В эту весну советские воины освобождали от рабства народы Европы.

День, о котором мечтали, за который боролись, был близок, совсем рядом. И, наконец, он настал.

Вечером 8 мая в пригороде Берлина, в местечке Карлсхорст, когда-то brave, а теперь понурые гитлеровские генералы подписали Акт о капитуляции всей фашистской Германии.

А рано утром 9 мая сообщило о Победе советское радио.

И во всем мире люди вышли на улицы. Они смеялись, вытирали радостные слезы и, совсем незнакомые друг другу, обнимались, как близкие родственники. В эти часы все города нашей страны были одинаковы. Потому что на улицы наших городов и сел пришел Праздник Победы.

РЕБЯТА ИЗ ЛОПУХИНКИ

В. ВЕРХОВСКИЙ

Было уже темно, и в школе давно никого не было. А я все сидел в пионерской комнате и никак не мог оторваться от папки красного цвета.

Это была самая обыкновенная канцелярская папка, в которой лежали удивительные документы первых лет революции. И я держал их в руках и читал, эти пожелтевшие от времени листочки, не веря, что я их держу в руках и читаю.

Документов было много, и все они рассказывали об одном: как жили в Лопухинке первые коммунисты и комсомольцы.

И я спросил пионервожатую Галину Аркадьевну, как следопыты нашли все это, ведь прошло почти шесть десятилетий.

— С этими следопытами, — сказала вожатая, — я вас могу познакомить. — И, посмотрев на часы, добавила. — Вы можете их увидеть даже сейчас.

И мы пошли по длинному школьному коридору, остановились перед закрытой дверью спортивного зала. Из-за двери до меня донеслись какие-то всхлипы, какие-то непонятные шлепки и удары и чье-то прерывистое дыхание.

Вожатая улыбнулась:

— Слышите? Они занимают самбо.

— Кто занимается?

— Да вот эти ребята, которых вы хотите увидеть. Знаете, это необычные следопыты. Они еще и тимуровцы, и зарничники... И вообще не могут жить без приключений. Не верите?

Но тут из спортивного зала высыпали ребята, мы разговорились, и я понял, что вожатая права.

МИША ВАЛИУЛЛОВ. — У нас есть своя военная тайна, свой штаб, там хранится наше оружие, печать и оперативные карты. И еще есть флаг, где на красном полотнище — силуэт буденовки.

В отряде нас двадцать четыре человека — мальчишки с пятого по восьмой класс.

А командиром сначала был Толик Малахов, а теперь Андрей Пилякин. Толик в прошлом году уехал учиться в мореходное училище. И все наши приключения начались еще при нем. Однажды летом, на утренней поверке, Толик сказал: «Все вы хорошо знаете Анну Ивановну Герасимову, которая уже много лет работает библиотекарем в Доме культуры. Анна Ивановна купила дрова, но сама не может их расколоть, а сын ее служит в армии.

Для обеспечения трудового десанта приказываю: сегодня к 21.00 отделению разведчиков выяснить пути скрытого подхода к дому Герасимовых, определить объем работы и наметить район патрулирования.

Ответственность за обеспечение операции возложить на

Валиуллова, Стоппеля, Черкашина».

И вот в час ночи отряд направился на задание. К дому Герасимовых мы пошли не по дороге, а лесом. На опушке встретили Вовку Стоппеля, который доложил, что у Анны Ивановны свет давно погас и что в соседних домах тоже спят. По совету разведчиков Толик послал трех патрульных: одного — к дороге, второго — к лесу, а третьего — на тропинку, которая идет по берегу пруда. Главное для нас было одно — никто из посторонних не должен увидеть, как мы работаем.

И никто не видел, как мы начали работать и уже все сделали. Но тут произошло непонятное. Возле дома появилась Анна Ивановна и стала кричать: «Помогите!»

Мы испугались и прямо через кусты и заборы бросились к лесу... Мы бежали и ничего не понимали. Как Анна Ивановна очутилась на улице? Почему не заметили, как она выходила из дома? А если она шла к дому, почему ее не заметили патрульные?

Добежав до леса, стали

ждать Галину Аркадьевну, думая, что она отстала. Но оказалось, что Галина Аркадьевна и не думала бежать. Она подошла к Анне Ивановне и попросила успокоиться. Увидев ее, та страшно удивилась, а узнав, в чем дело, сказала: «Передай ребятам, что я ничего не видела и, чтобы вам не мешать, опять пойду в баню».

И действительно, ушла в баню, а мы вернулись и закончили работу.

ВИТЯ ГАВРИКОВ. — А второе наше приключение было еще интересней. Это было, когда директор школы попросила нас выяснить, кто из ребят по ночам лазает на юннатский участок.

Мы старались предусмотреть все. Первым делом распустили слух, что ночью уходим в поход. И все видели, как мы ушли в поход, а как вернулись в деревню и проникли в свой штаб, не видела ни одна живая душа.

Почему мы решили спрятаться в штабе? От штаба до школьного сада совсем близко. И пока одна пятерка дежурит в саду, остальные могли отдыхать. Дежурить пришлось до самого утра. И мы думали, что никто уже не придет, как вдруг услышали шаги. Даже не проверив, закрыта садовая калитка или нет, неизвестные направились к тому самому месту, где доски в заборе держались на одних верхних гвоздях и легко раздвигались.

Когда они залезли в сад, мы увидели, что перед нами трое взрослых парней. Двое стали рвать гладиолусы, а третий ходил по дорожке и все время оглядывался.

Отряд на задании...

Документы и фотографии из архива К. Клауса

*Протокол
общего собрания Мецишской Волостной организации
Российской Коммунистической Партии (Большевиков)
19 Января 1926 года
Присутствовали: Постанен К. Клаус, Н. Втрожженков,
Н. Милберг, А. Клаус, А. Соловьев, А. Саркис, Иванов.
Почетное Бюро Мецишской организации РСФСР.
Председатель собрания — Н. Милберг, секретарь — К. Клаус*

Вот и все, что мы знали об этом человеке. И еще знали, что много лет следопыты пытались найти о нем материалы — и каждый раз их ждала неудача. Одни старожилы говорили то, что было уже известно, а другие вообще ничего не помнили.

И мы поехали в Ломоносов, в районный краеведческий музей.

Выслушав нас, директор музея покачал головой: «Материалов о Клаусе в музее нет, но вы можете встретиться с его сестрой. Могу дать ее адрес...»

Он говорит, а мы ничего не можем ответить. Оказывается, есть сестра, а мы с ней даже не встречались...

ЮРА МАЛИНОВСКИЙ. — Это была удача. И на следующий день нас отпустили с последнего урока. И мы поехали в Ленинград к Анне Александровне Клаус.

Анна Александровна рассказывала, что Карл родился в бедной крестьянской семье. Учиться ему почти не пришлось. Но в свободные минуты он усиленно занимался самообразованием и сумел сдать экзамены на звание учителя. А коммунистом стал в 17 лет. И в первый же день ему дали поручение: организовать в нашей Лопухинке первую комсомольскую ячейку. А когда в деревню ворвался белогвардейский отряд, Карл чуть не попал в плен. Прежде чем уйти из деревни, он забрал домой, чтобы забрать с собой списки комсомольцев.

Слушая Анну Александровну, мы подумали, какой молодой был Карл Клаус и сколько он успел сделать за свою короткую жизнь. И вдруг Анна Александровна говорит, что стол, за которым мы сидим, раньше принадлежал Карлу Клаусу. И он работал за этим самым столом. А когда в Лопухинку пришли белые, за этим столом сидел белогвардейский капитан, стучал по столу кулаком и спрашивал, где находится Карл.

Анна Александровна встала с дивана, подошла к столу и открыла в столе маленький ящичек.

И мы увидели, что в столе

В доме Герасимовых мы бываем часто

лежат какие-то папки и старые тетради.

— Анна Александровна, что это? — спросил Витя Гариков.

— Как что? — ответила Анна Александровна. — Личные документы Карла и документы первой комсомольской ячейки.

«...Мне 18 лет, я сын дворянина. Только случайно мне удалось окончить три класса. С детских лет до революции я зарабатывал на хлеб и было не до учения. Образование получил самостоятельно. А теперь можно учиться в институте...»

«...Мною, агентом уголовного розыска А. Тамм, проведено следствие по делу лиц, замешанных в контрреволюционных действиях против рабоче-крестьянского правительства...»

«...Рабочий класс России взял власть в свои руки и непрерывно защищает ее от посягательств русских и иностранных капиталистов. Путем мощных усилий ему удалось создать победоносную Красную Армию...»

«...Школа помещается в крестьянской избе. Учеников 78 человек, а площадь класса 8

квадратных сажен. Дети, просидевшие несколько уроков в страшной духоте и почти без движений, выходят из школы, как одурманенные».

«...Дорогой Карлуша! Спешу уведомить, что Колчак и его армия будут разбиты наголову... По всему Уралу нас встречают с красными знаменами как избавителей».

«...Срочно получить керосин и гвозди для ремонта школы, узнать насчет артистов и театра, сдать деньги и табак, собранные у крестьян для бойцов Красной Армии».

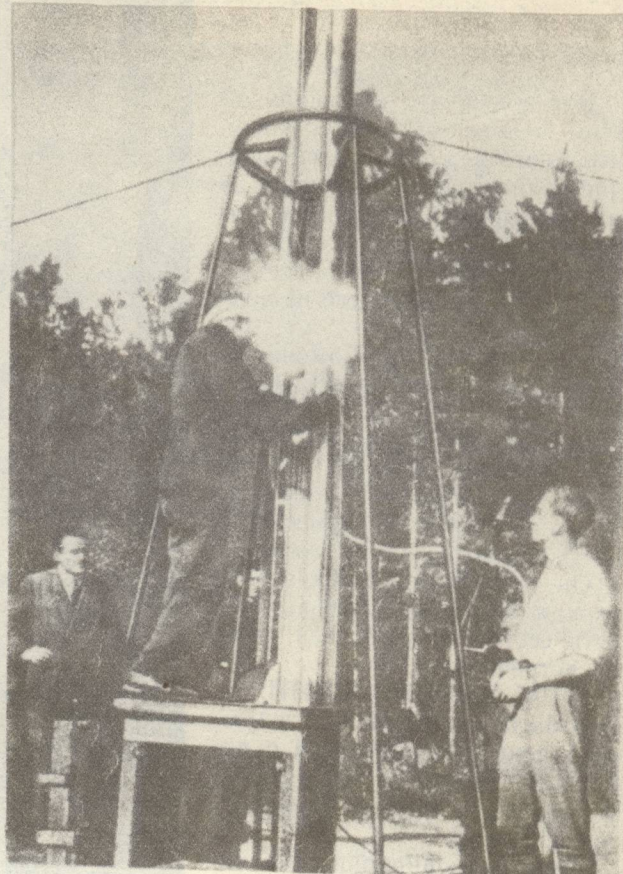
ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Совсем недавно я снова побывал в Лопухинке.

И еще в автобусе, слушая разговор пассажиров, понял: «мальчиши» продолжают свое наступление на «Зарничном», «Тимуровском» и «Следопытском» фронтах.

У знакомого штаба стоял часовой в буденовке. А рядом на высоком флагштоке летело по ветру знакомое красное полотнище...

Фото И. Колтуна

«Космонавтика имеет безграничное будущее, и ее перспективы беспредельны, как сама Вселенная».

С. П. КОРОЛЕВ

СТАРТ В БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Виктор ШУРЛЫГИН

ГОРНИСТ

Ракету Королев увидел изда- лека. В самом центре казах- станской степи густая, холод- ная ночь вдруг расступилась и яркий свет прожекторов вы- хватил ракету из темноты. За- жатая фермами обслуживания, словно строительными лесами, она недвижно застыла на стар- товом столе космодрома. В ней еще не было того вели- чия, которое приходит вместе с грохотом старта, из ее дюз еще не вырвались огненные смерчи, бросающие ослепи- тельный свет на порыжелую траву и на дорогу, ведущую к монтажно-испытательному корпусу. Но уже покрытая блестящими инея и окутанная облачком тумана — парами жидкого кислорода — ракета устремилась острым жалом в бескрайнее небо.

Оставив машину на бетонке, Королев вышел и долго испод- лобья, не поднимая головы, смотрел на вершину ракеты — туда, где закрытый белым ко- нусом обтекателя стоял ма- ленький шарик с четырьмя штырями антенны.

— Сергей Павлович, — глу- ховато, издали спросил шо- фер, — может, подбросить к стартовой, а?

— Я пройду, — сказал Королев, — надо пройти, — и, подняв воротник старого драпового пальто, медленно пошел по дороге.

— Внимание! — прямо в ли- цо Главному загудел динамик громкой связи. — Дается про- верка времени.

Все шло по графику — се- кунда в секунду. И эта точ- ность, которой жил космо- дром, и эти команды, корот- кие, как приказ, отрывистые и

лаконичные, и громкий стук клапанов, низкий вой насосов и вентиляторов, и ночь, разре- занная светом прожекторов, — каждый звук, отблеск, шорох, слившись вместе, рождали особую, нигде никогда не зву- чавшую на планете мелодию. Это была мелодия космодро- ма. Она звенела, торжественно и страстно расплескиваясь по степи, и Королев не уловил в ней ни одной фальшивой ноты.

— Объявляется часовая готовность, — холодно и без- душно снова заговорил дина- мик. — Часовая готовность!..

И почти тотчас мелодия на- рушилась: странный, незнако- мый звук прорезал шум стар- товых механизмов и медью поплыл куда-то ввысь. Королев вздрогнул, и шальная мысль, что где-нибудь вылез непред- виденный «боб», как называют ракетчики неожиданно обна-

руженную неисправность, отдалась в нем нестерпимым сердцебиением и болью.

Такую боль он почувствовал впервые, кажется, в августе 1933-го. Тогда в Москве, в подвале на Садово-Спасской закончились на короткое время их бессонные ночи, и гирдовцы*, завернув в бумагу первую ракету страны, везли ее в трамвае за город, на испытания. В удачу почти никто не верил, объект «09» довели третий месяц — и все без толку. Но чем больше преследовали неудачи, тем настойчивее Королев требовал новых испытаний — только в реальном полете можно проверить правильность расчетов.

Они приехали в Нахабино в полдень, до вечера проверяли каждый болтик, каждую гаечку, возились с клапаном, уже на закате заправили «девятку» топливом, установили в пусковой станок. Все отошли в укрытие, Победоносцев с Матысиком, обдирая руки, полезли на большую ель, чтобы следить за полетом с высоты. У «объекта 09» остались только Сергей Королев и Коля Ефремов. Слегка приподнявшись на носках, они следили за шкалой плохонького манометра. Давление в кислородном баке поднималось. Пять атмосфер... Семь... Де-

вятать... Одиннадцать... Тринадцать... Стрелка еще чуть-чуть дрогнула, и послышалось резкое шипение — отказал редукционный клапан. Где-то там, внутри образовался ледяной нарост, пружина уже не прижимала тарелочку клапана плотно к отверстию, и кислород стравливался, уходил в воздух.

— Давление больше не поднимать, — сказал Ефремов. — Давай на пониженном.

Королев смотрел, как парит белое облачко жидкого кислорода, краем глаза видел ждущих на елке Победоносцева и Матысика, думал.

— Хорошо, — кивнул наконец начальник ГИРДа. — Будем запускать.

...Тонкая струя пламени вырвалась из ракеты, ударила в основание стартового стола, и «девятка» медленно-медленно поползла вверх. Они впились глазами в свое родное и близкое двухметровое веретено, словно стараясь силой взглядов подтолкнуть ракету.

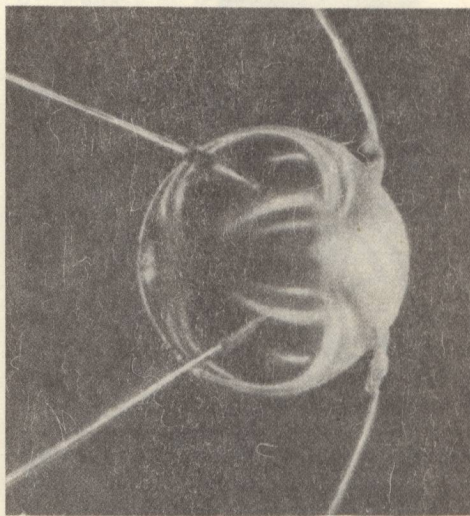
Но где-то на высоте 400—500 метров ракета качнулась, завалилась набок и пошла по кривой в соседний лес. Когда она скрылась за деревьями, все бросились прыгать, мутузить друг друга, целовать, что-то кричать и хохотать. Победоносцев с Матысиком что-то тоже кричали со своей елки, и Матысик на радостях свалился на землю, чуть не сломав ногу...

Может быть, с того августа

33-го и появилась у Главного эта привычка — приходить поздно ночью в цех, брать табурет и долго сидеть и о чем-то думать, глядя на стапеля, где лежала громада носителя, чем-то очень далеким напоминающая «девятку».

Так безмолвно он сидел иногда до рассвета. И никто не беспокоил Главного, и не спрашивал о причине его поздних визитов. Одни считали, что Королев напряженно «прокачивает» в эти минуты всю конструкцию, другие утверждали, будто он «заряжается».

Несомненно все знали только одно: Королев чувствует ракету. В первых набросках, в эскизах. В тонких линиях чертежей. Воплощенную в металле. Уже состыкованную и готовую к транспортировке. Застывшую в ожидании старта... И если на космодроме щелчки

*Энтузиасты ГИРДа — группы изучения реактивного движения. Одним из организаторов этого коллектива где создавались первые экспериментальные ракеты, был С. П. Королев

магнитных пускателей вдруг изменяли тон, иначе начинали стучать команд-аппараты или завывать насосы, Королев сразу замечал фальшивые ноты в знакомой мелодии — не нужно никаких приборов.

Его реакция на обнаруженный «боб» была различной. Случалось, Главный издали наблюдал, как специалисты отыскивают неисправность, иногда сердился, иногда незаметно уходил, стараясь ни во что не вмешиваться — это только нервирует людей. И уж никогда не бросался ошалело к ракете, как бросился сейчас, услышав незнакомые, отливающие медью звуки, идущие от подножья носителя.

Но он напрасно пробежал полсотни метров, и понял это еще до того, как все увидел. Станные звуки, плывущие в ночи над космодромом, исходили не от ракеты и не от стартовых механизмов.

Мальчишка — откуда он только здесь появился? — подняв к звездам горн, упоенно и страстно выводил свою

мелодию. Свет прожектора падал на его лицо, оно казалось бледным, отблески огня переливались на инструменте, и люди на стартовой оборачивались и, может быть, только теперь начинали понимать всю торжественность и важность предстоящего мгновения.

Сигнал горниста возвещал о начале новой, космической эры.

...Что-то невероятное случилось с миром!

Сразу после захода солнца люди выходили на улицы, смотрели на небо, ожидая, когда среди звезд появится быстрая мерцающая точка — русский спутник. Улицы были разноцветными, разноязычными, и казалось, что во всех странах наступил праздник.

Вся планета в волнении слушала радио. Голос из Вселенной весело повторял: «Бип-бип-бип». Космос перестал быть немым.

С газетных полос улыбалось простое чудо XX столетия — поблескивающий полировкой шарик. Фотографию выре-

зали, рассматривали через увеличительное стекло, изучали. Жгучее, ни с чем не сравнимое любопытство проснулось в людях.

Люди впервые почувствовали себя землянами. Космонавтика стала реальностью. Это просто не укладывалось в сознании. Не верилось, что мощность двигателей ракеты-носителя соизмерима с мощностью русского Днепрогэса, а «бип-бип» весит целых 83,6 килограмма.

— Летит! Летит! — кричала Земля, когда звездочка появлялась на небосклоне.

Все взоры устремились в те дни к небу и к России. «Москва», «спутник», «русские» — три слова не сходили с уст в 1957-м. Не хватало только среди этих хороших слов фамилии Королева — в ту пору он, как и его товарищи, был безымянным. Просто русским Главным. И его поздравляла не вся планета, а всего несколько человек — самые близкие, от имени всего Человечества.

12 АПРЕЛЯ 1961 года

Возможно, через несколько десятков лет люди построят космические города, космические поселки и даже космические деревни. Люди станут подолгу жить в космосе, но все они будут помнить тот день, имя того человека, который первым в истории Земли стал называться космонавтом.

О космических полетах в прежние века фантазировали только писатели: Сирано де Бержерак, Жюль Верн.

Ученые даже не мечтали о космосе.

Потом появился Циолковский — первый ученый, который заговорил про космос всерьез.

Тысячи талантливых исследователей, инженеров, самые умелые рабочие должны были объединить свой труд, чтобы построить могучие ракеты,

уносящие корабли в неведомый неземной простор.

Лишь небольшая группа знала точно о дне первого космонавта. Эти люди могли назвать месяц, число.

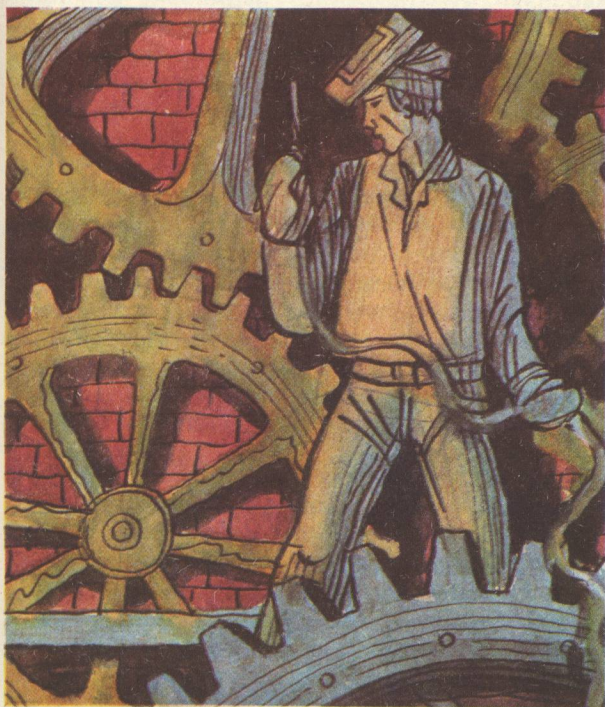
Уже в специальных космических платьях слетали собаки Белка и Стрелка, а вместе с ними — сорок мышей, две крысы, насекомые и растения. Такими были первые «космонавты»...

Уже слетал в кабине космического корабля манекен «Иван Иванович». Это была копия человека, и даже голос ему дали изобретатели — весь полет Иван Иванович пел песни хора имени Пятницкого.

В ночь с 11 на 12 апреля 1961 года специалисты, руководившие первым полетом человека, не спали.

В 3 часа начались заключительные проверки систем.

МОИ ДРУЗЬЯ—РАБОЧИЕ

Рисунки Г. Ясинского

ЧЕЛОВЕК НА СПАСКОЙ БАШНЕ

Легендарным сварщиком называют Александра Гавриловича Назарова. Про него даже академик сказал: «То, чего не может сделать никто, сделает Назаров».

Сказано это было после того, как Назаров раскрыл академику всякие свои рабочие хитрости. Например, как чугун сваривать холодным способом. До Назарова эту премудрость не знал ни один человек на всем белом свете. Даже академик.

Про этого сварщика рассказывают, что он чинил часы, ползая с электродом прямо внутри тикающего механизма.

Каждый знает, все часы на планете хоть изредка да останавливаются. Добавим — все, но только не Кремлевские куранты.

Знаменитый циферблат на остроконечной Спасской башне знает весь мир. По этим стрелкам, можно сказать, сверяет время сама история. А мелодичный перезвон курантов!.. Два раза в сутки мы слышим его по радио — это сигнал к началу и окончанию дня нашей страны. Нет, не могут, не имеют права такие часы останавливаться!

В 5 утра должен был про-
снуться Юрий Гагарин.

В больших городах и ма-
леньких деревнях люди спали
спокойно — наступал обычный
весенний день. Те, кому сни-
лись приятные сны, тихо улы-
бались. Кто-то хмурился, отго-
няя ненужное ночное видение.

К председателю Государ-
ственной комиссии подошел
молодой человек, лицо кото-
рого скоро станет известно
всей Земле, и доложил:

— Летчик-космонавт стар-
ший лейтенант Гагарин к поле-
ту на первом в мире космиче-
ском корабле-спутнике «Во-
сток» готов!

А еще через несколько ча-
сов создатель космических
ракет Сергей Павлович Коро-
лев командует:

— Подъем!

И сквозь рев огненных двига-
телей услышит в ответ:

— Поехали!.. Все проходит
нормально, самочувствие хоро-
шее, настроение бодрое, все
нормально.

Впервые сын Земли смотрел
на свою родную планету со
стороны. А люди разных мате-
риков поднимали голову к не-
бу, пытались увидеть маленькую
точку — советский космиче-
ский корабль.

Это был праздник, возник-
ший неожиданно, мгновенно.

Люди, едва услышав по ра-
дио сообщения о полете совет-
ского человека Юрия Гагарина,
быстро писали на листах бума-
ги лозунги и выходили на пло-
ща-
дях, чтобы вместе радоваться,
поздравлять друг друга.

В 10 часов 55 минут утра у
деревни Смеловка недалеко
от Саратова корабль Юрия
Гагарина совершил посадку.

«Была весна. Мы писали

контрольную по математике.
Вдруг репродуктор торжест-
венно объявил: «Впервые в
мире в космосе гражданин
Советского Союза...»

Человек в космосе! Сердце
мое колотилось, я смотрел не
отрываясь на розовую коробку
динамика, а со лба моего капал
пот.

Неделю я ходил радостно
взбудораженный, потом успо-
коился. Для себя решил окон-
чательно: я полечу. Это не по-
рыв фантазера. Я готовлюсь
к этому, учусь. Просто я от-
лично понял, по первым шагам
в космосе, — еще дальше по-
летим мы».

Это письмо писал обычный
школьник, и писем таких были
в те дни тысячи.

Английский ученый Уильям
Хилтон сказал еще короче: в
этот день «вся солнечная сис-
тема оказалась у ног России».

«И все-таки их нужно чинить, — сказали механики после очередного осмотра. — В чугунных деталях трещины. Да и зубья шестерен поистерлись».

Починку требовалось провести, не останавливая часов. Собрали группу ученых. Но те только руками развели.

— Ученый этого сделать не может, — заявил в конце концов руководитель группы. — Это может сделать только один человек — Назаров. Он простой рабочий, но он обладает интуицией. Он сварит трещины. И зубья нарастит.

...Дул ноябрьский пронизывающий ветер. Но осматривать механизм Назарову пришлось без пиджака. Да и как иначе: слишком узки проходы между вертящимися шестеренками. Долго здесь быть Назаров не собирался. Ведь часы он чинить не умеет, но посмотреть — посмотрит.

А дальше было вот что: увидел Александр Гаврилович изношенный механизм и попросил вверх рабочий инструмент. Не выдержало его рабочее сердце!

Пол? Потолок? Их не было. Были только страшные шестерни, поскрипывающие со всех сторон. Добро бы, только шестерни! Куранты Кремля выбивают свою красивую мелодию на колоколах. Самый маленький «колокольчик» — это сорок пудов чистого веса. Каждые четверть часа сварщик должен был карабкаться

в глубь механизма. Зазеваешься — угодишь под громадные била.

И еще мешал холод. Спасская башняверху не отапливается, в ней без помехи гудят сквозняки. А Александр Гаврилович как пришел сюда, так и остался на весь месяц в рубашке, другая одежда сковывала бы его движения в джунглях осей и шестеренок...

Он выполнил свою работу? Да. Каждую трещинку, каждый зуб заварил особым, назаровским швом, не знаящим ни старения, ни износа. Но что же тут необыкновенного? — спросите вы. А то, что слух о таинственном сварщике, чуть ли не круглосуточно сидящем в кремлевских часах, по столице быстро распространился. По вечерам на Красной площади собиралась изумленная публика, привлеченная яркими сполохами в окнах башни. И сварщику доставались аплодисменты.

ПОДУШКА НА СТАНКЕ

У каждого фронтовика осталась какая-нибудь память с времен войны. Для одного это стрелянный патрон, для другого — фотография. А для ленинградского станочника Юрия Дмитриевича Баштина памятью о былых сражениях стала... подушка.

Вот она лежит у него на станке — круглая, мягкая, задумчивая. Кстати, наши бабушки до сих пор такие подушечки зовут думками. Наверно, потому, что очень хорошо, положив на нее голову, немного подумать, перед тем как сладко заснуть.

Но рабочий Юрий Баштин ни разу той подушкой головой не коснулся.

История эта началась в тяжелом 42-м году.

Деревню недалеко от Новгорода, где жили Юра с бабушкой, заняли фашисты. Юре тогда было двенадцать лет. Много это или мало? «Очень мало», — вздыхал Юра.

Первым делом гитлеровцы увели у бабушки корову. Потом сожгли дом. Юра вместе с бабушкой перебрался в землянку. Враг навещал и туда. Фрицы заложили мину под самой дверью землянки. Первой на нее наступила бабушка...

«Мне двенадцать, но я уже взрослый. Могу бить фашистов!» — решительно сказал себе подросток. И вышел через лес на линию фронта — к своим. Очутился в расположении советской воинской части. Юру приняли сыном полка. Он хотел мстить пришельцам за бабушку, за деревню и очень просил наших бойцов помочь ему в этом.

Тут-то и появилась подушка. Вернее, небольшая и очень удобная подушечка. Возможно, вы такую даже видели. Стрелки-снайперы на соревнованиях подкладывают такие себе под локоть, чтоб не дрогнула рука. Чтоб пуля была в «яблочко»!

Много дней и недель учился Юра стрелять. И наконец... «Удивительно точный глаз!» — похвалил его командир на учебных стрельбах. А вскоре в первом настоящем бою под горо-

дом Ковалевом Юрий Баштин записал на свой счет и первого гитлеровца. Командование вынесло юному снайперу благодарность.

Последний раз он выстрелил в побежденном Берлине, в воздух, за нашу Победу.

На Родину в 1946 году возвратился не мальчик — защитник. Он был три раза ранен, дважды лежал в госпитале. Грудь ефрейтора Юрия Баштина украшали боевые медали.

Сын полка стал сыном завода. А подушечка? Юрию она пригодилась для работы. Своей профессией паренек избрал заточку инструмента. А тут ох какая точность нужна!

Заточник выглядит, как снайпер. Он берет затупившееся сверло или, скажем, резец и нацеливает их на бешено крутящийся точильный круг. Чуть шевельнись, дай себе секундную передышку — работа, считай, пошла на смарку. Дорогую вещь выбросишь и товарищей подведешь.

На рабочем месте Юрия Дмитриевича Баштина часто посещают гости. Спрашивают, как ему удастся многие годы подряд удерживать звание лучшего заточника Ленинграда. Выслушивают его долгий рассказ о приемах, приспособлениях. А потом, затаив дыхание, смотрят, как Баштин включает станок, берет инструмент и замирает, положив под локоть подушку.

МЕДАЛЬ ЗА ВЫДУМКУ

Александр Михайлович Иванов, мастер из ленинградского профтехучилища, однажды дал ребятам задачу на смекалку. Попробуйте ее решить и вы.

Положим, вы сидите в классе. Все окна плотно закрыты. Как вымыть их, не высовываясь наружу?

Вот и вся задача. Сами видите, условия не такие уж сложные. Однако ребята, выслушав их, тотчас притихли. И пока класс сосредоточенно молчал, мастер Иванов прочел им лекцию.

«Работа, которая никогда не кончается» — так на заводах именуют нелегкий труд мойщика окон. Вниз-вверх, вверх-вниз вдоль прочных переплетов. И так каждый день. Не успевает он домыть последний ряд стекол, как на первом уже копать и пыль.

Подсчитано, сто товарных составов с углем по сто вагонов в каждом потребляют ежегодно наши электростанции для производства «лишнего» света. То есть, когда люди сидят днем с огнем. Свои цифры называют врачи. «Достаточно пустить в цех сноп дневного света, — говорят они, — работа пойдет веселее. Девять рабочих станут справляться за десятых!»

Закопченные окна — мировая проблема. Она нигде не решена. Тряпка да швабра — разве это решение? Разозлятся иной раз люди и выбьют в окна все стекла. Вставят чистенькие. Но... и эти уже через два месяца требуют мытья.

Стекла, поворачивающиеся вокруг оси? Было. Делают такие в Америке. Человек без

риска может помыть обе стороны стекла, не выходя из помещения. Можно еще защищать стекло синтетической пленкой. Пленка запылилась, ее можно убрать, заменить новой. Впрочем, и то, и другое — не решения, а только их половинки.

Много ответов дало в тот день классное конструкторское бюро. Решения сыпались и на другой день, и на третий. Предложения были самыми разнообразными. И один вариант, над которым смеялись не меньше, чем над другими, мастеру Иванову понравился. Идею решили тут же опробовать.

Представьте: по стеклу бежит влажная губка с магнитом. А управляет ею человек другим магнитом со стороны помещения.

— Но губку ведь надо намыливать, смачивать, — возразил мастер.

— Конечно, — сказали ребята. Для этого мы к губке прикрепим шланг. И по нему будем подавать мыльную воду...

И что вы думаете? Предложение ребят вскоре было осуществлено на одном ленинградском заводе. Авторы идеи Виктор Богданов и Костя Филиппов получили на руки удостоверения рационализаторов. Такие книжечки есть в этом училище уже у многих ребят. Но Виктор и Костя всех превзошли. Их выдумку высоко оценили на Выставке достижений народного хозяйства СССР. Оба паренька получили бронзовые медали.

Заметьте: бронзовые. Не серебряные и золотые. Значит, задача не до конца решена. Чье предложение следующее?

В. ЧЕТКАРЕВ

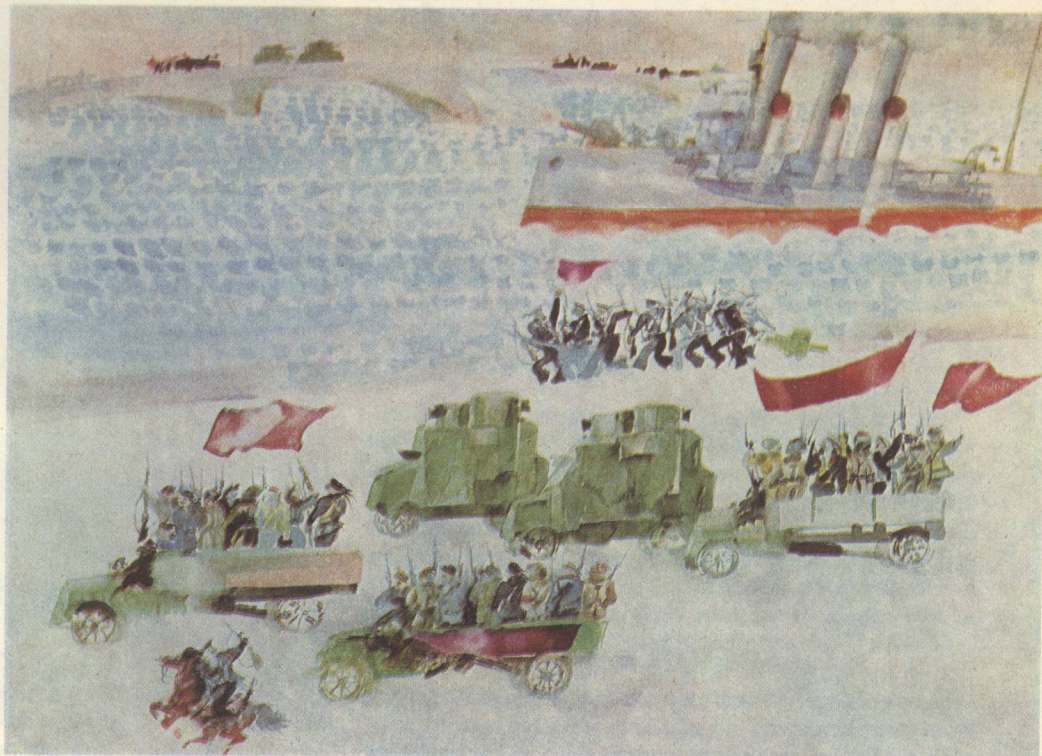

Валентин Иванович
КУРДОВ

ОНИ РИСУЮТ ДЛЯ ВАС

«Песни революции», — так называется этот альбом акварельных рисунков.

Как летят кони! Сколько в них стремительности, напора,

Крейсер „Аврора“

Обложка
альбома

ветра! Как яростен порыв всадников! Кто может устоять перед ними?

Альбом к шестидесятилетию нашего государства сделал народный художник РСФСР Валентин Иванович Курдов.

50 лет работает Валентин Иванович в детской литературе. Он был иллюстратором и другом Виталия Бианки, Маршака, Хармса, Бориса Житкова, Корнея Чуковского.

Обитателей джунглей из сказок Киплинга, птиц и зверей «Лесной газеты» Бианки, рыцарей из средневековых замков Вальтера Скотта, богатырей карельского эпоса «КАЛЕВАЛА» сразу узнаешь по курдовской точности и тонкости рисунка. Так видит мир исследователь, путешественник, натуралист и охотник. Курдов соединил в себе все эти качества.

Но когда готовился этот номер журнала и Валентина Ивановича спросили, какие свои рисунки он хотел бы увидеть в нем, он сказал: «Красную конницу».

Воспоминания его детства и юности — это героические события гражданской войны, уральские горы и степи со скачущими всадниками. В этих местах была разгромлена белая армия Колчака.

— Какой разительный контраст! Рабочие комиссары с красными бантами на груди, — рассказывает Валентин Иванович, — питерские матросы, опоясанные пулеметными лентами, красноармейцы в обмотках и буденновских шлемах, так похожие на витязей. Голодные, кто в чем одетые, они гнали сытый, хорошо экипированный корпус белого генерала Гайды. И еще мне навсегда запомнились их песни...

Больше сорока лет назад Валентин Иванович Курдов нарисовал впервые этих всадников. Книжка называлась «Кавалерия». Потом были: «Конная Буденного», «Красные и белые», «По дорогам войны». И вот теперь — «Песни революции». Через всю жизнь художника, через его сердце пронесли всадники революции.

СВЕТЛАНА ПОКРОВСКАЯ

Конница Буденного

А это — враги революции: царь да капиталист, кулак да махновские бандиты

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. ПОПОВА

Год издания 21-й

В ОЗНАМЕНОВАНИЕ ВСЕНАРОДНОГО ПРАЗДНИКА — ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЯ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ — НАГРАДИТЬ:

1. За лучшую работу по воспитанию юных моряков — руководителя клуба юных моряков **ПУТЯТИНА Геннадия Георгиевича** (Комсомольск-на-Амуре) — Грамотой Военно-Морского Флота СССР и ценным подарком.
2. За лучшие материалы о юных моряках — юнкора **Вячеслава Букатова** (Омск, Омское

речное училище) — памятным знаком «Костра» и ценным подарком,
— юнкора **Сергея Слюнькина** (город Байкальский) — дипломом и памятным подарком.

3. За лучшие рисунки на морскую тему — юного художника **Женю Старикова** (город Воронеж) — дипломом и набором красок,
— юного художника **Вову Ильина** (город Павлодар, Казахская ССР) — дипломом и набором красок.

Контр-адмирал Н. СКОСЫРЕВ

ЛИСТОВКА

Сторожевой корабль «Зарница», где я служил, подошел к Адмиралтейской набережной во второй половине дня...

На Неве уже стояли корабли — «Забияка», «Самсон», «Хопер»...

А на набережной тесно от бушлатов, шинелей, курток.

Шел мелкий дождь. Ветер гнал облака. Революционные отряды двинулись к Дворцовой площади, заняли все ходы-выходы. Зимний был взят в кольцо...

А во дворце — Временное правительство под охраной юнкеров. С нетерпением мы ждали приказа о наступлении. Я сжимал холодную винтовку. В отрядах кронштадтцев спрашивали: «Почему стоим? Пора бы уж двинуть на министров-капиталистов!»

— Погодите, — отвечал кто-то. — Временному отправили ультиматум... Не захотят сдаться — тогда начнем...

Наконец все увидели: на Петропавловской крепости, на стене засветился красный фонарь — условный сигнал.

— Ну, Антон, — сказал мне мой дружок Миша Тараканов: он на «Зарнице» был членом судового комитета, — ну, Антон, кажется, сейчас пойдем...

Тут его голос потонул в тугом гро-

хоте: словно над самым ухом выстрелило орудие «Авроры». Мы бросились на штурм Зимнего. «Ур-р-ра!» Чем ближе мы подходили к Зимнему дворцу, тем реже становились выстрелы засевших за баррикадами юнкеров.

У решетки Александровского сада я заметил листки бумаги с каким-то текстом и одну листовку спрятал за отворот бушлата. Дальше побежал. А выстрелы и совсем затихли. Смотрю, за штабелем бревен — кучка юнкеров, а их уже окружили наши. Слышу: один пожилой красногвардеец говорит юнкеру, безусому юнцу:

«Тебя бы к твоему отцу отвести, чтобы выпорол...»

А к Зимнему текли новые и новые отряды. Площадь бурлила! Командир нашего отряда с «Зарницы» уже расставлял охрану захваченного дворца...

Всю эту ночь мы не смыкали глаз. А утром 26-го нас сменили свежие караулы.

По дороге на корабль взмог я на середину моста, огляделся. Не

От Военно-Революционного Комитета при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов.

Къ Гражданамъ Россіи.

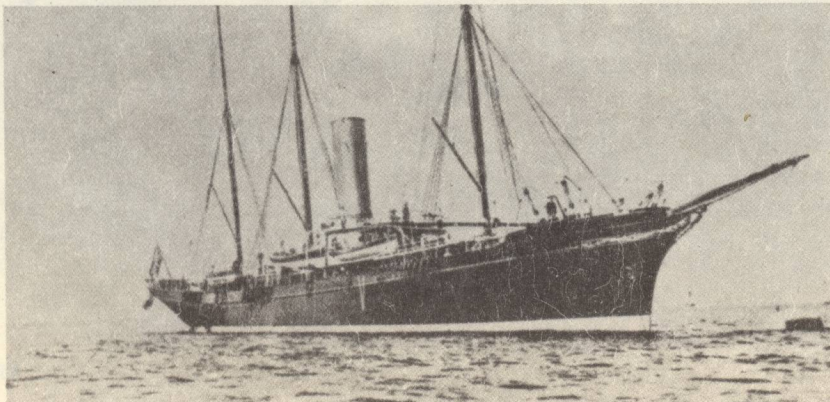
Временное Правительство низложено. Государственная власть перешла въ руки органа Петроградскаго Совета Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ Военно-Революціоннаго Комитета, стоящаго во главѣ Петроградскаго пролетаріата и гарнизона.

Дѣло, за которое боролся народъ: немедленное предложение демократическаго мира, отмена помѣщичьей собственности на землю, рабочій контроль надъ производствомъ, созиданіе Совѣтскаго Правительства — это дѣло обезпечено.

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ РЕВОЛЮЦІЯ РАБОЧИХЪ, СОЛДАТЪ И КРЕСТЬЯНЪ!

Военно-Революціонный Комитетъ при Петроградскомъ Советѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ

25 октября 1917 г. 83 ч. утра.

слышно было ни единого выстрела. На кораблях между мачтами атели полотнища — «Вся власть Советам!» И тут я вспомнил про листовку. Достал, разгладил. А там — крупным шрифтом:

«К ГРАЖДАНАМ РОССИИ!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов —

Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

Аккуратно сложил я листовку, спрятал в карман...

Шестьдесят лет с тех пор прошло, и листовку эту памятную я до сих пор сохраняю... Первую листовку Советской власти.

Рассказ

Антон Степановича
МИЛОСЛАВСКОГО,

члена КПСС с 1918 года,
участника штурма Зимнего
записал М. БУЛАНЖЕ

МУЖСКАЯ РАБОТА

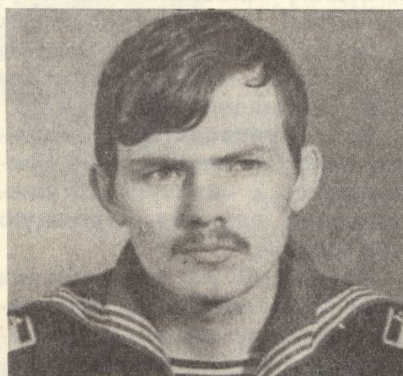
Мы палубу моем,
По-нашему — драим,
От борта до борта,
От края до края.

Пусть швабры гуляют,
Не зная простоя...
Огромный корабль
Засверкал чистотою!

Приятно взглянуть
На корабль моряку.
И мы повезем
И зерно, и муку,

Бананы и кофе,
Изюм и хурму...
А грязь через море
Возить ни к чему!

Е. ФЕЙЕРАБЕНД

ВЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

У нас вожатый особенный. Он — моряк. Наш отряд дружит с ним уже два года. Зовут вожатого Сережа.

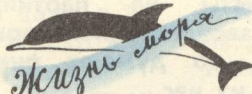
У Сережи очень мало времени, но он старается как можно больше сделать для нас. Недавно он организовал экскурсию в морское училище. Сначала мы прошли в музей училища, а потом на подводную лодку.

Мы поднялись на лодку и спустились в люк. В лодке было тесновато, кругом — всякие механизмы. Нам показали отверстия, через которые выпускают торпеды.

Ребятам не хотелось уходить отсюда.

Мы были очень благодарны Сереже за такую экскурсию. Сережа всегда делает, что пообещает, поэтому наши ребята зовут его Верный человек. Сережа комсомолец. И мы берем с него пример.

Валя Иванова,
город Пушкин

ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА — НЕОПАСНАЯ

Американские ученые поймали в Тихом океане большую акулу. И очень удивились: никто никогда прежде такую акулу не видывал!

Зубы у акулы необычные — маленькие и тонкие, как иголки, язык — громадный, точно это не акула, а какое-нибудь жвачное животное...

— Сенсация! — сказали ученые. — Новый, доселе неизвестный науке вид!

Длина акулы — три с половиной метра. Для человека эта акула неопасна, потому что питается мелкими рачками — крилем.

НЕВЕРОЯТНЫЕ МОРСКИЕ ИСТОРИИ

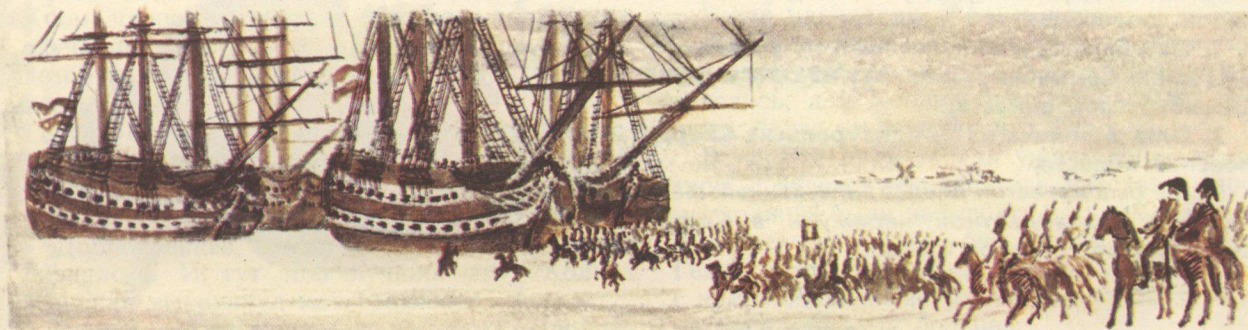
Гусары, на абордаж!

В конце XVIII века Голландия воевала с Францией. Наступила зима, и голландский флот зазимовал в Зюдер-Зее. Морозы усиливались, и лед сделался очень крепким...

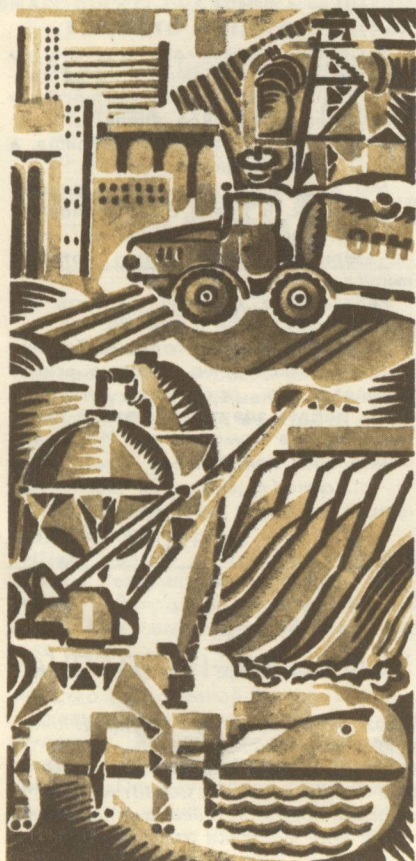
И тогда командовавший французской армией генерал Пишегрю решил на невиданный маневр — он приказал эскадронам своих гусар захватить голландский флот!

Гусары в конном строю кинулись на абордаж... Это было так неожиданно для голландцев, что ни одна корабельная пушка не успела выстрелить...

В истории это редкий случай, когда флот захватила кавалерия...

ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ, САМЫЙ ОБЫЧНЫЙ

Сегоднешний день для нашей страны начинается в Москве.

В 6 утра по московскому времени бьют куранты Кремля и звучит по радио Гимн Советского Союза.

Мы работаем, учимся, отдыхаем, сверяя часы по московскому времени.

Лишь в музее можно увидеть Россию слепых кособоких избушек, слабосильных крестьянских лошадок, грязных рабочих поселков, Россию полунищих неграмотных оборванных людей.

Под руководством ленинской партии наша страна превратилась в великую могущественную державу, строящую коммунизм.

И каждый из нас — хозяин этой державы: дед, отстоявший свободу страны в сражениях, и отец — рабочий, инженер, колхозник, ежедневный труд которого необходим нам всем, и школьник, который учится быть строителем коммунизма.

Когда собираются в Москве коммунисты на партийные съезды, заседают члены правительства, то думают они о каждом из нас.

Не зря в директивах партии пишется, сколько для нас за пятилетку напечатают книг, сколько выпустят самолетов и тракторов, велосипедов и телевизоров.

Когда под руководством Председателя конституционной комиссии, Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева в Москве вырабатывалась новая Конституция Советского Союза, то и в ней, в новой Конституции, тоже каждая строка говорит о нас, о нашей жизни, о нашей работе и учебе, о нашем будущем.

В обычный трудовой сегодняшний день в твоей семье заняты все. Ушли на работу — в цех или на колхозное поле — твои мама и папа. И ты тоже делаешь важное дело — ты учишься в школе.

Мы — советский народ, мы говорим на разных языках, живем в больших городах и маленьких селах далеко друг от друга.

Но день у нас общий, общие радости, огорчения и победы, и дело, которое все мы делаем сегодня — на работе, в школе и дома, — тоже общее — одно на всю Родину.

Все вместе мы строим будущий новый коммунистический мир. О нем мечтали, за него сражались наши деды, его строят наши матери и отцы, и очень скоро и ты, пионер, тоже станешь его строителем.

И каждый обычный сегодняшний день приближает нас к нашему коммунистическому будущему.

ВАЖНОЕ СООБЩЕНИЕ ШТАБА ПОИСКА

Ученые Ботанического сада Академии наук СССР благодарят за редкую находку экземпляров розовоцветной черемухи:

1. Октябрат третьего класса и их учительницу Галину Семеновну Сопуну из села Куруил Оренбургской области.

2. Олю Ашейчик из Среднеуральска Свердловской области.

Ранее был известен лишь единственный факт находки розовоцветной черемухи в Советском Союзе (поселок Сосьва).

ИСКУССТВО ТРЕБУЕТ ЖЕРТВ

РАССКАЗ

А. ТОЛМАЗОВ

Рисунки **А. Ивашенцевой**

Нашему классу поручили организовать литературный вечер. Регина Крестьянинова, председатель нашего отряда, сказала, что нужно разыграть на сцене в актовом зале два рассказа. Все зашумели. В артисты никто записываться не хотел. А Роман сказал, что даже в настоящем ТЮЗе мальчишек всегда играют женщины.

Регина помрачнела и объявила, что если мы отказываемся готовить вечер, она уходит в отставку. После этого все согласились слушать рассказы.

Рассказов было четыре. Регина по очереди прочла их вслух. В первом рассказе оказались сплошные слезы, и Роман сразу сказал, что плакать на сцене могут только настоящие артисты и тренироваться для этого нужно сто лет. В другом рассказе нужно было ходить на руках. Таких акробатов в нашем классе не оказалось. Третий рассказ был простой, но действие его происходило в бассейне. Валера Васов, как главный специалист по технической части, сказал, что бассейн на сцене он не гарантирует.

Наконец выбор был сделан. Для четвертого рассказа не требовалось ничего особенного. Кроме чашки, которую по ходу дела полагалось случайно разбить, и небольшой пощечины, которую нужно было отвесить отрицательному персонажу.

Теперь оставалось набрать артистов. В классе снова поднялся шум. Регина взяла мел и приготовилась записывать на доске добровольцев.

Добровольцев, как и следовало ожидать, не оказалось. И тут мой лучший друг Колька Шишкин выкрикнул мою фамилию.

Регина стала писать ее на доске. Спорить

было бесполезно, и поэтому я просто-напросто крикнул:

— Шишкина запишите!

Колька показал мне кулак, но было поздно. Теперь мы оба красовались на доске. Это страшно понравилось ребятам, и все стали наперебой выкрикивать друг друга. Скоро артистов набралась целая армия.

Режиссером назначили Светку Кисточкину, и артистов, чтобы не откладывать дело в долгий ящик, повели в зал.

Колька не унывал. Он был убежден, что такая тихоня, как Светка, никакого спектакля с нами не поставит.

В актовом зале Кисточкина рассадил нас на стулья по кругу, как тигров в цирке, и стала рассматривать.

Она долго изучала Кольку, как будто увидела его в первый раз, а потом подошла ко мне. Мне было до чертиков интересно: что она высматривает.

Наконец, Кисточкина твердо сказала:

— Кротова будешь играть ты!

— Почему? — возмутился я. Играть главную роль? Это мне ни капельки не светило.

— У тебя положительный профиль, — сказала Светка и пошла дальше.

Я зажмурил один глаз, чтобы посмотреть на свой профиль. Кроме кончика носа, ничего, конечно, я не увидел и твердо решил, что все это ерунда! Что еще за такой положительный профиль?

Кисточкина тем временем снова начала изучать Кольку. Она сбила ему прическу. Теперь Колька стал похож на дикобраза.

— Будешь играть Силкина! — сказала Светка и распустила остальных артистов. Я понял, что мы влипли.

— А что мы должны делать? — хмуро поинтересовался Колька.

— Ты разве не слушал рассказ? — строго спросила Кисточкина.

Я помнил рассказ и сообщил Кольке, что буду бить его по физиономии. Колька ответил, что после спектакля даст мне сдачи.

— У нас не бокс, а спектакль. Пощечина будет театральная! — успокоила его Кисточкина.

Ночь перед спектаклем я спал плохо. Мне приснилось, что я сижу в огромной клетке и передо мной с огромным бичом стоит Кисточкина и заставляет прыгать через горящий обруч.

Вечер назначили на семь часов.

Когда открыли занавес, я понял, что на сцене легче всего исполнять трусов. Руки у меня тряслись, а у Кольки было такое выражение лица, будто ему только что вырвали зуб.

В первом ряду сидела учительница литературы, а рядом с нею писатель, рассказ которого мы должны были разыграть в лицах. Писатель был очень скромный, без бороды и без очков. Генка Шубин из 10 «б», который сидел рядом с ним в больших непрозрачных очках, походил на писателя куда больше.

В первой сцене я чинил телевизор и заодно поучал Кольку, как надо жить. Все шло как по нотам до тех пор, пока Кисточкина не показала из-за кулис, что говорить нужно громче. Я заволновался и не заметил, как повернул телевизор задом наперед. В зале засмеялись: телевизор у нас был ненастоящий — обыкновенная коробка без всякой начинки.

Валерка, ответственный за технику, высунулся из-за кулис и повертел пальцем у виска. Я исправил ошибку, но зрители не унимались. Писатель сидел с каменным лицом. Никакого юмора у него в этой сцене предусмотрено не было.

Вторая сцена началась с того, что Кисточкина — она изображала дежурную по столовой — вытирала столы. Малыши очень натурально сделали очередь в буфет. Колян еще натуральнее ее развалил. В этот момент должен был появиться я и взять нарушителя за шкирку.

Может, оно так бы и случилось, если бы перед самым выходом я не захотел причесаться. Пока я стоял перед зеркалом в темноте, в самом углу сцены кто-то чиркнул спичкой. Я присел на корточки и разинул рот от удивления. За черной драпировкой стоял Витька Смирнов из 8 «б». Он собирался бросить на сцену дымовуху — моток свернутой киноплёнки. В прошлом году он прославился на всю школу тем, что принес на физкультуру лягушку. Одним словом — человек без тормозов.

Тем временем на сцене из-за моего отсутствия началась паника. Колян окончательно разогнал очередь и теперь метался по сцене в поисках того, кто должен призвать его к порядку.

Но в это время я уже сцепился с Витькой. Он, конечно, такого не ожидал. На линейке его голова выше всех, и никто в школе с ним не связывается.

— Э, артист, тебя зовут! — отбивался Витька. От неожиданности он явно струхнул.

— Отдай дымовуху! — прошипел я.

А на сцене пошло такое! Кисточкина, сама спасая положение, кинулась наводить порядок у буфета. Колян не знал, что делать. По рассказу здесь завязывалась моя с ним потасовка, а теперь драться ему было не с кем.

Пытаясь вырвать дымовуху, я повис у Витьки на руке. Он резко толкнул меня, и мы оба вылетели на сцену.

В зале началось что-то невообразимое. Громко визжали малыши, со всех сторон к сцене бежали болельщики.

Кто-то догадался дать занавес. Последнее, что я успел заметить, было удивленное лицо писателя. Он, должно быть, вспоминал, где это все у него написано?

Меня разбирали на совете отряда. Защищала меня только Кисточкина. Она сказала, что я, конечно, немного нарушил течение пьесы, но это произошло только потому, что во время репетиций я сильно вошел в положительный образ и поэтому не мог спокойно пройти мимо замеченного безобразия.

ЭТОТ САМЫЙ ПЕРВЫЙ СНЕГ

Этот самый первый снег
 На земле белее всех:
 Облаков белее
 И берез в аллее.
 Он летает надо мной
 И сверкает белизной.
 Как, скажите, падать
 Снегу с неба в слякоть?
 Он ведь самый первый снег,
 Он белей и чище всех.
 Как ему решиться
 В лужу приводниться?
 Вот он и летает,
 Потихоньку тает.

Т. ЗОЛУТУХИНА
 Рисунок Т. Сергеевой

8

ЁЖ

СТРАНИЧКИ
ДЛЯ
МАЛЫШЕЙ

ДЕМОНСТРАЦИЯ

7 ноября папа и Вася пошли на демонстрацию.

Папа поставил Васю на украшенный грузовик, а сам встал позади, вместе со своим цехом.

ОВЧАРКА

Овчарка пограничная —
 Собака симпатичная.
 Я с ней дружу,
 И я могу
 Ее трепать и гладить.
 Но я уверен, что врагу
 С ней никогда не сладить.

Валерий Шульжик
 Рисунки Т. Сергеевой

ЗАГАДКА

Тук-тук-тук-тук-тук-тук-тук!
 Обломился толстый сук.
 Только кто на нем сидел —
 Не упал, а улетел!

(гэзъу)
 А. ЛИСНЯК

ОБЛАКА

Были белы
 Облака.
 Вдруг их круглые
 Бока
 Подрумянились
 Слегка...

Стало небо
 С облаками —
 Будто блюдо
 С пирогами!

Ирина ПИВОВАРОВА

Грузовик был теперь как бы не грузовиком, а мощной турбиной для электростанции — как раз такую турбину делал папа в своем цехе. Турбина ехала впереди, везла Васю и других ребят, за ней шел духовой оркестр, он играл марши, от которых хотелось маршировать и громко петь. А за оркестром двигался весь завод.

Вася с ребятами ехал на турбине по городу, прохожие на улицах махали им флажками, кричали «ура», и Вася тоже кричал им «ура».

Потом турбина выехала на главную площадь.

На главной площади стояли трибуны, а на трибунах были самые известные люди города.

И вдруг Вася увидел на трибуне своего знакомого, тоже Васю, Василия Петровича. Василий Петрович работал с папой в одном цехе, а еще ездил в Москву выступать на съезде партии.

— Да здравствуют советские студенты! — поздравляли в микрофон люди с трибуны студентов, которые шли по площади впереди Васиного завода. И студенты сразу откликались: «Ура!»

«А нас когда же?» — думал Вася.

— Да здравствуют советские речные моряки! — поздравляли люди с трибуны

2

СКОРОГОВОРКА

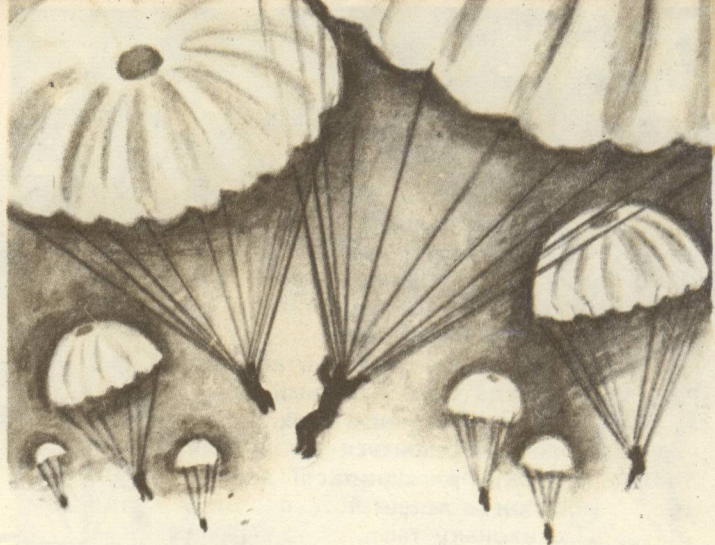
Шла мама с ребенком,
Потеряла гребенку.
Шел медведь с котенком,
Подобрал гребенку.

*Света Бадаева,
2-й класс, Ленинград*

Рисунок А. Орлова

6

ПАРАШЮТИСТЫ НА ВОДЕ

РАССКАЗ

Один раз мы с мамой пошли купаться на залив. Мы искупались и сели на песок. Вдруг мы увидели, как с самолета прыгают парашютисты и падают прямо в воду.

Я сначала испугался, но когда увидел, что их подбирает лодка, успокоился. И спросил у мамы:

— Они что, учатся плавать?

— Нет, они учатся прыгать, — сказала мама.

*Сергея Головачев,
3-й класс, Ленинград*

Рисунок А. Орлова

7

моряков, которые шли слева от Васиного завода.

«А нас когда же? Когда же нас поздравят! — думал снова Вася. — Вдруг забудут?»

И тогда он изо всех сил замахал Василию Петровичу флажком, и вместе с ним все ребята на турбине тоже замахали флажками.

— Василий Петрович, ура! — кричал Вася, но на площади было шумно и весело, поэтому Васю мало кто слышал.

Неожиданно люди на трибуне сами повернулись к Василию Петровичу, стали ему аплодировать, а человек, который стоял у микрофона, тоже посмотрел на Василия Петровича, потом на Васю, машущего флажком, потом на саму турбину и сказал по всем репродукторам площади:

— Да здравствуют советские дети и их родители, которые делают такие замечательные турбины!

И тут уж Вася так закричал «ура», так замахал флажком, изо всех сил, что Василий Петрович на трибуне не удержался и тоже стал в ответ махать Васе шапкой. А за ним и все другие люди на трибуне стали махать Васе и улыбаться.

*Валерий МИХАЙЛОВИЧ
Рисунок Г. Ясинского*

8

НАБОР ОБЪЯВЛЕН

Главкомандующий Армией Рыцарей Черно-Белых Клеток непобедимый шахмат-адмирал Ферзьбери объявляет: прием заявок на участие в рыцарских турнирах 1978 года открыт!

Приглашаются шахматисты и шашкисты, не боящиеся вступить в борьбу за спортивный разряд и приз. Чтобы быть включенным в турнир (а начнется он в январе), лучше заранее сообщить в АРЧЕБЕК о своем намерении. Поэтому — возьми перо, открытку и пиши: «Прошу принять меня...». Каждого, кто пришлет заявку, примут!

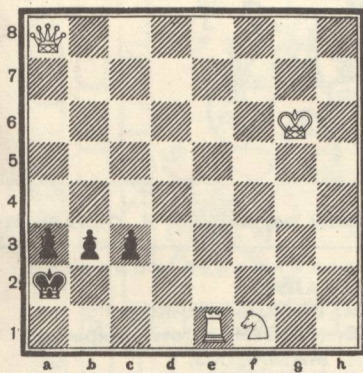
А не умеющих играть зачислят в отряд оруженосцев, где они получат необходимую подготовку.

Вступайте в АРЧЕБЕК! Включайтесь в турнир!

НА ПОЛИГОНЕ

Всему миру известно искусство рыцарей АРЧЕБЕКА. Черный король начинает дрожать мелкой дрожью, когда за доску усаживается кто-либо из отважных архебековцев. Пр продемонстрируйте же еще раз, доблестные рыцари, ваше умение без промаха поражать цель!

Конструктор образцов, прибывших для испытаний — Александр Гришин (Ермоловка). Условия стрельбы — на диаграмме и в записи.

№ 2. Белые: Кра2, Фh3, Лb7, Лf4, п.b3; черные: Кра5, Ла6, Сb5, п.b4.

№ 3. Белые: Кра5, Лd7, Са4, Сb6 п.с5; черные: Кра1, п.a2.

Итак, на линию огня! Цель — черный король. Мат с дистанции трех ходов!

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Вот знаменитый этюд чехословацкого гроссмейстера Рихарда Рети (1889—1929) — белые: Крh8, п.с6; черные: Кра6, п.h5. Не правда ли, кажется, что белые обречены? Ну как, в самом деле, их король ухитрится догнать черную пешку? А их собственная пешка на с6 — ведь король черных в любой момент может ее уничтожить!..

Однако такое впечатление обманчиво: белые в силах спасти партию! Вот план их действий.

1. Крг7! h4 2. Кpf6! Крb6 3. Кре5! и теперь, если 3... h3, то 4. Крд6, а если 3... Кр:c6, то 4. Крf4 — в обоих случаях с ничьей.

Поразмыслий над приведенным вариантом, дополни его разбором других ходов, напиши примечания, вскрой причину успеха этого плана игры!

КНИГА ЖАЛОБ

«В нашем классе есть Сеня Веревкин. Он очень любит выигрывать, а проигрывать не любит. Он тогда злится».

Вчера мы играли в шашки, и у меня осталось три дамки, а у Веревкина одна. Ходили, ходили, потом я говорю ему: «Сдавайся!», — но он не сдается, говорит: «Сначала поймай. Есть правило: надо за пятнадцать ходов поймать. А ты уже десять ходов сделал, тебе только пять осталось».

Положение у нас теперь такое — мои белые: Д.с3, е3, g3; черные: Д.а3. Мой ход, но я не хочу ходить. Пусть он сдается. Костя Р.».

Резолюция шахмат-капитана Пешкодова:

1. Жалоба напрасная — неправ сам рыцарь Костя Р. Противник сдаваться не обязан. Умеешь поймать дамку — лови, а не умеешь — соглашайся на ничью.

2. Всем рыцарям предлагаю: уничтожить в случившемся положении черную дамку не позже чем за пять ходов.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 8 решаются так.

Чемпионат. Шахматы. А. 1. Фf5! Б. 1. Ке3! В. 1. Кb5! Кра5 (Крb7 2. Фа7+) 2. с4. Г. 1. Фс6! Кр:d2 (или cd 2. Cd1!, или g4 2. Фh1+) 2. Ф:c3+! Д. 1. Фh4! Лg8 (или Лf8 2. Фg3+!, или Ле8 2. Фf4+, или Кра8 2. Крг7!, или Крс8 2. Фе7!) 2. Фh2+! и т. д... Е. Белые достигают ничьей — 1. Кра1! Кре2 2. Кра2! Кре3 3. Кра3! Крд2 4. Крb2! Крд3 5. Крb3 Кре2 6. Кра2! и т. д... Но плохо 1. Крс1? Кре2 2. Крс2 Кре3 3. Крb3 Крд3 4. Крb2 Крд2 5. Крb3 Крс1! 6. Крb4 Крс2 с выигрышем. Шашки. А. 1. h4! 2. d2!X. Б. 1. dc3 2. g5 3. b8 4. d2!X. В. 1. bc3! 2. d4! 3. c5 4. c5!X. Г. Выигрыша нет: если 1. f4 e1 2. f6 e5 3. f2 g3 4. b8, то b4! 5. c7 c3! 6. d4 b6=. Д. 1. h8 e3 2. d4! d2 3. c3! b4 4. b8 c3 5. a7X. Е. 1. f6!X.

Оруженосцам. При ферзе мат в 2 хода — 1. Фh7! При ладье мат в 3 хода — 1. Лd2 (или на иное поле) Кре8 2. Лf2.

САМОЕ ТРУДНОЕ

Выдающегося пианиста Артура Рубинштейна спросили: что было для него самым трудным, когда он учился играть на рояле?

— Оплата уроков, — ответил тот.

ПИСЬМО БОРУ

Молодой голландский физик Гендрик Казимир поехал к Нильсу Бору „на выучку“. Отец Казимира, далекий от мира науки, решил проверить, так ли уж этот Бор знаменит, и отправил сыну письмо по адресу: „Нильсу Бору для Казимира, Дания“. Письмо дошло без задержки.

ЭТО ЕЩЕ НЕ БЕДА!

Композитору Римскому-Корсакову сказали, что музыка одного из его учеников весьма похожа на его собственную музыку. Композитор ответил:

— Если про музыку говорят, что она на что-то похожа, — это еще не беда! Вот если музыка ни на что не похожа — тогда дело плохо.

СОДЕРЖАНИЕ

Восемнадцатый год	2
стихи В. Кузнецова	
Срок ультиматума два часа	3
повесть Г. Черкашина	
«Флаг „Авроры“»	18
Стихи	
А. Прокофьева,	
К. Ваншенкина,	
Н. Тихонова	24
В честь революции, электрификации и мира	
очерк Л. Сидоровского	26
К полюсу	
очерк В. Стругацкого	29
Барaban	
журнал юнкорov	32
Мальчик Иоо и его друзья	
рассказы Ю. Рытхэу	37
Ребята из Лопухинки	
очерк В. Верховского	44
Старт в бесконечность	
очерк В. Шурлыгина	48
Мои друзья — рабочие	
рассказывает	
В. Четкарев	51
Они рисуют для вас	
С. Покровская	54
Морская газета	56
Искусство требует жертв	
рассказ А. Толмазова	59
Еж	
странички для малышей	61
Арчебек	
раздел ведет	
заслуженный	
тренер СССР	
Ю. П. Барский	63
Рассказ о знаменательных	
днях нашей страны	
подготовил	
В. Воскобойников	
Рисунки В. Цикоты	
На обложке рисунки	
народного художника РСФСР	
В. Курдова	

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Г. В. БАЛУЕВ,
В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ,
Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
В. И. МАТВИЕНКО,
А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ,
Т. Н. ФЕДОРОВА (зам. редактора),
Н. А. ХОДЗА,
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор
В. А. МАЕВСКАЯ

Рукописи и фотографии не возвращаются
Адрес редакции: 193015, Ленинград, Таврическая, 37, телефон 274-93-84
М-26599. Сдано в набор 5/VIII 1977 г. Подписано к печати 3/X 1977 г. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 8. Уч.-изд. л. 9,7. Тираж 570 000 экз. Заказ 1085. Цена 25 коп.
Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

Составил и оформил
В. УФЛЯНД

Полет ковра-самолета успешно завершен. Отчет об экспедиции клуба «За семью печатями» решено опубликовать в виде чайнворда, составленного из чайнвордов почетных членов клуба Коли ДОСКУМБАЕВА из села Нижний Бурлук Кокчетавской области, Каната БАРАНБАЕВА из села Астраханка Целиноградской

области и Феде ИСКАНДЕРОВА из Ижевска.

В — город в Белоруссии. К — город в Литве. С — город на Кольском полуострове. К — полуостров между Мезенской и Чешской губой. Н — город в Заполярье. К — остров в Баренцевом море. В — остров между Баренцевым и Карским морями. Ч — мыс на полуострове Таймыр. Н — поселок в Якутии на одноименном притоке Лены. Я — столица АССР. К — полуостров на Дальнем Востоке. А — город, названный в честь исследователя Приморья. В — поселок, где были разбиты белогвардейцы в Приамурье. А — приток Лены. Н — станция на БАМе. К — столица АССР. Л — город в Восточно-Казахстанской области. К — город в Таджикистане. Б — город в Узбекистане. А — столица союзной республики. Д — город в Армении. Н — столица АССР. К — краевой центр. Р — название двух городов РСФСР. В — город в РСФСР. Ж — город на Украине. Р — город на Украине. О — город в РСФСР. Л — город на Украине. В — город в

РСФСР. Р — город в Ярославской области. К — областной центр на реке Тобол. Н — город в Сибири. К — город на Енисее. К — река, впадающая в Восточно-Сибирское море. А — приток Енисея. А — город в Красноярском крае. Н — река, впадающая в Обскую губу. М — город в Удмуртской АССР. А — город в Азербайджане. М — гора на Северном Кавказе. К — город в РСФСР. К — город в Черкасской области. В — река в РСФСР. А — пионерский лагерь в Крыму. К — город в Узбекистане. И — город в Московской области. А — город в Горьковской области. С — город в Приморском крае. Н — город в Киргизии. Н — город в Узбекистане. Н — город в Архангельской области. А — город в Узбекистане. Н — город в Эстонии. А — город в Краснодарском крае. Р — столица союзной республики. А — поселок в Крыму. А — название поселков в Иркутской области и Хабаровском крае. Н — приток реки Шилки. А — река на Кавказе. И — река в Якутии. А — озеро в азиатской части СССР. Е — река в Сибири.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 10.

Кроссворд Сергея Коннова: По вертикали: 1. Парад. 2. Кальмар. 3. Капитан. 4. Копал. 7. Ирасек. 8. Декарт. 11. Олимпиада. 13. Аргентина. 15. Аргамак. 17. Олово. 19. Итака. 21. Куртка. 22. Фигаро. 24. Китайка. 25. Казакин. 28. Самба. 29. Раддн.

По горизонтали: 5. Ананас. 6. Панова. 9. Альмавива. 10. Катод. 12. Лайка. 14. Агава. 16. Ревизор. 18. Ниагара. 20. Ондатра. 23. Рубанок. 25. Калинин. 26. Искра. 27. Атлас.

29. Радар. 30. Амальгама. 31. Собака. 32. Кимоно.

Кроссворд Наташи Паромовой. По вертикали: 1. Дон. 2. Кол. 3. Кале. 4. Бар. 5. Куб. 6. Арно. 7. Яку. 8. Ара. 12. Индия. 14. Алиан. 16. Регби. 17. Цна. 18. Хор. 19. БАМ. 20. Риф. 25. Кимры. 27. Искра. 28. Мох. 29. Чек. 30. Оки. 31. Ага. 32. Чад. 33. Рем. 37. Евсуг. 39. Ветка. 41. Опера. 42. Сиг. 43. Низ. 44. Мат. 45. Кок.

По горизонтали: 1. Док. 4. Бук. 7. Ява. 9. Осака. 10. Упрек. 11. Нил. 13. Раб. 15. Ура. 17. Цех.

19. Бор. 21. Один. 22. Осима. 23. Илга. 24. Акр. 26. Миф. 28. Мяч. 30. Она. 32. Чир. 34. Ермак. 35. Гекла. 36. Хек. 38. Ива. 40. Дом. 42. Сын. 44. Мак. 46. Ясли. 47. Истра. 48. Орел. 49. Газ. 50. Ток. 51. Иго. 52. Бас. 53. Дар.

Длительность полета ковра вычисляется по московскому времени. 14.30 по свердловскому времени соответствует 12.30 по московскому. Следовательно, ковер пролетел 2200 км за 5 часов 30 минут со скоростью 400 км/час.

Я принят в пионеры!

Рисунок О. Филипенко

Сегодня в школе праздник;
Сегодня у меня
Горит на шее галстук-
Кусочек Октября!

Страна моя большая!
Мне радостно сейчас!
Сегодня пионером
Иду я в первый раз!

Андрюша Рыбкин, 3-й класс,
г. Горький.

